
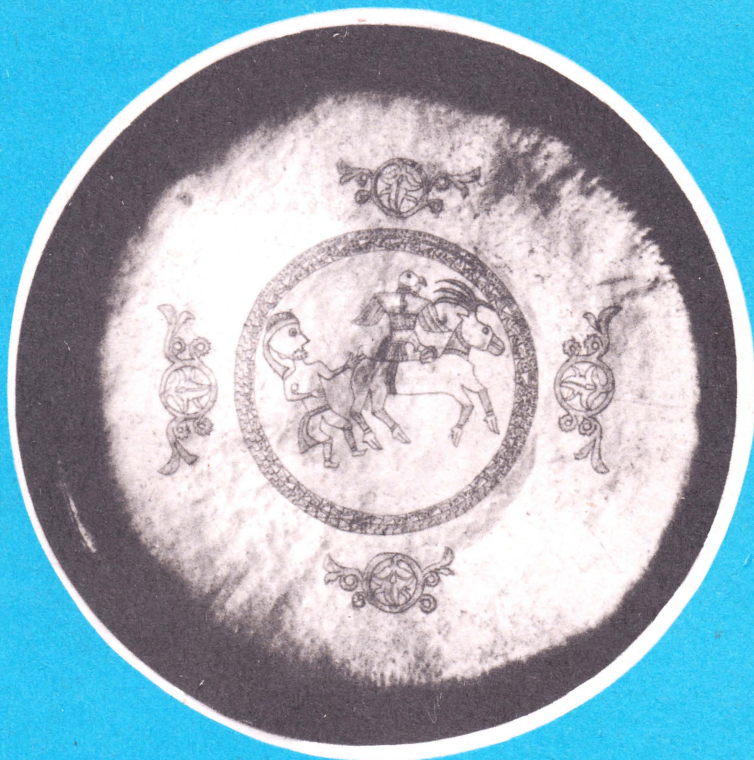
уральский

следопыт

№6 **** 1982

Откуда родом блюдо?

Наталья
ФЕДОРОВА

Оформление
С. Малышева

Это блюдо не теряется даже в окружении десятка других серебряных изделий, размещенных в одной с ним витрине в Особой кладовой отдела Востока Эрмитажа. Большое, массивное, оно привлекает внимание тонкостью и тщательностью работы и одновременно поражает какой-то первобытной загадочностью рисунка.

Судьба его сложна даже в своей «исторической» части; «доисторическая» же теряется где-то в глуби веков. Так называемое «Блюдо с сокольниковым» приобретено во второй половине XIX века в Томской губернии. Более точно узнать место его находки, видимо, не удастся уже никогда.

Впервые снимок его был опубликован в 1908 году академиком Я. Смирновым в капитальнейшем атласе «Восточное серебро», и с тех пор периодически появляется на страницах научных трудов, фигурирует в дискуссиях, меняет атрибуции. Кстати, об атрибуции. Ученый, исследующий, например, серебряный сосуд, прежде всего должен ответить на три вопроса: когда, где и по какому поводу (или кем) он был изготовлен. Это и называется — атрибуция сосуда. Ответы на эти вопросы складываются из анализа мельчайших деталей орнамента, изучения сотен аналогий, поисков сюжета в литературных источниках,

Читайте стр. 37.

в номере:

О. Поскребышев СТИХИ	2
О. Булгакова МЕЧ ПОБЕДЫ	4
Г. Лебедева ГОРЕ ГОРЬКОЕ...	10
Ю. Липатников ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗЕМЛЕКОПЫ	15
Г. Дробиз НА ПОДНОЖКЕ. Рассказ	16
Ю. Окунцов ЗАПИСНАЯ КНИЖКА УЗНИКА	21
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	22
М. Челнокова ЛЕТОПИСЕЦ	24
Б. Воробьев НАЕДИНЕ С СОВЕСТЬЮ	26
Г. Люсинов СКАНДАЛ НА ВСЮ РОССИЮ	31
В. Тарский ДЕРЖАВИН И ЛЖЕГЕРОЙ	32
В. Астафьев НА КАМЕ, В БЫКОВКЕ	33
Н. Федорова ОТКУДА РОДОМ БЛЮДО!	37
С. Слепынин МАЛЬЧИК ИЗ САВАННЫ. Повесть. Начало.	38
Ю. Рязанов ПЕРГАМЕННЫЙ ЛИСТОК ИЗ ФОЛИАНТА	67
Ю. Дунаев ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА	68
А. Копайский ОТ «РАКЕТЫ» ДО РАКЕТЫ	69
Б. Кортин ИЗ ДРЕВА ВЫЙДЕТ ЗВЕРЬ...	71
К. Ляпцев МОНЕТЫ ИЗ ПЛАТИНЫ...	71
Т. Чинарева СКОЛЬКО СТОИТ ЛОШАДЬ!	72
С. Коркодинов Трибуна новатора. Рассказ.	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
 (ответственный секретарь)

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 26.02.82.
 НС 11061.
 Подписано к печати 21.04.82
 Бумага 84×108^{1/16}.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,4.
 Тираж 255 000.
 Заказ 415.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рисунок Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

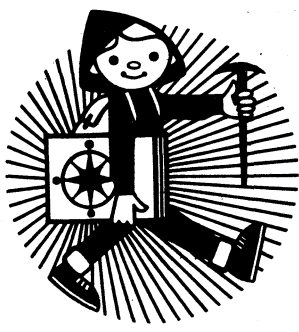
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

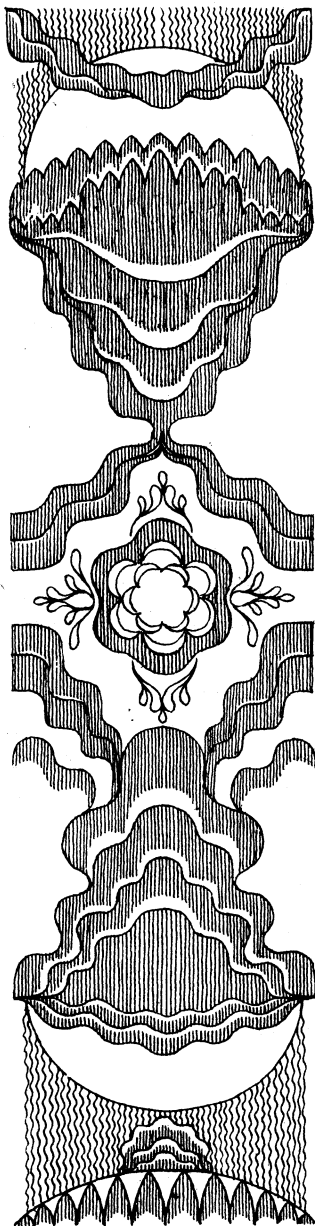
ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

№6 * 1982

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В междуречье Камы и Вятки, в Предуралье, раскинулась равнинно-холмистая Удмуртия, край развитой промышленности и многоотраслевого сельского хозяйства.

Богато историческое прошлое народа — удмурты принимали активное участие в Крестьянских войнах под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, в революциях 1905 и 1917 годов.

Веками тяготел над Удмуртией гнет феодалов и царизма, и только при Советской власти за талантливым и трудолюбивым удмуртским народом было признано право на автономию, на национальную самобытность.

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

Свет материнский

Немилых у Родины нету:
Все — дочки
И все — сыновья.
Народов большая семья
Равно ее лаской согрета!
В цеху,
На излуке ли вербой —
Никто ей не чуж-чуженин.
Лишь сам ей будь преданный сын,
Сама стань ей дочерью верной.
К ее материнскому свету
Ответный протяживай свет...
У Родины
Пасынков нет,
У Родины падчериц нету.

Ключи

Чуть солнце в Предуралье
Забросило лучи —
Запели-заиграли
В изложинах ключи.
Не ведаю покоя,
Ключи сбегают с круч
В Ключиху, в Ключевское,
В починок Светлый Ключ...
Звенит вода живая —
И музыки полно!
Для сердца ключевая
Родная сторона.
Не приключится горе,
Осталось вдалеке.
Ключи от счастья-доли
У каждого в руке.

Придумкой и лукавством не нарушу
Ответ на вопрос:
С чего пою?
Когда мне открывает кто-то душу,
Я десять раз готов открыть свою.
И, как из клетки птицу выпуская,
Я даже не шепну ей тихо:
— Пой!..—

Струна и та звенит, хотя стальная,
А я ведь не железный,
Не стальной.
Живое сердце бьется своевольно,
Живая кровь струится в глубине.
Я — не стальной:
Мне радостно и больно,
Светло, и грустно, и тревожно мне.
И затрепещешь весь,
Едва коснется
Тебя чужой, но близкий жизни ток.
Ну а во что он после изольется,
Сперва и самому-то невдомек.
Тоска и радость вырвутся наружу,
Ни счастья, ни беды не утаю...
Когда мне открывает кто-то душу —
Я десять раз готов открыть свою.

Сон ушел — и уже не вернешь его.
Свет зари четко лег у стола.
Я встаю с ожиданием хорошего,
С этим чувством берусь за дела.
Я брожу то зелеными рощами,
То раздольем лугов и полей —
И хорошего, только хорошего
Ожидаю от встречаемых людей.
Гаснет день — и уходит он в прошлое.
Завтра, новое счастье, вершись!
Я живу ожиданием хорошего,
А иначе зачем она — жизнь?!

Скоропостижно умер человек,
И вот о нем беседуют соседи:
— ...Ох, смертынька — как на голову снег!
В черед ли, не в черед — она, знай, метит.
— На днях иду, а он чуть не бегом
Навстречу: «Ай, — кричит, — хорош мороз-
то!»
— Уж он такой — с улыбкой жил... с
добротом...

И песен спел, и поработал вдосталь.
— Сидит на срубе с топором вчера:
«Эй, хошь, — хохочет, — новый дом по-
строю!»
— А к нам зашел и тут же: «Мне пора...» —
«Куда пора-то?» — лишь махнул рукою... —
И многое, что в сутолоке дней
Уплыло б не приметно по теченью,
Вдруг сделалось весомей и крупней,
Исполнилось подспудного значенья.
А разом все, что вспомнилось, окинь —
И выйдет, что в утрате и в печали
Сам человек увиделся таким,
Каким его как будто и не знали.

Поэт Олег Алексеевич Поскребышев — плоть от плоти своего народа.
 Он родился в 1930 году в крестьянской семье,
 в деревне Бани, что на старом Сибирском тракте.
 После окончания средней школы трудился в колхозе.
 Заочно получил высшее образование и стал работать учителем.
 Более двенадцати поэтических книг на счету поэта.
 Его творчество хорошо известно не только в родном краю,
 но и по всей стране. Он удостоен правительственных наград,
 является лауреатом Государственной премии Удмуртской АССР,
 лауреатом премии комсомола Удмуртии.
 Первые поэтические подборки Олега Поскребышева
 увидели свет на страницах «Уральского слепопыта».

Легко ли стать ручью
 Рекой
 И путь пробить тысячеверстий?
 А человеку стать собой —
 Легко ли тоже это,
 Просто ль?!
 Бывает,
 Что через века,
 Когда пора б угомониться,
 Все ищет новый путь река,
 А старый —
 Делает старицей...
 И, может, к устью подойдя,
 Не ты, так я
 Прошепчем грустно:
 — А если б вновь начать с ручья,
 Я выбрал бы
 Другое русло.

Проживают в споре да в раздоре
 Свет и темень, радость и печаль...
 Но однажды близ чужого горя
 С песнею прошел я невзначай.
 Словно птице в первый миг полета,
 Было мне легко и хорошо...
 Только вдруг — в груди кольнуло что-то,
 А кольнув, уже не отошло.
 Вмиг поблекла радость без подспорья,
 Стегануло думою внахлест:
 —...Что ж я — с песней близ чужого горя?
 Как же так — с весельем возле слез?!

Разобрали деревянный дом.
 Он остался — ленточный фундамент.
 И немало дней еще потом
 Будет он тревожить чью-то память.
 Вон стоит!
 Да не какой-нибудь —
 Из цементного отлит состава!
 Эдакой-то глыбе — как взглянуть —
 Двести лет бы ничего не стало.
 А сейчас, насупясь тяжело,
 Утюга бульдозерного ждет он,
 Все еще хранящий рук тепло,
 Политый мужицким крепким потом.
 Дом снесен.
 Да и не только дом...
 Многое, чтоносим понарошку!

Тут любовь-судьба пошла на слом,
 И семья распалась по бревешку;
 Там такую дружбу разнесло —
 Солнце потускнело, как огарок!
 ...А фундамент был из верных слов,
 Словно из цемента высших марок.

Чуть немного подрос...

Чуть немного подрос
 И стал у Крутого Яра ловить окескарей,
 То узнал от людей и запомнил,
 Что Пызеп наш впадает в Чепцу,
 Чепца — в Вятку,
 Вятка — в Каму,
 Кама — в Волгу,
 А Волга — в Каспийское море.

Только на ноги встал,
 Едва научился открывать калитку на улицу,
 Как тогда же усвоил такое:
 И отец мой, и мама, и сестры, и я —
 Вся семья —
 Мы живем в деревне Бани,
 Бани входят в Озоно-Чепецкий сельский Совет,

Сельсовет входит в Кезский район,
 А район — он в Удмуртию входит,
 А Удмуртия входит в Россию.

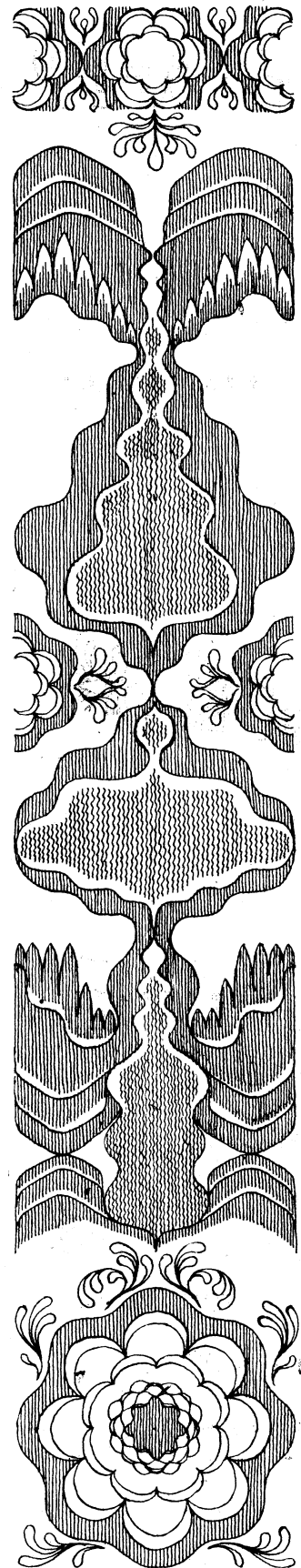
И когда я все это узнал,
 То вовсе по-новому
 Понял славную сказку про репку.
 Помните, как тащили ее из земли,
 Крепко-крепко, цепочкой, схватившись:
 Дедка за репку,
 Бабка за дедку,
 Внучка за бабу,
 Жучка за внучку,
 Кошка за Жучку...
 Только им все равно бы не вытащить репку,

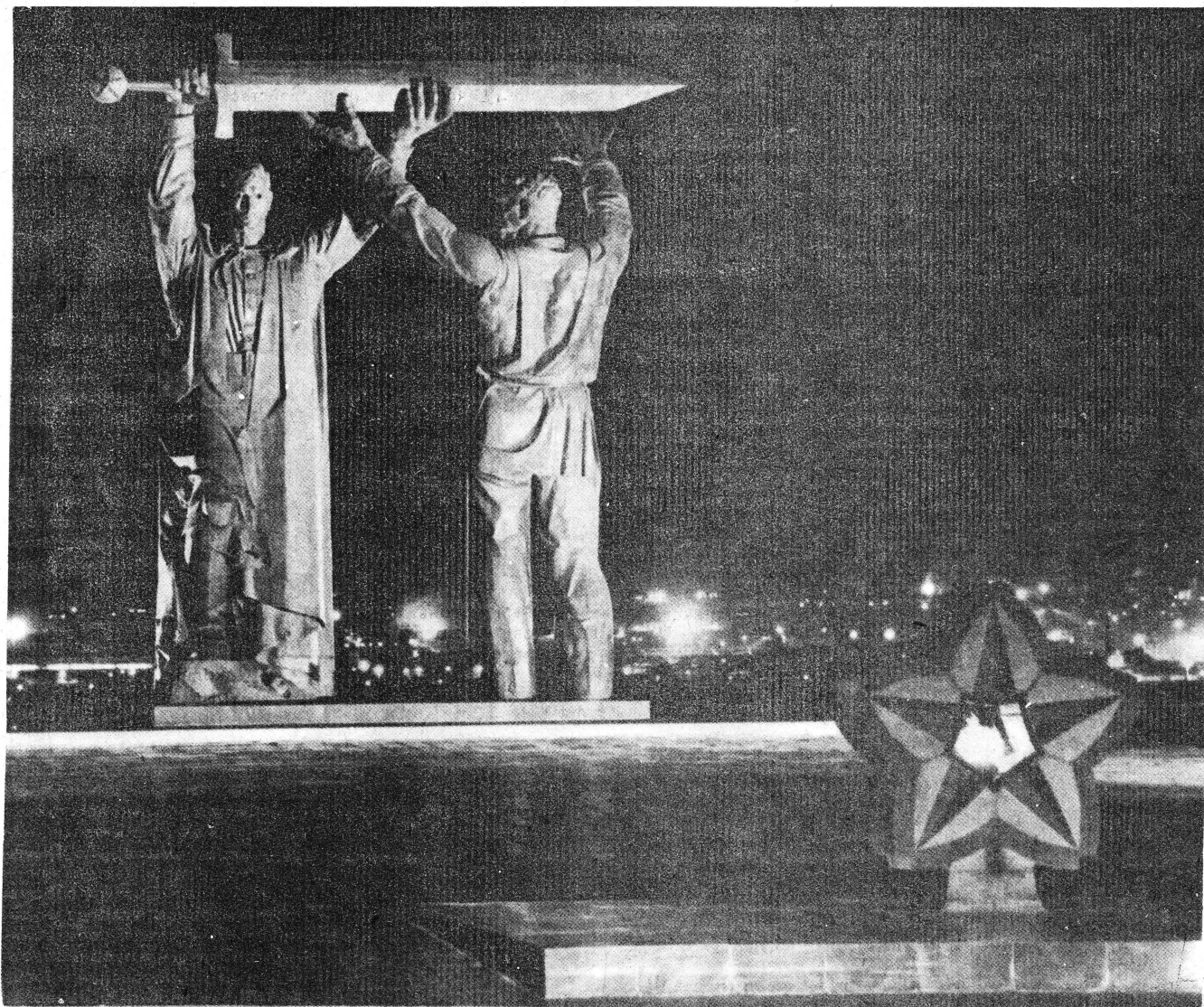
Кабы не мышка

И тогда-то подумалось мне:
 Вот что значит малая мышка...
 Вот что значит речка Пызеп...
 Вот что значит деревня Бани...
 Вот что значит моя семья...
 Вот что значить могу и я!..

Рисунки
 В. Меринова

МЕЧ ПОБЕДЫ

Оксана
БУЛГАКОВА

Фото
Б. Клипищера

Что на свете страшнее фашизма?

Бруно Шульцу — 84 года. Он из тех ветеранов партии, кого в ГДР называют «активистами первого дня», антифашист, участник Движения сопротивления, его партийный стаж длиннее всей моей уже тоже немалой жизни. Друг Макса Реймана и Отто Гротеволья, знаком был с Эрнстом Тельманом.

Познакомились мы с ним в Берлине. Накануне я позвонила Бруно из Лейпцига, и мы условились об этой встрече — на следующий день в отеле «Штадт Берлин», в два часа дня. Наш разговор мы собирались снять на пленку, для документальной киноленты «Меч Победы», над которой работали в это время.

Узнала я его сразу, как вошла в холл: очень похож на свое фото, что лежало у меня в сумочке: совершенно седой, грузный и — неожиданно — очень артистичный человек. Он тяжело поднялся навстречу, пожал руку и после короткого приветствия выложил на столик восемь документальных фотографий из 35-летнего далека. Подобные кадры я видела накануне в кинозале музея Бухенвальда, а еще раньше, 20 лет назад, в киноленте такой потрясающей силы, что все еще помню ее в деталях, — «Военные преступники». Ужас изображенного на снимках усиливался во сто крат здесь, среди нарядной праздности окружающего, комфортного великолепия отеля: довольства его посетителей, веселых, живых. Было просто не понять, как могло такое случиться и почему после этого мир еще живет и не просто живет, а вот так — купаясь в удовольствиях, развлекаясь, смеясь. С фотографий кричал, молил, обличал фашистский концлагерь. Таким его увидели американские операторы в первые минуты освобождения: догорающие останки человеческих тел; огромная груда костей — трагический итог одного только дня; голый, мрачный лес, где среди деревьев ровные ряды окостеневших трупов; живые среди мертвых в бараке; костер на лагерном дворе из обуви погибших. К этим фотографиям не требовался комментарий, но он был, напечатанный на машинке и аккуратно приклеенный к оборотной стороне — страшный рассказ очевидца.

— Вы спрашивали, что испытываю я, когда в Трептов-парке, в центре своей страны, вижу чужого солдата на пьедестале. — Шульц говорил медленно, с волнением, скорбью. — 12 лет я провел в фашистских застенках: в тюрьмах, лагерях смерти и концлагерях. Я видел все, что изображено вот на этих фотографиях. Я был таким же, как эти едва живые люди, когда передо мной открылись ворота лагеря. Человек, сказавший: «Вы свободны, товарищи!», был в форме советского солдата. Вы можете представить, кем стал для меня солдат-освободитель. Этого нельзя выразить словами. Почти каждый день, если позволяют здоровье и погода, я прихожу в Трептов-парк к Солдату. Люди должны помнить добро. Зло в мире от забвенья.

Бруно с трудом подыскивал слова. Я мысленно казнила себя за это испытание памятью, которое тяжело для человека, сколько бы лет ни отделяло от пережитого.

Бруно вновь открыл портфель.

— Я записал тут кое-что. Передайте мои слова вашим землякам.

Это были записи на немецком языке о последних днях в концлагере, которыми заканчивались его горестные годы скитаний.

«В последний месяц нам удалось тайно собрать детекторный радиоприемник. Мы прятали его в лагере под постелями, и, слушая сообщения о продвижении Красной Армии к Берлину, страстно жаждали освобождения. А когда за пару дней до нашего освобождения советские боевые части прошли совсем близко — в Шпандау, нами овладела форменная лихорадка.

Советские самолеты щадили концлагерь. А английские летчики — не знаем, случайно или намеренно — в один из налетов на Заксенхаузен погубили 300 женщин, работавших там на фашистском заводе.

Наш товарищ Макс Рейман, известный до войны руководителем коммунистической фракции в ландтаге, и двое заключенных попытались прорваться навстречу советским передовым частям, мы в это время, перерезав колючую проволоку, прекратили подачу на нее электрического тока, но эсэсовцы еще окружали концлагерь.

Через час после прорыва ограждения и побега товарищей мы увидели советских солдат.

Трудно описать чувства, с какими приветствовали мы своих освободителей! Среди нас были поляки, русские, чехи, французы, югославы — мы все говорили на разных языках, но в минуты общего ликования нам ничто не мешало понимать друг друга. Этот момент освобождения от фашистских убийц настолько врезался в память, что

забыть его не сможет никто из нас никогда, как и никогда никому не разрушить нашу дружбу с советскими людьми.

Наши освободители помогали во всем: они заботились о восстановлении больниц, расчищали улицы, пускали заводы, налаживали сельское хозяйство.

Их заслуга очень велика, и советские солдаты навечно останутся в благодарной памяти моих соотечественников».

С этими записками, которые я привела в сокращении, Бруно Шульц вручил мне книгу. На обложке ее — девушка, в ужасе прижавшаяся к стене камеры, и кровью надпись — «Анна Франк».

На вклейке перед титульным листом, рядом с дарственной надписью, международный знак бывших узников концлагерей и три подписи, причем каждая — из трех составляющих: фамилия, название лагеря и номер, который целый адский кусок жизни заменял человеку имя: Бруно Шульц, 43197, концлагери Заксенхаузен, Фолькензее; так же расписались его товарищи по борьбе.

На следующий день мы встретились с Бруно в Трептов-парке и вместе прошли дорогой его памяти.

Ранняя берлинская весна уже зазеленила курган у Мавзолея, а на плакущих, поникших до земли ветвях деревьев вокруг скульптуры Скорбящей матери распустелись первые почки. Слово дымчато-зеленоватый туман спустился на прилегающие аллеи. Но стыл еще воздух, голы кроны платанов, и весь архитектурно-природный ансамбль от этого стал суровее и лаконичнее. Лишь яркими алыми пятнами — гвоздики на гранитной плите Героев. И вечный огонь жизни у входа в партер. Здесь покоятся те, кто погиб в последние дни войны, кто, одолев тяжелейший путь и сломив хребет фашизму, не дожидаясь великой Победы всего лишь несколько дней и даже часов. Возможно, кто-то из них открыл Бруно и его товарищам ворота Фолькензее.

На гранитной плите выбиты слова: советское мемориальное кладбище. Скульптор Е. Вучетич, архитектор Я. Белопольский, инженер С. Валерис. 1946—49 гг. Бронзовые солдаты навечно обнажили головы и преклонили колени перед памятью павших, приспущены красные гранитные знамена. И в синеве весеннего неба, на насыпном славянском кургане «стоит Солдат, прижав к груди ребенка, мечом былинным свастику поправ.

Еще дымилась вздыбленно зенитки,

Еще полын в окопах не росла,

Когда Россия парня из Магнитки

На пьедестал бессмертья вознесла.

Эти стихи магнитогорского поэта Владидена Машковцева, нашего земляка, звучали здесь особенно, они будили гордость и боль, вызывали слезы.

— Здравствуй, Ваня! — сказал Бруно серьезно.

— Здравствуйте, Иван Степанович! — поклонились и мы.

Солдат Трептова

1

Улица, на которой живет Иван Степанович Одарченко в Тамбове, имеет очень теплое название — Дружбы. Тихая, в рабочем поселке. От завода вблизи. Домик Иван Степанович построил просторный, «навырост». Когда понадобилось, места хватило всем: и детям, и внукам, и даже попугаю Гоше, что привез сын-матрос из дальнего плавания. Есть в доме и музей, в котором лик его хозяина узнаешь в скульптуре, на картинах, медалях, монетах, книгах, памятных тарелках, марках, значках, фотографиях, буклетах. В этом собрании выделяются работы Е. Вучетича, Я. Белопольского, А. Горпенко — подарки соратнику, другу, как следует из посвящений.

Иван Степанович — мастер на заводе подшипников

скольжения. С того послевоенного пятидесятого года, когда после демобилизации приехал из Берлина к сестре на жительство. И вот уже и серебряная свадьба позади, и на заводе — ветеран, и нет в живых Евгения Викторovichа: ушел Вучетич, как уходят все смертные. Стоит на полке его работ «Они победили смерть», эскиз из мемориального ансамбля на Мамаевом кургане с авторской подписью.

Недавно Иван Степанович передал в городской музей слепок головы «Солдата-освободителя» тоже с личным росчерком скульптора.

Полгода прожил Иван Одарченко среди творцов Трептова мемориала с начала того послевоенного дня, когда на Берлинском стадионе в День физкультурника русоволосого статного солдата, что третьим пришел с забегом, увидел скульптор Евгений Вучетич.

Был жаркий полдень. Переодевшись после бега в солдатскую форму, Иван подошел к группе однополчан. Заметил, какой-то человек в штатском внимательно рассматривает его, несколько раз прошел мимо. Потом открыто пригласил:

— Пойдемте со мной.

С трибуны, на которой находились гости праздника, им что-то кричали. Незнакомец, уловив вопрос генерал-майора А. Котикова, радостно ответил:

— Нашел, нашел, и теперь не отпущу.— Повернулся к Одарченко:

— Скульптор Вучетич. Будем вместе работать.

Наверное, на выбор Е. Вучетича повлияли и факты биографии самого скульптора: на Макеевке рабывал он в молодости откатчиком, крепильщиком, машинистом динамо-машины. В армию ушел добровольцем, солдатом. И за два года дослужился до командира батальона... Словом, натуру искал он под стать себе, близкого по духу человека. И внешне должен был быть воин россиянином, с мужественным, очень одухотворенным лицом, с гордой славянской статью. Таким увиделся Евгению Викторовичу Иван Одарченко. Трехлетняя Света, дочь коменданта Берлина генерал-майора А. Котикова, позировала скульптору, когда создавал он образ девушки, что, выхваченную из огня пожара, крепко прижал к себе солдат. Существуют разные толкования скульптуры. Мне приходилось слышать, что памятник поставлен конкретному солдату, спасшему во время боя немецкого ребенка. Таких эпизодов действительно во время ожесточенных уличных сражений было немало. Один такой случай произошел неподалеку от Трептова: старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович заслонил собой немецкую девочку и погиб. Теперь у моста Эльзенбрюке, по дороге к Трептов-парку, о мужестве и гуманизме советского воина рассказывает мемориальная плита.

Но монумент Вучетича — не о том, вернее, не только о том. По словам знавших его людей, скульптор даже гневался, когда слышал такое узкое, приземленное объяснение. Его скульптура — обобщенный образ советского солдата, спасшего народы Европы от фашистской чумы.

Выступая 8 мая 1949 года на открытии мемориала в Трептов-парке, Отто Гротеволь, будущий премьер-министр ГДР, сказал: «Мы никогда не забудем подвига Советской Армии, спасшей немецкий народ от ужасов фашизма. Мы будем неустанно повторять нашим детям, что своей жизнью они обязаны великому Советскому Союзу».

2

За время совместной работы и жизни бок о бок между художниками и солдатом Иваном Одарченко сложились отношения близкие, дружеские. Вместе ездили «на работу», вместе отдыхали, делились друг с другом думами, переживаниями. Иван был четвертым жильцом виллы: скульптор Вучетич, архитектор Белопольский, художник Горпенко и он. Однажды Иван, получив письмо от матери, очень расстроился, замкнулся. «Художники», как именовал могучую тройку Иван, забеспокоились. Выз-

вали на разговор. Иван признался, что очень тяжело матери: за год до начала войны семья Одарченко переехала из Магнитогорска в Казахстан, в село Новоалександровку, вступила в колхоз. Отец погиб под Сталинградом, старший брат, Петр — под Смоленском, а мать одна с пятью детьми бьется, и, видно, силы на исходе. Зимой съели корову, а теперь и не знают, как жить дальше. На следующий день Вучетич положил перед Иваном десять тысяч марок.

— Обменяй в комендатуре на рубли и отправь матери, может, корову купи.

Еще через некоторое время Евгений Викторович заинтересовался: а что же есть будет корова, ведь сено нужно купить, одна женщина не накосит, а дети малые. Вновь сбросились «художники», и, как ни сопротивлялся Одарченко, вновь ушел перевод в Новоалександровку. Когда через месяц Дарья Дементьевна написала, что корову купили, сено заготовили, радовались все четверо.

Через 22 года редакция берлинской газеты «Ам Абенд» пригласила Дарью Дементьевну в Берлин. Приехали они с Иваном Степановичем вместе. Русская мать, вдова, работница, крестьянка стала гостьей города, в революционный центр которого — Трептов-парк, куда берлинцы приходили слушать Карла Либкнехта, Клару Цеткин, Эрнста Тельмана, теперь со всего мира люди приезжают посмотреть на ее Ваню, поклониться памяти русских солдат, подобно ее мужу и старшему сыну, навсегда оставшихся на войне. Газета ежедневно информировала жителей Восточного Берлина о пребывании Дарьи Дементьевны в их городе. Теперь, читая эти материалы, рассматривая фоторепортажи, поражаешься душевной открытостью, мудрости этой мало учившейся, много работавшей простой русской женщины.

В день отъезда Одарченко из Берлина, в редакцию «Ам Абенд» пришло письмо: одна из жительниц города фрау Фридель Примас приглашала Дарью Дементьевну и Ивана Степановича навестить ее: очень хочет передать матери солдата сувенир, который хранится в ее семье более полувека.

Фрау Фридель была из семьи немецких пролетариев. В первую мировую войну жила на заводской окраине, неподалеку от которой русские военнопленные работали на стройке. Шел 1917 год. В России готовилась великая революция. Немецкие коммунисты старались как-то облегчить жизнь пленным. И по их поручению заводские работницы относили в условное место собранные для русских продукты. Однажды ее окликнул русский парень. Он объяснил, что возвращается на родину и хотел бы оставить ей память о себе и товарищах. Он протянул ей самодельную вазу, поблагодарил за заботу, риск и ушел. Ваза эта — из дерева, глины и разноцветных осколков стекла — 53 года хранилась в семье Примас, и вот теперь фрау хочет, чтобы вернулся презент на родину того русского к другой старой женщине, которая для всех стала символом солдатской матери.

3.

От Якова Борисовича Белопольского, архитектора мемориала, лауреата Ленинской и Государственных премий, друга и соратника Е. В. Вучетича по творчеству, услышала я впервые историю создания природно-архитектурного ансамбля в Трептов-парке Берлина.

Такое сооружение возводилось впервые в истории монументального искусства. Впервые и новыми средствами нужно было увековечить память погибших за Победу.

— В синтезе архитектуры, скульптуры и других видов искусства, в сочетании с окружающей природой, в пространственной композиции нужно было отразить, как в героической симфонии, где есть и траурные, и победные марши, замечательную тему, значительную и ответственную, — вспоминал Яков Борисович.

В кабинете его московской квартиры на Ленинском

6

Бруно Шульц, Вальтер Сак, Иван и Лена Одарченко

Март. 1976 г. Берлин

проспекте среди фотографий, эскизов, скульптурных слепков и документов естественно возник разговор о деталях работы, подробностях. Впоследствии представление о ней дополнилось новыми фактами из рассказов И. С. Одарченко и выстроилось так, как я теперь хочу написать об этом.

За два года до нападения на Советский Союз Гитлер поручил архитекторам и скульпторам разработать проект памятника в Берлине в честь побед рейха. Планировалось поставить триумфальные монументы по пути «шестивия» фашистской армии из Берлина, и этот «парад» завершить монументом победы в Москве. Подписывая акт о ненападении на Советский Союз, Гитлер знал, что из Швеции и Норвегии уже началась отправка гранита.

Главным проектировщиком Гитлер назначил своего близкого друга архитектора-нациста Альберта Шпеера, «творца» нового единого германского архитектурного стиля. Тот уже успел порадовать фюрера строительством имперской канцелярии, немецкого павильона на Всемирной выставке в Париже и разработал план гигантской перестройки Берлина — столицы империи от Пиренеев до Урала. Лев Гинзбург в «Потусторонних встречах» пишет об этом: «Посреди города намечалось построить триумфальную арку, намного превосходящую величиной парижскую... Триумфальная арка воздвигалась якобы в честь немецких солдат, павших в первой мировой войне, чьи имена — все до единого — должны были быть высечены на граните и мраморе. Но Гитлер, очевидно, уже тогда предполагал увековечить имена убитых не столько

в первой войне, сколько во второй, будущей, хотя для этого не хватило бы, наверное, и сотен арок. Главной же достопримечательностью Берлина должен был стать Большой дворец, увенчанный куполом с изображением земного шара, на котором восседает германский орел. Когда-то, еще в 20-х годах, Гитлер сам сделал наброски этих сооружений — несколько эскизов, хранившихся как строго секретный документ в особом сейфе и переданных затем на доработку Альберту Шпееру.

Аккуратно сложенные, с инвентаризационными номерами гранитные глыбы дожидались своего часа в тайнике на Одере, пока не наступил момент, когда фашистам стало не до гранита. Альберта Шпеера судили как военного преступника на Нюрнбергском процессе отнюдь не за архитектурные поделки. В новой должности министра вооружения третьего рейха он был повинен в чудовищных преступлениях против человечества.

Словом, история посмеялась над великодержавными грезами фюрера. Время поставило вопрос о другом памятнике Победы, и он поднялся на земле страны, освобожденной от фашистской чумы.

На конкурс были представлены свыше 50 работ.

Приняли проект скульптора Вучетича и архитектора Белопольского: русский солдат с девочкой на руках, мечом расколовший свастику, — на насыпном славянском кургане.

Для создания архитектурного ансамбля потребовались гранит и мрамор. Вот тут кто-то и вспомнил о гитлеровских запасах. Но где они?

Однажды в штаб строительства пришел пожилой немец. Он сказал, что на берегу одного из притоков Одера есть тайник строительных материалов. Тайник создавали под прикрытием концлагеря, я, сказал человек, один из бывших его заключенных. Видел, как завозили, могу показать.

Группа советских офицеров и создатели мемориала поехали с добровольным провозным и отыскали склад. Еще одна улыбка истории! Не нацистский министр Шпеер, а офицер Советской Армии Н. В. Вучетич командовал строительным парадом. И помогали ему граждане рождающейся Германской Демократической Республики.

4

Минуло много-много лет. В 1979 году по приглашению Ивановского отделения общества «Знание» И. С. Одарченко приехал в прославленный текстильный край. В Иваново состоялась встреча в редакции газеты. Присутствовал на ней художавый пожилой человек. Когда Иван Степанович пожимал ему руку, кто-то сказал:

— Знакомьтесь: солдат-освободитель с горы Геллерт и солдат Трептова.

Они растерянно смотрели друг на друга, а вокруг щелкали фотоаппараты репортеров.

Но еще более удивительные подробности выяснились при разговоре. Оказалось, что судьбы их очень схожи: оба на фронт уезжали из Иваново, где формировались их части. Оба рядовыми, оба — в воздушные войска. Оба участвовали в боях за Будапешт. После войны оба пошли на заводы рабочими, и сегодняшние их должности похожи: один — мастер, другой — помощник мастера. Словом, обычные советские люди, с типичными биографиями. Но именно их бронзовые двойники несут вечный караул в памятных местах двух европейских столиц.

Боевой путь Василия Михайловича Головцева приостановился в Венгрии. После освобождения страны известный венгерский скульптор Ж. Кшифалуди Штробль приступил к большой работе: в центре Будапешта на горе Геллерт он ментал установить памятник в честь освобождения своей страны.

Кто бывал в Будапеште, несомненно помнит этот монумент на крутом придунайском холме: простоволосая женщина держит в поднятых руках пальмовую ветвь, покой ее стережет советский солдат. Памятник этот виден из дальних районов города. Красив и величествен он.

Для скульптуры свободной Венгрии Штроблю позировала крестьянская девушка Эржбет Турански. Прообразом солдата с легкой руки маршала К. Е. Ворошилова стал кавалер ордена Славы солдат В. Головцев.

По окончании работы скульптор подарил Головцеву фотографии проекта монумента. Сам памятник в законченном виде Василию Михайловичу увидеть тогда не довелось. Солдатские дороги вели дальше.

В год 20-летия Победы Ж. Штробль решил разыскать «солдата Василия» (фамилии он не помнил) и обратился в СССР, на Всесоюзное радио. Передачу услышала в Майкопе сестра Василия Михайловича. Написала в Тейков. Извлек Головцев из забвения фотографии...

Вот какую историю рассказал мне в письме И. С. Одарченко.

Мальчишки, девчонки военной поры...

Утро спускается в Магнитогорск с горы Атач. Его первые лучи, лишь на миг задержавшись на ее вершине — у памятного ковша с глыбой руды, стремглав летят через реку, на правый берег. Здесь под ранними всполохами зари словно оживают две гигантские бронзовые фигуры: молодой рабочий и солдат, который принимает меч; за

спиной рабочего во всю обозримую ширь — панорама, как декорация из дыма, металла, огня: из суток в сутки кипит главный металлургический котел страны.

Монумент поставлен на самом рубеже двух частей света — там, где обычными памятными обелисками помечают границу континентов. Но не союзу Европы и Азии посвятили свой труд скульптор Л. Головницкий и архитектор Я. Белопольский. Другой союз, что в кровопролитной тяжелой войне сокрушил фашистскую мощь, утвердили они здесь, в центре металлургической столицы страны, — союз тыла и фронта.

Лев Николаевич Головницкий, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени Репина и премии Ленинского комсомола, рассказал мне в дни работы над скульптурной группой, что первоначальный замысел его был иным: пожилой уральский мастерской — символ всего работного Урала — должен был передавать с напутствием свой меч воину. Но приехали авторы в Магнитогорск, поговорили с ветеранами, посидели в архивах, походили в музеи. И выяснили, что Магнитогорскому комбинату к началу войны едва исполнилось 9 лет, что были тогда молодые и командиры производства, и рабочие, и сам город-первенец советских пятилеток. И еще один факт вдруг напомнил о себе: 32 тысячи металлургов ушли с комбината на фронт, их места заняли не только жены и деды, — особенно много в цехах пришло мальчишек и девчонок. Недаром уже в 1943 году ремесленное училище № 13 наградили орденом Трудового Красного Знамени.

— Я мальчишкой был, когда началась война, — вспоминал Головницкий, — родители почти не бывали дома, отец — машинист паровоза — водил составы с боевой техникой, людьми на фронт, мать сутками на заводе. Я видел невероятное напряжение тыла. Помню эшелоны, что шли к нам в Челябинск с запада, и старших своих товарищей — уральских, ленинградских, московских парнишек — после трудных заводских смен, смертельно усталых, голодных, плохо одетых. Как очень впечатлительный человек, я, казалось, все испытал сам, пережил, глубоко сохранил в сердце... Помню: сказок мы не рисовали. Рисовали бои. И так жаждали победы на своих листках бумаги! Через много лет эту мечту Лев Николаевич вместе с Я. Б. Белопольским выразил в монументе победы.

— Брат у меня старший погиб в 18 лет на Курской дуге. Наш памятник и ему, и его товарищам, и всему народу, что в невероятных усилиях тыла выковал победу над фашизмом: на Магнитке ли, Уралмаше, в Нижнем Тагиле, Барнауле, Мотовилихе...

Поднялся над холмом Трептов-парка солдат-победитель.

На Будапешт с горы Геллерт смотрит другой солдат.

В Болгарии «стоит над горою Алéша»...

В чертах каждого монумента мы угадываем не только обобщенный образ русского советского солдата-освободителя. Мы можем узнать и черты тех, кто послужил прототипом для скульпторов.

А кто был прообразом монумента в Магнитогорске?

Когда я думаю об этом, передо мной встают рабочие легендарной Магнитки. И те, кто вырос вместе с городом, и те, что стали рабочими в двенадцать и четырнадцать мальчишеских лет.

Вот несколько судеб из сотен — каждая из них могла бы вдохновить художника.

...Мальчишки и девчонки военной поры, всегда голые, усталые, в ватниках на голом теле, с деревянными колодками, лаптями вместо башмаков на ногах, дорогие мои сверстники, чьим трудом в немалой степени держалась страна. Сутками на маленьких ящичках стояли вы у станков, порой засыпали прямо в цехах, премию получали — кусочек хлеба с селедкой, в 16 лет вам вручали ордена, о вас слагали песни, снимали фильмы, — миную юность, прямо из детства вы перешагнули в большую жизнь, навсегда сохранив в глубине сердца тоску о недоигранном, недопетом...

Мальчишки и девчонки военной поры...

— Вот такие молодые, 15—16-летние, значительную часть военного лиха вынесли на своих плечах.

Мой собеседник имеет право на такое обобщение, потому что среди тех, кто одевал в магнитогорский металл каждый второй танк и каждый третий снаряд, был и он, подросток. Сегодня он Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, делегат партийных съездов. А тогда...

— Первое естественное желание — пойти в армию, обязательно летчиком — осуществить не удалось. И вот с такими же, как я, 15-летними ребятами — без отца, да и совсем без родителей — решил поступить в ремесленное: там накормят, оденут, дадут профессию.

Когда 25 августа 1941 года, на следующий день после приема в РУ № 1, перешагнул он порог проходной металлургического комбината, кто мог предположить, что пришел будущий директор?

Когда в группе таких же юных электриков на среднелистовом стане, что незадолго до этого прибыл с «Запорожстали», соприкоснулся он впервые с рабочей профессией, кто мог разглядеть в нем будущего министра?

— Нас прикрепили к опытным рабочим и учили прямо в цехе. Работали 12 часов, 12 — отдыхали. Случалось, заболел сменщик — работаешь сутки подряд. Однажды я пробыл в цехе 48 часов, пошел домой и уснул на ходу.

Эту беседу с Дмитрием Прохоровичем Галкиным я записала в канун 50-летия Магнитки, сразу после встречи его с ветеранами комбината, когда в обостренную память о прошлом еще не вторглись заботы юбилейного дня.

— О наградах мы не думали. Но четко знали одно: задание — во что бы то ни стало, да не просто выполнить. Нужно нарастить производство. Были и награды. Например, сталевар Геннадий Рязанов получил орден Ленина — ему едва ли было 19 лет. А ведь высшая правительственная награда!

Мальчишки и девчонки военной поры... В год, когда страна отмечала полувековой юбилей, в киноленте «Летопись полувека» увидели они себя у мартенов, сварочных аппаратов, токарных станков. В «Летописи полувека. Год 1942-й» есть такой момент: у горящего зева мартеновской печи ребята засыпают порог, потом крупно, во весь кадр, — вереница их улыбчивых мальчишеских лиц и — дикторский текст за кадром: «Вспомнитесь в эти лица. Это ваши отцы и матери. Тогда, в грозном 42-м, их именovali Андрей Павлович Ящук, Иван Моисеевич Лешко...» И еще несколько имен, которые я, к сожалению, не помню.

В один из тех дней, когда воистину вся страна ежевечерне смотрела серии «Летописи», переживала, вспоминала, узнавала себя, знакомых на телевизионных экранах, на Магнитку приехала иностранная делегация. Первый мартеновский цех, который уже тогда один давал стали больше, чем металлургия всей царской России, показывал им секретаря партийного бюро Иван Моисеевич Лешко. В беседе гости поинтересовались, сколько лет он работает на комбинате.

— Двадцать шесть.

— А сколько же вам лет сейчас?

— Сорок, — спокойно ответил Лешко.

— Но этого же не может быть!

И Иван Моисеевич, как на главное доказательство, сослался на эти кадры, что снимали кинооператоры в его смене.

По-другому сложилась дорога в уральский рабочий класс для Владимира Васильевича Колоска, ныне одного из руководителей области. Началась она с войны, с первыми километрами той тысячи, что прошел 16-летний мальчишка пешком, спасая от фашистов колхозное стадо: коров, овец и свиней. По пятам гремела канонада, а ночные зарева заставляли сокращать стоянки. Из Нежины вышел маленьким парнишкой — и по росту и по годам. А за три месяца пути стал взрослым и словно подросток.

В первую военную зиму в воронежском колхозе

«Дружба» выхаживал он скот. Во вторую — снежную, метельную, лютую — расчищал подъездные пути на Магнитогорском комбинате, с такими же, как он, ребятами — в фуфайках прямо на теле и в деревянных колодках на ногах. Учился на автослесаря у мастера Николая Григорьевича Христова. И учился успешно: лишь троем из 26 присвоили по окончании высокий IV разряд, среди них — и ему.

В июне 1944 года коммунисты металлургического комбината приняли Володю Колоска, секретаря комсомольской организации автобазы, в кандидаты партии. А через два года он впервые участвовал в выборе городского партийного комитета, не подозревая, что в будущем именно здесь пройдет он 16-летнюю жизненную школу — от заведующего отделом до первого секретаря, станет членом бюро Челябинского областного комитета, делегатом легендарной Магнитки на партийных съездах.

Несколько лет назад мне посчастливилось присутствовать на необычном пионерском костре. Тогда на станции Потанино под Челябинском съехались из 40 городов и сел страны бывшие детдомовцы, эвакуированные сюда в самый разгар войны из Клязьмы. В школьном саду на торжественной линейке выстроились взрослые люди с алыми символами детства — пионерскими галстуками — на груди. Поочередно, делая шаг перед строем, каждый докладывал о себе:

— Сергей Рыжков — заместитель секретаря парткома фабрики, Фрунзе.

— Маша Орлова — ткачиха, Москва.

— Радий Юльский — рабочий ЧТЗ, Челябинск.

— Физа Быкова — главный агроном колхоза, Кировская область.

— Саша Петухов — кандидат наук, Донецк.

Потом Нина Степанова, инженер из Молдавии, а в тот день, как и много лет назад, председатель совета командиров, в рапорте «старшему пионервожатому» Василию Ивановичу Крутолапову подвела итог:

— Большинство из нас — коммунисты. Мы люди разных профессий: учителя, рабочие, инженеры, агрономы, партийные работники, деятели искусств. Нет лишь в наших рядах лодырей, тунеядцев, пьяниц, людей недостойных. На этой маленькой уральской станции нашли мы, дети расстрелянных, повешенных, сожженных, не просто приют, а надежный дом. Здесь в самые страшные дни войны научили нас труду, доброты, честности, справедливости, коллективизму.

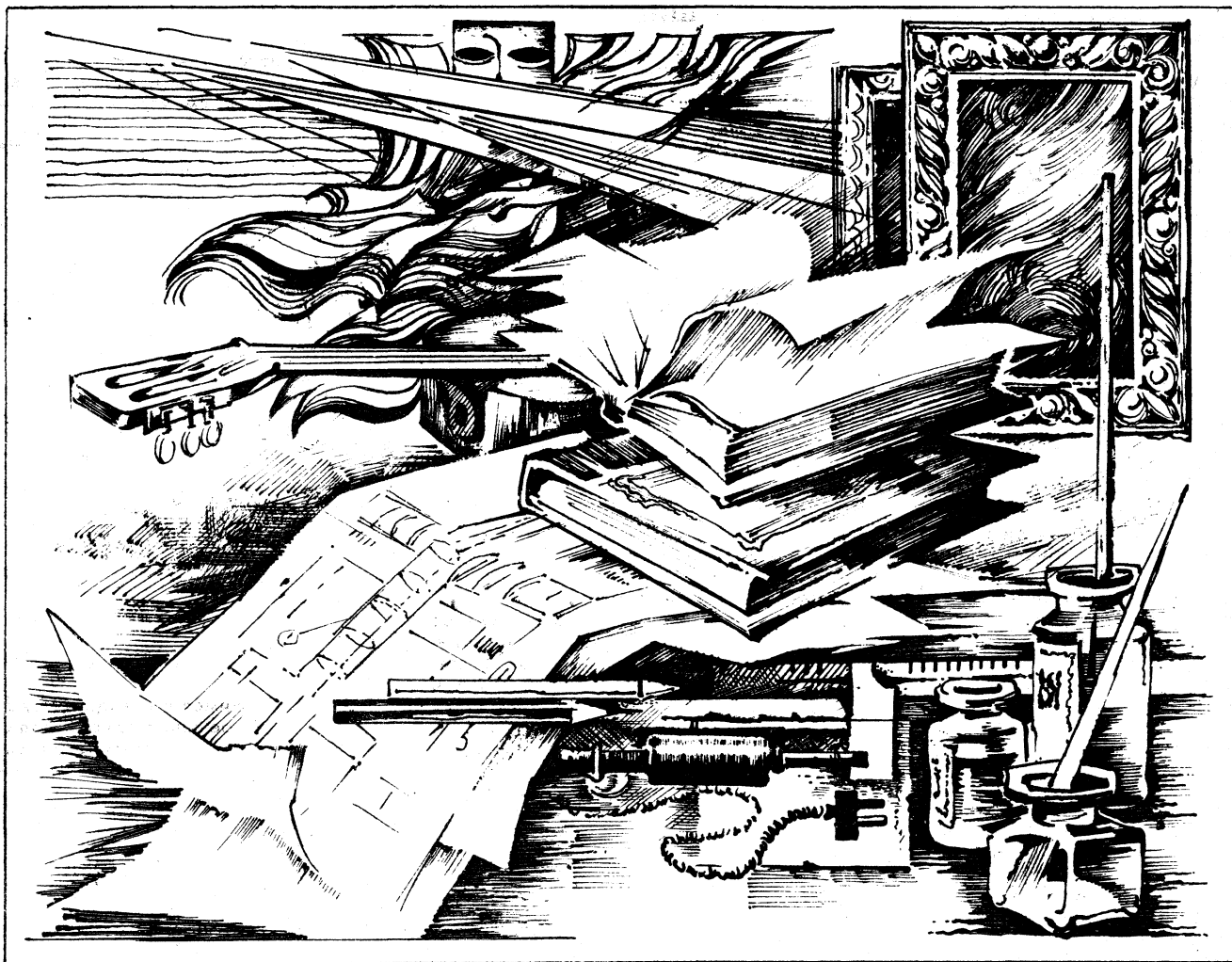
Мальчишки и девчонки военной поры... На пропильях Мамеева кургана в Волгограде, где стойкость, мужество и героизм нашего народа увековечены в бетонной летописи «Руин», есть рассказы о тыле: и вновь рядом с женщинами и стариками — у станков Танкограда — фигуры подростков.

А на Большом рельефе у входа в Зал Славы союз фронта и тыла — как непобедимая сила государства — воплощен в двух силуэтах: рабочего с кувалдой и солдата с автоматом. И слова: «Самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю как беспримерный подвиг народа в защите Родины».

Во всей красоте подвига в бронзовом величии шагнули наши современники, наши соотечественники на вершины пьедесталов памяти. В руках у них мечи победы.

Как символ жизни, мира на земле.

ГОРЕ-ГОРЬКОЕ...

**Галина
ЛЕБЕДЕВА**

*Рисунок
А. Банных*

ПОДРОСТОК ПРИГУБИЛ ВИНА — БЕДА ЛИ? ВЕЛИКАЯ БЕДА!

Он вошел в кабинет следователя вялый, мрачный и машинально сел. (Чуть позже для характеристики его внешности нам пришлось на ум другое определение: как это ни парадоксально для 16-летнего — составившийся!)

Павел К. Родители в прошлом рабочие, теперь на пенсии. Четвертый ребенок в семье. Два взрослых брата и сестра живут за пределами Пермской области.

— Школьник?

— Был, восьмой класс не окончил.

— Исключили?

— Сам перестал ходить. — Без всякого намека на иронию прибавил: — На уроки не больно пускают, если пахнет вином.

— Значит, ты выпивал. Часто?

— Почти каждый день.

— С кем?

— С ребятами...

— Видимо, крепко выпивал, если запах сохранялся еще утром?

— У директора нюх натренированный...

На лице резкие морщины — возле рта и на лбу.

Мысль, что мы видим перед собой старика—16-летнего старика!—уже не отпускала от себя.

— Сколько же это продолжалось—твой выпивки?

— Год. Ну, больше... Я не считал.

Вот фотокарточка, сделанная в то время, когда Павел К. был еще школьником, учеником 7-го класса. Упрямый смысленный взгляд, живое, веселое мальчишеское лицо—озорника и хитреца. Губы вот-вот раскроются в улыбке.

Погребовался год—всего только год!—чтобы нормальный симпатичный подросток превратился в этого вот вялого, с безразличным взглядом.

— За что же тебя задержали?

— Ну... вчера... часов, кажется, в девять. Темно было... вышел в переулок с собакой...

— Овчаркой?

— Да.

— Большая овчарка?

— Да с вас будет...

— Дальше.

— ...Прохаживался недалеко от дома. Без денег-то скучно. Тут встретил знакомого парня. У него с собой оказалась бутылка водки. Распили ее у нас на лестнице. Через час примерно—опять вышли на улицу. Тут прохожие... Немного попугали их собакой. Дядьку одного толкнули, чтоб не возникал. И все...

— Среди прохожих были женщины, дети?

— Была женщина с ребенком. Пацаны какие-то, маломерки. Две старухи. Ну и мужик: этот—пожилой, с рюкзаком.

В протоколе было сказано: «27 октября сего года несовершеннолетние Павел К. и Владимир М. в состоянии сильного алкогольного опьянения натравливали собаку породы «немецкая овчарка» на проходивших мимо граждан. До истерики довели гражданку Кулькову Р. П. и ее шестилетнюю дочь Ирину, грубо терроризировали двух престарелых женщин—Р. К. Губину и Т. М. Чернышеву, издевательски не пропускали домой младших школьников Вадика Савина и Дениса Коробова. В конце концов жестоко избили ветерана Великой Отечественной войны гражданина Петренко Н. И., возвращавшегося с рыбалки; отобрали у него весь улов, который скормили своей собаке. У доставленного в 23 часа 30 минут в больницу Петренко Н. И. было зафиксировано сильное сотрясение мозга...»

Помимо наказания, суд признал необходимым принудительное лечение от алкоголизма. В медицинской экспертизе подчеркивалось: тот и другой подросток в нетрезвом состоянии представляют социальную опасность...

Вкусившие вина...

Я—в гостях в одной из пермских школ. Беседую, к сожалению, о пьянстве. Передо мной шумная группа 16-летних ребят, улыбающихся, еще не остывших после перемены. Объявление подлило масла в огонь. На вовсе несмешные вопросы ребята то и дело отзывались дружным смехом. (А я интересовалась, кто еще до перехода в старшие классы попробовал спиртные напитки? Произошло это с разрешения родителей или по собственной воле, тайком? Во время домашнего торжества или без какого-либо традиционного повода? Имеются ли среди собравшихся лица, не узнавшие вкуса вина? И т. д.)

На минуту показалось, что эти остроумные, здоровые мальчики и девочки и кажущийся стариком в свои неполные 16 лет Павел К. очень далеки.

Но веселая реакция на такую невеселую беседу только сильнее убеждала: нравственного иммунитета к алкоголю нет и у них! И, стало быть, пропасть между ними и Павлом К., Владимиром М. не так уж велика и непреодолима.

Подтверждением могут послужить исследования, проведенные среди десятков тысяч старшеклассников, учащихся ПТУ и студентов начальных курсов страны. Вот они: 93,9 процента мальчиков и 86,6 процента девочек 7—10-х классов и примерно такое же соотношение среди учащихся ПТУ (тенденция к возрастанию незначительная) попробовали спиртное во время учебы. И некоторые свели с вином и водкой более тесное знакомство. Доля выпивающих школьников и студентов увеличивается по мере того, как они переходят из класса в класс, с курса на курс.

Попадают подростки и в нетрезвители. На 450 взрослых в среднем—три-четыре юнца 15 лет, около восьми-десяти—16-летних. На это же количество взрослых 17—18-летних ребят, задержанных в состоянии сильного алкогольного опьянения, приходится значительно больше—44 человека. Еще цифры: из ста студентов первого курса вкус спиртного не знали только три человека. Очень тревожный сигнал!

Не пью я—выпиваю!

Передо мной тревожное письмо, присланное из г. Губахи.

«Уважаемые товарищи!

Недавно довелось побывать на

семейном празднике. Пришли и несколько подростков с родителями. Что потрясло: мальчики пили водку (!) почти наравне со взрослыми.

В ответ на мой протест отец этих парней рассмеялся—да, да!—и сказал:

— Ради праздника можно. Не повредит! Они должны расти мужчинами!»

Вот несколько откровений:

«Меня можно увидеть в подъезде с моей девушкой, когда я не совсем трезв. Но я считаю, что вино необходимо именно в нашем возрасте. Во-первых, мы—уже не маленькие, о чем, кстати, нам неутомимо напоминает учителя и родители! А во-вторых, вино вносит в жизнь что-то необыкновенное, помогает преодолевать неуверенность в себе и расковаться в компании... Игорь Л.»

«Вино вредно для слабаков и хлюпиков. Для сильных людей оно даже полезно! Чем в сказках русские богатыри подкрепляют свои силы? Чаркой вина! А про сказку говорится, что в ней намек—добрым молодцам урок.

Саша В.»

«Мы стремимся к «балдежу» где-нибудь во дворе или в глухом подъезде, чтобы почувствовать себя самостоятельными. Кроме того, вино и сигареты—это то, что делает жизнь интереснее, а человека—оригинальнее.

Таня З.»

«Вы не станете спорить, что вино способствует общению? Я часто слышу, как взрослые говорят: «Пора выпить, а то давно не общались!»

Сергей И.»

«Я не пью. Я—выпиваю!»—заявил 16-летний Михаил Н., учащийся одного из пермских ПТУ, когда его доставили в медвытрезвитель в состоянии сильного опьянения.

— По-твоему, это—разные понятия?—поинтересовался дежурный милиции, возвращая на следующее утро Михаилу документы.

— Конечно! Я ведь не каждый день, а только тогда, когда есть повод.

— Повод для пьяниц—не проблема!—резонно заметил дежурный.

— Повод—не проблема, разумеется, но я ведь его не придумываю пока!

— Может быть, только—пока?! Кстати, тебя сюда не привели, а принесли! Улавливаешь разницу?

— Это вышло случайно. С радости... Я же друга встретил!..

Если суммировать прозвучавшие точки зрения, то главные аргументы в пользу винопития можно свести к довольно короткому перечню. Итак... Вы тянетесь к рюмке и

сигарете, во-первых, потому, что считаете себя для этого достаточно взрослыми и следуете примеру старших; во-вторых, это помогает преодолеть неуверенность в компании, всячески способствует налаживанию контактов, интересному общению; в-третьих, рюмка увлекает в веселье, не дает заскучать, разнообразит жизнь; в-четвертых, делает мужественнее и сильнее. Никакой алкоголизм и прочие неприятности в эти годы вам не угрожают.

При этом подростки чаще всего ссылаются на пример старших.

«Почему взрослым можно, а нам нельзя?»

Врачи утверждают: «Чем раньше человек начинает пить, тем больше у него шансов спиться!»

Этим суждением можно было бы и исчерпать разговор на тему: «Почему взрослым можно, а нам нельзя?»

Но, к сожалению, столь четкая и недвусмысленная истина, неоднократно высказанная медиками в печати, по радио и телевидению, почему-то очень трудно воспринимается ребятами-подростками.

Итак... можно ли взрослым?

Я попросила дать мне несколько консультаций главного нарколога Пермской области Давида Григорьевича Кигеля. В числе других был ему задан и этот вопрос.

Сразу выяснилось, что поставлен он не совсем точно. Исторический опыт свидетельствует о том, что традиция отмечать вином или другими спиртными напитками различные события жизни существует в обществе с очень давних пор. А вы понимаете, что наиболее стойкими являются именно те привычки, которые укоренились в психологии человека как раз в древности, вошли в плоть и кровь его сознания. И в этом случае игнорировать действительность означало бы в борьбе с пьянством и алкоголизмом ставить перед собой неразрешимые задачи. Введение сегодня закона, категорически запрещающего употребление спиртных напитков, — задача нереальная. Запретный плод, как известно, сладок.

Да и практика введения «сухого закона» в некоторых странах довольно быстро показала, что «запретить» — это еще не покончить с злом. Пьянство принимает скрытые уродливые формы, иногда опасные для жизни людей: в дело идут всяческие самодельные суррогаты, многие изделия химической промышленности

на спиртовой основе, лекарственные препараты, прием которых допустим лишь в малых дозах. Правило нарушило: всякий, даже незначительный, «перебор» и взрослым грозит серьезными неприятностями. Утрата чувства меры по отношению к спиртному приводит к болезни, именуемой алкоголизмом.

Чем кончается алкоголизм для взрослых?

Физическим и моральным разрушением личности. Потерей профессии, связей с близкими и родными, увечьями, осложнением многих болезней, гибелью. Ибо жизнь алкоголика — это жизнь в никуда! Так что осторожнее относитесь к афоризмам типа: «Кто не курит и не пьет, тот потом спохватится!». Не всякий опыт старших достоин того, чтобы ему подражали.

«Типичная скука»

Эту главу хочется начать с высказывания десятиклассника Глеба Д.

«Мы с друзьями почти не расстаемся. В выходные дни бываем вместе с утра и до вечера. Но часто не находим, куда себя деть, как провести время. Какая-то скука... Идем к одному во двор, потом — к другу. И так — по кругу! Чтобы как-то встряхнуться, берем бутылку и распиваем ее. Потом задеваем прохожих, и это приводит некоторых в милицию. Дома, конечно, скандалы, в школе — выговоры и проработки на собраниях. Однако это дела не меняет. А все потому, что нечем заняться. Были бы в городе специальные кафе для старшеклассников с эстрадой, танцами, мороженым, различными безалкогольными напитками и стоило бы это не более двух-трех рублей, многие ребята прекратили бы балдежи в подъездах...»

«Балдежи»!.. Словечко знакомое. Влетает в ухо прямо на улице: «Такой балдеж вчера устроили на пляже, что «обыватели» стали в стороны расплзаться!..», «Пошли к Витьке, побалдеть охота!»

Что же стоит за этим новым жаргонным словечком, произошедшем, впрочем, от давно известных слов — балда, обалдеть, обалдение? В общем-то нечто однозначное: те или иные ребята от 14 до 17 лет выпадают из общей здоровой колеи жизни, запускают занятия и начинают проводить время в примитивных развлечениях. Выпивки и правонарушения — непременные атрибуты балдежа.

Автор приведенного выше письма признает, что все это оборачивается чаще всего неприятностями. Но тогда что же ребят привлекает? Давайте послушаем их.

«Я из компании, которой все на нашей улице побаиваются. По крайней мере, наши парни — не слюнтяи. И мы, девчонки, в случае чего в стороне не останемся. Почти все состоит на учете в детской комнате милиции, но меня это не пугает. Куда больше я боюсь состариться у плиты и сидеть в обществе пенсионеров возле подъезда...»

«А я пошла в такую компанию, потому что мне понравился парень из нее. Ведь нечего скрывать — многие из нас хотели бы полюбить. Но если я стану сидеть дома за книжками, моего парня уведет другая девчонка. За свое счастье нужно бороться!..»

«Мы немного выпьем и сидим в подъезде. Бывает, и пошумим. Зато можем откровенно обсудить многие вопросы. Например, вопросы пола... А так — типичная скука».

Что и говорить — аргументы напористые!

Но, прежде чем высказать свое отношение, я познакомилась с ними таких же ребят-старшеклассников из различных школ Перми. Получилась запись, которую предлагаю в сокращенном виде. Начинает Ира Г.

— Начну со словечка «балдеж». Балдой в народе называют ограниченного, ни к чему не способного человека. Так что участники подобной компании сами себя достаточно охарактеризовали. Они считают себя личностями, которые выделяются на общем сером фоне. Но ведь все обстоит как раз наоборот. Разговоры о «пластах», о тряпках, о том, кто, когда и с кем выпил, какие сигареты предпочитает — вот оно однообразие!

— В «обществе балдежников» царит развязность. Не верю, что в этой среде возможна настоящая любовь и счастье. — Такова позиция Светланы С.

— Верно! — включается Сережа В. — Я как-то спросил знакомого из «балдежной компании», хотел бы он жениться на одной из их девочек, так он мне ответил: «Что я — ненормальный?!»

— Ну, оглушили двор музыкальным ревом из магнитофона, не дали людям спать, ну, толкнули старика, осмелили прохожих! Ну, устроили драку! Все «балдежи» похожи друг на друга, — так считает Андрей Б.

— Чем они тут особенно рисковали? Какую особую решительность проявили? Не велика доблесть показать силу перед тем, кто слабее тебя. Чтобы стать инженером, врачом, ученым, да просто квалифицированным рабочим, надо немало

потрудиться! — размышляет Виктор П.— Ничего в жизни даром не дается. Куда легче нацепить заграничные обноски, повесить на шею амулет в виде лезвия и поражать воображение нетребовательных девочек. Объяснишься ей в любви в пьяном виде, она будет считать тебя сильным и опытным. Но для того чтобы прочитать 'ей «Я помню чудное мгновенье», принимать алкогольных допингов не нужно. Зато для того, чтоб предложить: «Пойдем — пообщаемся!» — они как раз требуются. Все оборачивается урождением.

— Мне «балдежников» очень часто бывает жалко! — завершает разговор Игорь М.— Да они и не компания вовсе (компания все же состоит из индивидуальностей!), а стадо! Личность здесь исчезает. Чем они выделяются? Одеждой? Так она у них у всех одинаковая, как доски в заборе. Курят одни сигареты, причешиваются по стандарту, а лексикон Элочки Щукиной.

В этом остром разговоре о скуке, которая якобы толкает ребят к выпивкам, к пустой жизни, хочется подчеркнуть один серьезный момент — о двойном влиянии свободного времени. Досуг — не только развлечения! Не только увеселения! Поэтому, хотя я не против специальных кафе для старшеклассников, однако уверена, что они не сумеют положить конец выпивкам и «балдежу» в среде подростков. Ибо корень зла в другом. Прежде всего — в неумении, а очень часто в нежелании некоторых из вас найти себе занятие — для ума и души, для молодых крепких рук. Просто странны разговоры о скуке, когда жизнь в самом начале, на взлете, когда столько вокруг непознанного, неувиденного и не сделанного. Свободное время — именно та часть нашего дня, которая позволяет расширять свой кругозор, развивать личность.

И невольно возникает вопрос: неужели для выполнения столь необходимой задачи вас нужно организовывать, охватывать мероприятиями с помощью массовиков-затейников?

Зрелый человек сам управляет своим досугом, сам создает себе программу жизни.

Развлечения в обнимку с бутылкой — это всего лишь иллюзия заполненности досуга. Ибо алкоголь придает ложное воодушевление, приукрашивает то, что на самом деле выглядит скверно и уродливо.

«Из всех пороков пьянство более других несовместимо с величием духа!» — сказал известный английский романист Вальтер Скотт. Почему?

На этот вопрос точно ответил другой хорошо знакомый вам писатель — Джек Лондон:

«Пьянство — одна из форм деградации человека!»

«Выпьем, чтобы пообщаться!»

Все мы, даже самые замкнутые и нелюдимые, не можем обойтись без близких друзей и знакомых. А значит — без общения с ними.

Известный французский писатель и летчик Антуан де Сент-Экзюпери не случайно назвал общение единственной роскошью, которой стоит дорожить человеку, ибо оно дарует бесчисленные радости, а по терминологии ученых — целый спектр положительных эмоций, без которых невозможна жизнь человека.

Эксперименты психологов показали, что контакты с другими людьми не только обнаруживают лучшие наши качества, но и необычайно развивают их.

Общаясь, мы проявляем наблюдательность, душевную щедрость, сообразительность, делимся своими знаниями, приобретаем новые. В нас заметно усиливается деятельное начало, повышается общий тонус жизни.

С каждым днем все большее значение в жизни подростка начинают приобретать проблемы признания в коллективе — в классе, спортивной секции, в дворовой команде.

В этом ничего удивительного нет!

В свои 14—17 лет вы начинаете всерьез примерять к себе окружающий мир, искать свое место в нем. И общение со сверстниками в этом важном процессе играет едва ли не первостепенную роль. Прежде всего оно укрепляет веру в свои силы, помогает самоутверждению.

Но добиться признания у сверстников — дело не из легких. Требуется умение свободно говорить, мыслить, поддерживать беседу на самые разнообразные темы, а стало быть, много знать. Короче: чтобы заинтересовать собой других, чем-то увлечь товарищей, надо быть индивидуальностью, богатой, интересной личностью.

А достичь этого можно только постоянным трудом, затратой времени и сил, серьезным стремлением к знаниям.

Бутылка же с градусами коренным образом все меняет!

С помощью спиртного все, что тревожило, затрудняло, сходило как бы на нет. И никаких усилий тратить не надо, чтобы неуверенные стали уверенными, у неразговорчивых развязались языки, а робкие перестали подирать стенки. Веселье охваты-

вает всех без исключения. И вопроса, как провести день или вечер, нет!

Признаюсь: мне не случалось присутствовать при таких застольях подростков, но наблюдать студенческую молодежь в подобных ситуациях приходилось.

...Уже вторая рюмка не требует интеллектуальных проявлений. После четвертой вообще все говорят разом, не вслушиваясь в слова собеседника. Обсуждать здесь всерьез интересную книгу или фильм, спорить об актуальных проблемах жизни и искусства — дело пустое. Не услышат и не воспримут! Ибо мозги отуманены, внимание утрачено, острота интереса притупилась. Зато в этом случае пошлость и глупость воспринимаются как откровения и удачные остроты.

Но минует час-другой, и любую подобную компанию начинает одолевает скука. Делаются попытки подогреть «веселье». Но с помощью чего? Конечно, с помощью новых порций алкоголя!

Эта палочка-выручалочка только поначалу спасает положение. На трезвую голову становится совершенно ясно, что были — не свобода общения, а болтливость; не легкость разговора, а развязность; не праздничное воодушевление, а нервное возбуждение.

В инспекции по делам несовершеннолетних одного из районов Перми мне довелось прочесть «объяснение», автором которого был ученик 9-го класса Александр Г. В несколько сокращенном виде оно выглядело так: «18 сентября... до 9 часов вечера я учил историю, делал русский язык и алгебру. Затем захотелось повидать моих друзей — Олю и Борю Н. От них мы пошли прогуляться во двор. Там встретили Таню Л. и Олега В., ребят из нашего класса. Таня позвала всех к себе послушать новые записи Высоцкого, к тому же ее мать работала во вторую смену, отец был в командировке. Около часа мы слушали песни и эстрадную музыку. Пришел еще сосед Тани — Андрей Ш. (из другой школы), он нам всем очень понравился. Но разговор долго не клеился. Тогда Таня принесла из холодильника начатую бутылку вина. Мы ее распили. Решили добавить. Послали в магазин Олега и Андрея. Снова выпили портвейна. Затем пошли к Андрею. Он снял со стены гитару и начал петь. Олегу захотелось «побалдеть», и тогда он стал сбивать Андрея, копируя его голос. Андрею это не понравилось, и он крикнул: «Заткнись!» Тогда Олег потерял над собой власть и ударил Андрея по лицу. Мы стали различать ребят. Оба сильно ругались. Этот шум услышали соседи и вызвали милицию...»

Как видите, дистанция между «Андрей нам очень понравился» и «Олег ударил Андрея по лицу» оказалась очень короткой. По сути, общения и не было. Юнцы, преодолевая застенчивость, только пили, а потом подрались. И это закономерно! В пьяных компаниях настоящей близости, как правило, не возникает. Как легко они образуются, так же легко и распадаются. Настоящая дружба, общие духовные интересы влекут людей не к бутылке с вином или водкой, а к книгам, музыке, к творчеству, к труду. Общие духовные интересы и создают почву для сопереживания, для доброго сотрудничества, для есть для всего того, что и определяет глубину настоящего общения.

Полезно вспомнить, что некогда рядом со словом «общение» по праву ставилось слово «искусство». Искусство общения складывалось веками. Уже в античные времена люди стремились не просто получить удовольствие от встреч друг с другом, но и сделать их плодотворными и полезными.

В одном из диалогов древнегреческого философа Платона утверждается: собравшиеся ни в коем случае не должны считать застолье главным делом. Это только фон. Поэтому в еде и особенно в пригублении напитков следует соблюдать большую умеренность, дабы быть способным вести философскую беседу. Захмелевший человек объявлялся осквернителем общества. Подчеркивалось, что осмысленное общение не нуждается в подхлестывании разума алкоголем.

Любое зло знает перерывы, может на время выдохнуться, только алкоголь неутомим. Свое разрушительное дело он не прекращает ни на минуту. Пока не положит на обе лопатки всякого, кто попал ему в лапы, не отступит. Вот почему нельзя легкомысленно относиться к этому.

...Рано или поздно все интересы участников балдежных компаний сводятся к одному — любой ценой напиться!

А чем это грозит — рассказывают откровенные, но очень запоздалые письма.

Я не хотел!

«Привычка к алкоголю создалась у меня с юных лет. Тайком я отпивал из бутылки, которую родители покупали для гостей. Став взрослым, пил открыто. Меня предупреждали, что добром это не кончится, но я смеялся в ответ. Скоро, однако, мне расхотелось смеяться. Я ощутил, что уже и дня не могу прожить без спиртного. Как-то я пропил деньги, оставленные отцом, уехавшим на курорт, на подарок матери.

Конечно, в других обстоятельствах такой поступок меня ужаснул бы! Но в полупьяном состоянии я не испытал никаких угрызений совести...»

«По натуре я человек простой, веселый и мягкий. Но навряд регулярно пить, подметил в себе разительную перемену. Все чаще мной овладевала мрачность, тоска, беспричинная злоба на окружающих. Я стал грубым и жестоким...»

Пьянство и алкоголизм не зря прозвали анестезией совести. Был добрый — стал злой и жестокий. Любил мать и отца — ныне отбирает у них последнее. Заботился о своих детях — и вот тащит в пивную все, что можно пропить. Чужое горе больше не трогает. Джек Лондон определил алкоголь как верного слугу варварства.

«Когда я первый раз вошел в камеру, я увидел таких же 15-летних ребят. И все внутри у меня закричало. Мне стало тоскливо и страшно. Почему я здесь? Вместо родного дома, где меня все любили, оказался под замком в холодной комнате с решетками на маленьких окнах. На суде я не мог толком объяснить, почему участвовал в преступлении. Был «под кайфом», и все. А «под кайфом» потому, что пили. Если б не выпили, никто бы из нас не решился напасть на девушку. Но «кайф», «балдеж» казалась мне той красивой, сильной жизнью, которую нельзя упустить. Остальное выходило само собой: драки, хулиганские действия и в конце концов преступление. Ребята в нашей камере рассказывали мне такие же истории...»

«Свое совершеннолетие я отпраздновал в колонии. Туда привели меня хулиганское поведение и кража чужой автомашины. Бросил школу после 7 классов, погнался за «волей», будь она проклята! Нашел дружок непrikaянных. Сначала «уводили» велосипеды, мотоциклы. Хулигански задевали людей в переулках. Родители платили за меня штрафы из своих невеликих заработков. А я веселился. И вот я осужден. Впереди срок. Иногда мне кажется, что я уже прожил свою жизнь. Балдежные годы — это годы, выброшенные на свалку. Я не хотел этого! Но поздно, поздно.»

ДИРИЖАБЛЬ В УРАЛЬСКОМ НЕБЕ

Когда верстался этот номер журнала, в редакцию пришло сообщение: завершены подготовительные операции, наполнен гелием и отправлен в воздух созданный под руководством инженера Д. З. Бимбата на базе конструкторского бюро института «Оргэнергострой» близ Свердловска дирижабль «Урал-3». В первых полетах на аппарате поднят экспериментальный флаг «Уральского следопыта».

Два десятка лет назад Д. З. Бимбат, в то время — конструктор Уралвагонзавода, объединил и возглавил группу уральцев-энтузиастов возрождения дирижаблестроения. Вскоре его Уральское ОКБ дирижаблестроения разработало проект аппарата «Урал-1». Однако из-за многочисленных препятствий на пути дирижаблестроения проект так и остался на бумаге.

«Урал-2» — следующую разработку ОКБ — многие читатели нашего журнала, несомненно, видели. Да, видели! Ибо именно он снимался под Москвой весной 1965 года в фильме «Гиперболоид инженера Гарина». Увы, по целому ряду причин — серьезных и не очень, а главным образом из-за холодного отношения к дирижаблестроению энтузиастам — «Урал-2» остался... неуправляемым, недоработанным.

И вот — «Урал-3». Оснащенный двумя моторами (кстати, от мотоциклов «Урал»), двумя действительно рабочими пропеллерами, системой изменения объема, стабилизаторами, он послушен воле воздухоплателей! Пока ему — этому прямоугольному «крылу», поставленному вертикально, — разрешают летать на высоте не более сотни метров и вблизи от «родного дома». Дирижабль учится держаться в воздухе, как держится рыба в воде...

В одном из следующих номеров журнала мы подробнее расскажем о том, как решалась и решается судьба летательных управляемых аппаратов легкой воздуха — архивыгодного, по мнению многих современных специалистов, вида воздушного транспорта; расскажем о первых практических шагах в современном советском дирижаблестроении, предпринимаемых, в частности, уральцами, а также о некоторых тенденциях развития мирового воздухоплавания.

Железные землекопы

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Новейшие шагающие экскаваторы Уралмашзавода, работающие в угольных или иных карьерах, имеют поистине исполинские размеры: длина стрелы — сто метров, вместимость ковша — сто кубометров. Это не только могучая, но и сложная машина. А где же и когда в нашей стране впервые были применены в горном деле землекопные механизмы — экскаваторы? Архивы говорят: это случилось также на Урале, в сороковые годы прошлого века...

Началось все со строительства железной дороги Петербург — Москва, по которой открылось сквозное движение в 1851 году. Русский инженер П. П. Мельников, назначенный начальником Северной дирекции на эту стройку, прежде посетил Америку, где к тому времени изобретатель Отис уже предложил для копания земли паровой экскаватор, передвигающийся по рельсам. Питливый посланец России изучил американский опыт сооружения железных дорог, не оставив без внимания производство транспортной техники. По рекомендации Мельникова ведомство путей сообщения и купило в США первые паровые экскаваторы. За несколько недель четыре механические лопаты выработали на строительстве железной дороги Петербург — Москва свыше 170 тысяч кубометров грунта. Однако подрядчики отказались купить проворные заокеанские механизмы, ибо ручной труд использовать было все же выгоднее. Так внедрение железных землекопов на строительстве железных дорог не состоялось.

Однако же хоть и отечественная история экскаваторов в строительстве, едва начавшись, оборвалась, началась эпоха применения механических лопат в добыче полезных ископаемых открытым способом (те-

перь таким прогрессивным методом извлекается из недр земли более восьмидесяти процентов минерального вещества). Оказалось, что паровые экскаваторы, привезенные из-за океана, не были брошены, не погибли от ржавчины где-нибудь меж Санкт-Петербургом и Москвой, а очутились на Урале. Их купил у правительства горнозаводчик Демидов и отправил на гору Высокую, чтобы они копали там руду.

Правда, историки до сих пор не уточнили: один или все четыре экскаватора купил Демидов для начинания на Урале добычи железной руды выгодным нешахтным способом, то есть на открытых горных работах. Ну не дальновиден ли был Демидов, взявшись за это дело едва ли не полтора века назад!? Лишь в семидесятые годы прошлого века экскаваторы стали по-настоящему применяться в разных странах в горном деле.

Производство экскаваторов в нашей стране было начато на Путиловском заводе в самом начале этого века, и до революции было выпущено около сорока землекопных механизмов на рельсовом ходу. Но и тут уральцы поначалу были впереди: еще в прошлом веке на Екатеринбургской механической фабрике изготовили чертежи первого русского экскаватора, но почему-то он так и не был сделан. Кстати, чертежи его сохранились.

Выпуск советских экскаваторов был начат ровно полвека назад. А первый уральский шагающий экскаватор сделал первые шаги чуть более тридцати лет назад, и копал тогда землю на Волго-Донском канале...

На под

Герман
ДРОБИЗ

Рассказ

В трамвае я сидел возле прохода, читал газету. Как почувствовал, не знаю, но почувствовал и скосил глаза: чья-то рука шарит по карману. Нет, «шарит» — не то слово. Просто она мимолетно прикоснулась к ткани и замерла на краткий миг, принимая решение. Я шевельнулся. Рука с непопстижимой быстротой, но не рывком, а плавно, уплыла в сторону, и движение, имевшее преступную цель, стало естественнейшим взмахом — ну, человек покачнулся от трамвайной тряски и ищет, за что бы ухватиться. Пока я подымал глаза, чтобы увидеть внешность мастера своего дела, он уже прошел вперед. Я поднялся шагнуть за ним, но не успел, пришлось пропустить женщину. Я — за ней, а она вдруг встала, как уперлась. Крупная была тетка, с могучей спиной.

— Разрешите пройти.

Она не шелохнулась.

— Да позвольте же! — Я тронул ее за плечо.

Спина ощутимо напряглась и превратилась в неколебимую стену. И я понял! Они работали вместе, что называется, «на пару». Она организовывала его рабочее место. «Прикрывала». Привстав на цыпочки, я заглянул через ее плечо и увидел, как мастер притирается к очередной жертве. Девчонка с сумкой через плечо бездумно глядела в окна. Какое самообладание! Я думал, разоблаченный мною, он в страхе помчится к выходу. Ничуть не бывало! Скажу честно, мне стало не по себе. То есть, чего я испугался: хватит ли мне решимости. Ведь никто, кроме меня, не видит. В голове понеслись обрывки когда-то слышанных сведений, что поймать карманного вора неимоверно трудно, нужно буквально схватить за руку, с громким криком, чтоб сразу были свидетели и чтобы в его руке было то, что он вытащил... И что якобы они в качестве режущего инструмента пользуются остро заточенной монеткой, которую моментально выбрасывают, и после не найдешь... И что они устраивают скандалы, закатывают истерики, разыгрывают из себя оскорбленных до глубины души честных граждан и т. д. А главное, я понял — ну, никак не могу взять да и заорать на весь вагон: «Держите вора!».

Эх, гнилая интеллигенция. Чего бы не рывкнуть? И, однако, он мне был ненавистен. Ненавистна была его власть над этой раззявой-девчонкой. Я все-таки крикнул, но не «держите вора», а — спине, нарочно грубо:

НОЖКЕ

Рисунки
С. Сухова

— Оглохли, что ли? Дайте пройти.

Спина напряглась еще больше, но мастер сделал вывод. Он обернулся. Поразили его глаза. Пустые, с расслабленным, отдаленным, бог знает, куда направленным взором. Он обернулся, видимо, не столько для того, чтобы разглядеть меня, сколько — дать команду напарнице. И они тут же энергично протиснулись к выходу и сошли на остановке.

Я приник к стеклу, чтобы лучше разглядеть их, особенно его. Что-то знакомое почудилось мне в расслабленном взгляде, в светлых пустых глазах. И возраст подходящий. Но мне важно было посмотреть, не хромает ли он. Нет, не хромает.

Трамвай мягко взял с места, остановка проплыла, зарябило в глазах от бесконечного фасада гостиницы, однообразно поделенного на квадратные ячейки, и давно исчезли из виду мастер своего дела и его помощница. Я вспоминал... Я покинул комфортабельный салон нынешнего трамвая и очутился в славном июньском деньке пятидесятого года, на трясучей трамвайной подножке...

С чего начать это воспоминание? С того, что я был без ума от футбола, готов был играть с утра до ночи, где угодно и с кем угодно? В команде одногодков я, конечно, был в нападении, а если играли большие парни, кланчил, пока не пускали постоять в воротах. Место вратаря почему-то не было почетным, но я и ему был рад. Любимой моей музыкой были позывные футбольного марша, и я сладко вздрагивал, слыша их, а вслед за ними — хриловатый голос Вадима Снявского. Любимым чтением была книжка со странным названием «19:9» — о поездке московского «Динамо» в Англию в сорок шестом году. Они забили англичанам девятнадцать мячей, пропустили девять. Фотографии Боброва, бьющего по воротам; или вратаря Хомича, летящего навстречу мячу. Я мог рассматривать часами. Я бегал и ездил на все стадионы, что бы ни происходило: первенство республики или города, или вообще какие-то переходные игры юношей старшего возраста.

Или начать с того, что мне нравилось ездить на трамвайных подножках? Но надо ли все это объяснять? Кто из мальчишек в те годы не любил гонять мяч по пустырям? И кто не был подвержен этой упоительной страсти: ехать куда-нибудь (по-

рой и неведомо куда), через весь город, на раскачивающейся, мотающейся под ногами узкой металлической решетке?

Как-то так получилось, что на тот футбольный матч я поехал один. Все мои дворовые приятели были либо в пионерлагере, либо в деревне. Жаль, конечно: смотреть футбол одному или в компании — удовольствие неодинаковое. Да и добраться до стадиона вместе легче. Трамваи в любое время ходили переполненные, а уж перед футболом — тем более. Были бы своей кодлой (позже я с огорчением узнал, что кодла, или кодро — словечко малоприятное, из блатного жаргона, но что поделаешь, было оно тогда в мальчишеском обиходе) — вместе бы напали на одну подножку и завоевали ее. А одному — ох и пришлось попытеть.

Перегруженные вагоны тронулись со скрежетом, и все, кто еще не устроился, бросились на последний штурм. Самые настойчивые еще долго бежали рядом, подпрыгивали и напрасно пытались загнать носок ботинка между нашими ботинками.

Крепко обхватив поручень, я с чувством удовлетворения отмечал свой нелегко давшийся успех. Нас тут всего было шестеро или семеро — беззаветных юных болельщиков — на подножке первого, моторного вагона, у дверей его задней площадки. Как мы уместились, и не поймешь. Меня, правда, притиснули к поручню так, что щека подперла глаз. Зато лицом к улице. А вот рядом пацана развернуло к стенке, и при всем желании ничего, кроме двух рядов заклепок, он увидать не может. Впрочем, у него, как и у всех, было отличное настроение. Пока мы сражались на остановке, мы были врагами. Каждый, круто наклонив голову, ввинчивался в толпу. Мелькали спины и затылки. Серые, черные, коричневые спины курточек и рубах, стриженные высоко, под макушку, затылки. Иногда чей-то острый локоть больно ударял в грудь; разог кто-то большой, высокий, рванул меня за ворот и отшвырнул, как кутенка; а кого-то, наоборот, отпихнул я, да так удачно, что на мгновение очистился крохотный кусочек подножки, несколько металлических рубчиков, и этого мгновенья мне хватило, чтобы утвердиться на подножке окончательно и бесповоротно.

Теперь мы перестали быть противниками, как бы заключив молчаливый договор о дружбе и взаимопомощи: впереди десятка два остановок, и на каждой — другие мальчишки, жаждущие нас потеснить.

Трамвай набрал скорость. Задул ветерок. Он приятно обдувал, и все заулыбались, заперемигивались, хотя никто никого не знал. Из ближайшего к нам окна высунулся бритоголовый мальчишка, веселый и злой. Он заколотил ладонью по стенке, а потом запел, ни на кого не глядя: «Эх, путь-дорожка фронтная! Не страшна нам бомбежка

любая! Помирать нам рановато, есть у нас еще дома, жена...» — «Да не одна!» — с готовностью подхватили мы, и только теперь он поглядел на нас, как артист на аудиторию, в которой он привык к безоговорочному вниманию. Но тут другой пацан, из наших, подножечных, затянул замечательно дурным, берущим за душу голосом: «Встретились мы в зале ресторана, как мне знакомы твои черты, помнишь ли меня, моя Татьяна...» Первый певец, не желая унижаться до соперничества, умолк и нырнул в глубь вагона; победивший продолжал концерт: «Бананы ел, пил кофе на Мартинике, курил в Стамбуле злые табаки... В Каире я жевал, братишка, финики...»

Это были наши любимые, всем известные песни, каждый вечер гремевшие в городском саду и разносимые динамиками на всю округу. Я с наслаждением слушал, как сосед дерет глотку; и чудесно было ощущать тряску колес, биение поручня, его теплую гладкую поверхность, до блеска вытертую тысячами ладоней. Если смотреть под ноги, там, возле рельса, булыжник несется сплошной серой полосой. А стоит перевести взгляд подальше, и полоса рвется, можно различить отдельные камни; если же посмотреть на обочину, окажется, что там в это же самое время можно разглядеть каждую травинку и всякую ерунду, вроде конфетного фантика или мятой папиросной коробки, не говоря уже о ржавой загогулине, в которой успеваешь узнать сплюснутый обод с кадушки.

Проехали высокий деревянный дом — в резных украшениях, со странным круглым окном, в котором рама была сплетена наподобие цветка, и, как лепестки, были вставлены оранжевые и синие стекла. Магазин «Шарикоподшипник», в его витрине заманчиво сверкнула пирамида: снизу полуметровый подшипник, сверху крохотный, не больше монеты. Мы покупали здесь подшипники для самокатов и, прежде чем взять, катали их по прилавку: достаточно ли «катучие»?

Конный двор. Ворота были закрыты, и виднелись только задранные оглобли за каменным забором. По навозным катышам прыгали воробьи.

Дальше поехали мимо похожих одно на другое двухэтажных строений: кирпичный низ, бревенчатый верх. Дворы тоже похожи. Гранитные плиты ведут от крыльца к крыльцу, в чухлом палисаднике теснится акация. На веревках сохнет белье. Вкривь и вкось стоят дровяники, сараи, поленицы дров. В одном дворе шла игра в «штардар». Мальчишка высоко, свечой, подбросил мяч, выкрикнул чье-то имя, но мы поехали дальше, и никогда не узнать, чье имя он выкрикнул, кто рванулся к мячу, и поймал ли его...

Вагон сильно тряхнуло — здесь путь круто поворачивал вправо. Ход замедлился. Стал виден прицепной вагон. На его подножках тоже висели гроздьями.

Тут я его впервые и заметил.

Он спрыгнул с задней подножки прицепного вагона, догнал переднюю и запрыгнул на нее.

«Ловок!» — подумал я.

Казалось, сплоченный коллектив той подножки отбросит новичка, отторгнет его. Нет. Новенький втерся, вклеился, втиснулся... После поворота прицепной снова вытянулся в струну за нашим, и дальнейшие события мне стали видны урывками. Оттянув себя на поручне подалше от стенки, я увидел, что с приходом новичка там началась какая-то подозрительная возня. Мелькнула рука, как бы защищаясь от нападения; повернулось чье-то побледневшее лицо; донесся испуганный голос: «Че ты? Че?» Кажется, я начинал понимать, в чем там дело, во всяком случае, трудно было предположить что-либо иное.

Мои соседи вообще ничего не заметили и продолжали веселиться. По тротуару шла взрослая девушка в нарядной белой блузке. Наш певец пронзительно свистнул, потом сложил губы трубочкой и громко зачмокал. Девушка улыбнулась, погрозила пальцем.

Над избами, бараками и сараями подымалась крутая гора, усеянная такими же домишками, во дворах торчали тополя и березы, а на вершине горы медленно проплывали купола церкви.

Трамвай затормозил: остановка. Она была пуста. Живущие здесь по опыту знали: в вагоны, пришедшие с Первомайской, не пробиться. Они заранее шли туда, на предыдущую остановку.

Тут я увидел его снова. Он стоял возле нашей подножки и невозмутимо поглядывал по сторонам, словно и не собирался ехать.

Он был невысок ростом, но годами старше, чем казался издали. Ему было лет четырнадцать. Лицо широкое, скуластое, в оспинах. Глаза светлые, ясные, смотрели спокойно и, казалось, даже дружелюбно. На нем были черные шаровары, тапочки, пиджак с чужого плеча, великоватый. Под пиджаком — грязная голубая майка. Волосы стрижены под полубокс, косая челка падала на глаза, он привычным движением головы смахивал ее в сторону.

Трамвай вздрогнул, раздался натужный рев и скрежет, и мы поехали. В ту же минуту он очутился среди нас. Я и заметить не успел, как это у него получилось. Вскоре, как и на той подножке, кто-то забормотал: «Эй, ты че? Че ты?» В ответ раздался голос: «Молчи, сявка...», с прибавлением крепких словечек, и я удивился не самим этим словам, а тому, как спокойно и серьезно они были сказаны. Подножка затихла, рядом со мной тяжело заспел девец-свистун. Я потянулся через его плечо и, наконец, увидел, чем занимается новенький, и о чем я заранее догадался.

На мне была курточка с внутренним карманом. Сейчас там лежала сложенная пополам пятирублевка и несколько монет. Курточка была тонкая, из бумагеи, достаточно будто бы случайно прикоснуться к груди; будто бы почесаться, и пальцы

сразу ощущали квадрат пятирублевки и кружочки монет.

В те времена встреча с карманниками редкостью не была — обычная тревога рынка, магазина, трамвайного вагона. Теперь они вызывают во мне противоречивое чувство. Да, ненавижу — стоит вспомнить, как бедовали люди, у которых выкрадывали хлебные карточки. Ненавижу, даже и помня, сколько среди них было сирот, безотцовщины, малолеток, попадавших в лапы к уголовникам и шпане. С голодухи пацан начинал крутиться «шестеркой» — безотказным помощником — у своего «хозяина», стоял для него «на стреме», на прикрытии, усваивал уроки хитрого и жестокого ремесла; и пошло, поехало — уже не ради хлебушка, а ради курева, водки, веселой жизни. Что тут оправдывать? Голодали все, да воровали не все. И однако же... Тех, давнишних, начинать все-таки нужда заставляла, и лишь продолжать — неизбежное развращение души; а у сегодняшних с чего начинается? Не у карманников (есть еще и они, но недаром само словечко стало забываться), а у всех этих «несунов», «таскунов», «энергичных людей» всех возрастов, начиная с весьма юного?

Что карманников было много, и особенно в трамваях, нас мало беспокоило. Во-первых, их больше привлекали кошельки взрослых. Во-вторых, мы почти всегда ездили на подножках, а кто тебя там ограбит? Так я привык думать, и вот появился этот умница, этот талант, который сообразил, что на подножке чистить карманы как раз удобнее всего: сопротивляться здесь трудно. Есть и для воруемого риск сорваться и угодить под колеса, но, кто не рискует, не выигрывает. Конечно, делать это надо быстро, ловко и при этом запугать сразу нескольких, но именно это он и умел. Ни о чем не спрашивал, сразу лез в карманы. Кто-то попытался оттолкнуть его руку, но получил крепкий удар кулаком под ребра и покорно застонал от боли.

Я понял, что наступает моя очередь, судорожно вздохнул и замер. Не то чтобы меня никогда не грабили. Было. В младших классах переростки-второгодники не раз зажимали в углах и выворачивали карманы. Монета, яблоко, кусок хлеба, биток, цветной карандаш — им все годилось. Отбирали у меня и велосипед, и перочинные ножки, и — грусть на многие годы — австрийский фонарик, сине-красно-белый. Но все это были нападения больших парней, сопротивляться им было невозможно, не хватало ни духу, ни силы. А тут — почти одноплетка, и с виду вовсе не силач. Но никогда еще на меня не нападали вот так, один на один, открыто, нагло, пользуясь моим беспомощным состоянием.

Вор притиснулся ко мне, наши взгляды встретились, и я понял, почему перед ним все так быстро и позорно пасовали: что-то страшное, безжалостное светилось в его широко раскрытых, не мигающих глазах.

Рука охлопала карманы штанов.

Я услышал собственный голос:

— Да нет у меня ничего...

Он тихо проговорил:

— Молчи, гад. Сброшу...

Я посмотрел на несущуюся под ногами серую полосу и оцепенел.

Трамвай шел по большой дуге и перед выходом на прямую набирал скорость. Вагон сильно раскачивало. Сейчас он вытасит деньги, билет будет купит не на что, а значит, и ехать дальше не имеет смысла. На ближайшей остановке я сойду и полетусь домой... или буду бродить по городу, потому что стыдно вернуться домой и признаться; стыдно, да и опасно: перестанут отпускать...

Рука шлепнула по курточке, ощупала монеты и бумажку под тонкой тканью и полезла за пазуху. Деловитое посапывание вора раздавалось над самым ухом; оно было так близко, что даже грохот колес не заглушал его. Краем уха я ощущал теплую струйку дыхания своего мучителя. Оно было стесненным — вследствие неудобной позы, которую он занимал. Рука шарилась по телу как по неодушевленному предмету. Другая его рука в десяти сантиметрах от моих глаз стискивала поручень — с такой силой, что кровь отхлынула от ногтей, только темнели под ними полоски грязи. Было омерзительно, стыдно, и было невыносимо щекотно от пальцев, проникших под куртку. Колеса грохотали, полоса, как бешеная, неслась внизу. Солнечный, радостный, милый образ футбола отлетел от меня далеко-далеко, мир повернулся всем, что в нем есть подлого и жестокого, и несправедливости, как потаенный закон всего сущего, взмыла над этим миром.

И я ударил.

Я ударил локтем и попал ему в живот. Теплая струйка дыхания на щеке пресеклась, раздался сдавленный вздох, вроде бульканья; я ударил еще и еще — так начинает дергаться в неуправляемых конвульсиях человек, когда под рубаху заползло насекомое; пальцы на поручне ослабли, кровь ровным потоком вошла в ноги и окрасила их в густо-розовый цвет; в следующее мгновение пальцы поехали вдоль поручня, разжались, а другая рука выскочила из-за пазухи, больно полоснув меня по шее.

— Аа!..

Трамвай вышел из поворота, и соседи заслонили от меня дальнейшее. Они облегченно зашевелились, считая, что вор спрыгнул сам, закончив побои. Никто не говорил ни слова, скорость была велика, колеса гремели, вагон мотался.

Ощущение силы, победы, удачи вместе со страшной скоростью вагона едва не подымало меня в воздух. Футбол снова был близок и досягаем, деньги надежно лежали в кармане — сложенная пополам пятирублевка и монеты.

«Я не испугался, — с гордостью подумалось мне. — Все испугались, а я нет».

Но что-то мешало полному ликованию.

«Ты столкнул его под колеса, вот что ты сделал», — вдруг сказал я себе. И вот что мешало: в тот момент, как он упал, а соседи заслонили его от меня, в ударах колес был какой-то странный сбой, словно они на что-то наткнулись, и быстро преодолев это что-то, снова с тяжелым гулом покатались по рельсу. Или это послышалось?

Трамвай затормозил и уткнулся в невидимую преграду. Остановка. Соседи негромко переговаривались, стряхивая с себя страх, избавляясь от позора той недавней минуты. Несколько здешних мальчишек толкались, пытаясь попасть к нам.

Сам не веря тому, что делаю, я спрыгнул. На освободившееся место прилепилось двое новеньких. Никто не спросил меня, почему я покидаю заветное местечко. Я стонал и тупо смотрел в трамвайную стенку, в надпись, желтую на красном: «Северное депо № 312». Стенка вздрогнула и поползла. Проплыла мимо родная подножка, за ней еще две, мальчишки на них шумели, как воробы, на каждой был свой свистун, и свои певцы.

Они ехали на футбол, а я брел обратно, к повороту. Прохожие, мне казалось, странно поглядывают на меня. Они знают, куда и зачем я иду. Я шел по мостовой, вдоль рельсов, словно то, зачем я иду, лишало меня права идти по тротуару: не мог же я прикидываться обычным прохожим. Не помню, чтоб я еще когда-нибудь шел так медленно и чтоб когда-нибудь мне хотелось так быстро дойти. Там, за углом, там, за поворотом...

Я смотрел под ноги и считал шаги. На сотом поднял голову. Вот это место. Возле рельс не было никого и ничего. Никто не толпился, никто не лежал. И, уже сознавая, что это глупо, я наклонился и стал разглядывать мостовую. Я увидел сетку трещин на камнях, крошки засохшего навоза в щелях между камнями; у конца шпалы, из-под приотставшей щепки, выползали черные глянцевые муравьи. Не было крови. Никаких вообще признаков того, что здесь кто-то рухнул навзничь с подножки на полном ходу.

Я рассеянно посмотрел вдаль. По бесконечной лестнице, ведущей к вершине горы, к церковным куполам, там и сям продвигались фигурки прохожих. В одной из них, подымавшейся к самой вершине, мне показалось, я узнал вора. Это был мальчишка, и он прихрамывал. Но расстояние было велико. Я прищурился и разглядел, что на нем кепка. У вора кепки, кажется, не было.

Со стороны Первомайской раздался грохот, и оттуда вывернул очередейной трамвай. Я побежал к остановке. Еще можно было не опоздать на матч.

Этот точно не хромал. Я ведь долго следил, как они с напарницей уходили с остановки. И все-таки, это мог быть он.

Записная книжка узника

**Юрий
ОКУНЦОВ**

Семья Лоськовых была известна в дореволюционных Златоусте, Челябинске... Среди власть имущих слыли они смутьянами, а рабочий люд относился к ним с глубоким уважением.

Глава семьи, Михаил Андреевич, рабочий самой высокой квалификации, слыл и образованнейшим по тем временам человеком. Он немало сделал для просвещения товарищей, многих научил грамоте, приохотил к книгам. М. А. Лоськов стал одним из тех революционеров-народников, которые безоговорочно перешли на позиции марксистов. По стопам отца пошли дети — дочь и два сына.

Братья Лоськовы закончили Уральское горное училище, в те годы уже имевшее репутацию «рассадника крамолы на Урале».

Из рапорта златоустовского уездного исправника уфимскому губернатору о революционных выступлениях в Златоусте в декабре 1905 года:

«...С приходом 15 декабря в г. Златоуст казачьей сотни, хотя уличные своеволия рабочих прекратились и сами рабочие попритихли, но в расположении завода рабочие по-прежнему оставались хозяевами...»

«...Прошу ваше превосходительство возбудить ходатайство перед главным начальством Уральских горных заводов об увольнении со Златоустовского завода главарей...»

Далее следует список, в котором значатся 26 фамилий, шестнадцатым в списке стоит имя Степана Лоськова.

А ровно через год, в декабре 1906 года, квартира Лоськовых подверглась полицейскому налету. Лоськовы были арестованы.

В Златоустовском краеведческом музее хранится интереснейший экспонат — записная книжка, которую вел в тюрьме Степан Лоськов. На первой странице затейливым узорчатым шрифтом написано рукой заключенного: «Златоустовская тюрьма. Камера № 9. С. М. Лоськов. 3 июля 1908 г.». Под заголовком «Для памяти» идут короткие записи:

«5 июля я был вызван надзирателем 2-й части в контору, который спрашивал меня, не знаю ли я че-

ловека, который назвался Дементьевым и скрылся. 6 июля получил обвинительный акт. 7-го послал прошение о назначении свидетелей: Бахарева, Попова и мамы. Защитников Кейкова и Шемберга.

8-го была мне комиссия по моей болезни из четырех врачей. Переменил защитников Кейкова и Шемберга. Написал прошение о назначении защитников Покровского и Полидорова».

Записи, к сожалению, очень лаконичны — писать подробнее было опасно. Последняя гласит: «От 26 нояб. Сообщен. Шемберга. Суд назначен 2 марта 1909 г.».

Далее следуют десятки чистых листов. Лишь на последних — стихи, которые, по-видимому, были написаны Лоськовым раньше:

Сбывалось все: меня ты полюбила.

Мы вместе грезили о светлых счастья днях;

Но злая жизнь мечты мои разбила —

Разбила в прах!

Свободна ты, а я в тюрьме суровой,

Оторван от тебя враждебною рукой;

Тюрьма уже дарит меня подругой новой —

Былой тоской...

И с каждым днем мои слабеют силы,

Не знаю я, тебя увижу ль вновь?

Люби, люби меня!

Защита от могилы —
Твоя любовь!

Степан Лоськов умер в тюрьме. Похороны его вылились в многолюдную демонстрацию. Провожая в последний путь своего товарища, рабочие Златоуста клялись продолжать борьбу против самодержавия до полной победы.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО ☆☆☆☆

● Увидел ветеран войны М. П. Блинков, живущий в Таджикистане, в республиканской газете собственную фамилию: следопыты Белгородской области разыскивали родных «погибшего в бою за село Топлинка Блинкова Матвея Петровича». Оттуда, из Топлинки, в 1943 году, пришла на него домой похоронка; а солдат после того боя еще до Харькова дошел. Написал ветеран ответ следопытам. На обелиске в Топлинке против надписи «Рядовой М. П. Блинков» появилось еще одно слово: «Жив».

● Отозвался следопытам села Нивного Брянской области числившийся в списке погибших Алихан Алиев из города Нефтечалы. Его, тяжело раненного, подобрали санитары другой части. Спустя 37 лет Алихан Алиев по приглашению ребят из Нивного побывал на месте бывших боев.

● Учащиеся сыктывкарской 16-й школы изучают боевой путь 241-й стрелковой дивизии. Ребята узнали о подвиге одного из солдат. Разведчик В. Чижик в сентябре 1941 года попал в плен. Фашисты бросили его в сарай и приковали на цепь. Влопыхах обысканный гитлеровцами, солдат сохранил в голенище сапога нож. Не видя другого избавления, сержант Чижик отсек себе кисть руки вместе с цепью... Мужественный солдат, избежав неминуемой смерти, вернулся в расположение части. Подвигу В. Чижика ветеран дивизии Б. Фесовец посвятил поэму «Шаги в бессмертие».

● Жив солдат!

...После допроса и пыток гитлеровцы вывели разведчика Пашкова из штабной палатки, дали лопату в руки и приказали рыть себе могилу. Медленно копал Иван Пашков, старался оттянуть минуты, слушал поющую птицу и все думал: как же это они нарвались на засаду, как смогли враги выбить у него винтовку, не дав сделать ни одного выстрела?

А теперь вот стреляют в него. Раз, другой... И третий выстрел — уже в яму. Наскоро закидали враги могилу, а разведчик дышал... Сохраняя сознание, выжидал, когда уйдут фашисты. Проковырял отверстие, чтобы был доступ воздуху, и набрался терпения...

В роду у Ивана Пашкова все были силачи — начиная от деда, первого кулачного бойца во всей елецкой округе. Богатырское здоровье передали предки Ивану. Превозмогая боль, освободился он от глины, отполз острожно, перевязал разорванной рубахой пробитую грудь. Два дня истекающий кровью боец бродил по лесу, пока не встретил своих. Потом еще полтора года лечили его в госпиталах...

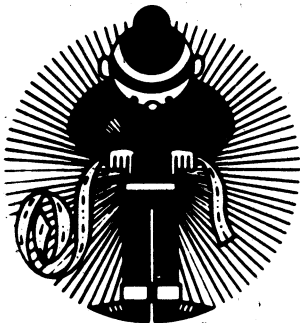
Бывшего фронтового разведчика разыскали, следопыты Долгоруковского Дома пионеров Липецкой области, собрали материалы о его беспримерной судьбе. Есть в школьном музее и «Баллада о разведчике Пашкове», написанная поэтом А. Сурковым:

Целовал я сырые комья земли,
Уползая к ребятам в лес.
В 10. 30 меня враги погребли,
А в одиннадцать я воскрес...

● Был он храбрым в бою...

22 июня 1941 года дивизион 76-миллиметровых орудий, где в восьмой батарее замполитом был двадцатидвухлетний учитель из Сибири Александр Серов, принял близ границы первый бой с оккупантами. Сперва на дороге появилась колонна мотоциклистов, за ними пошли танки, десант.

Час, другой, третий идет бой... Кажется, время остановилось. Стреляют пушки, смрад застилает глаза. А потом этот сильный удар, и сквозь угасающее сознание — крик подносчика снарядов: «Серова убило!». Падая, молодой замполит еще успел удивиться: «Как убило, когда я слышу голос...»

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

В тыловом госпитале его списали, окончательно и бесповоротно. Еще не сняты были бинты с ран, когда Александр Серов пришел домой и принял в собственные руки похоронку: «Погиб смертью храбрых 23 июня 1941 года в районе Кряжай у литовской границы».

...Всего тридцать шесть часов воевал Александр Федорович Серов. Жестокая и долгая была впереди война, и невеста где трудными фронтовыми дорогами шел его артиллерийский полк, его противотанковая бригада, считавшие Серова погибшим.

В 1968 году литовские следопыты разыскивали — нет, не его, а его родных: добывали сведения о храброе артиллеристе, подбившем одиннадцать вражеских танков, награжденном посмертно орденом Отечественной войны I степени.

Скромный учитель из Омской области и не думал, что найдет его солдатская слава, что спустя много лет получит он десятки писем от однополчан, помнящих его подвиг.

● Ошибка на памятнике

...Тяжела оказалась переправа через Днепр для связиста Харламова. Лодку, где они находились всемером, расстреляли с того берега. Не видя товарищей, плыл Сергей Харламов, то погружаясь в воду, то выныривая, и было у него две заботы: не выпустить оружие из рук и не утопить катушку с кабелем.

А на том берегу — в упор бьющий пулемет. Окапываться времени нет, и боец... побежал на пулемет. Выстрелил прямо в фашиста, который от изумления так и не успел придти в себя. Когда на него кинулись трое, он в мгновение сообразил: не отстреляться — только отбиться можно... Прикладом — одного, вырвал автомат у другого, в третьего дал очередь.

«Харламов, связь!» — требовал восточный берег. И Харламов, подключив кабель к аппарату, передал первое донесение. А потом остался связист лежать на том берегу, который недолго был занят врагом.

...Приехал как-то Сергей Васильевич из своего Подмосковья в Любичи на Днепре, в места, где сражался. На памятнике увидел имена павших при переправе через Днепр, и среди них свое имя.

— Ошибка... — сказал Харламов. А шофер, который вез его на встречу ветеранов, возразил:

— Нет, товарищ капитан, наши следопыты всех проверили, с донесением похоронной команды сличали. А кого узнали-то?

— Харламов... всю войну прошел, и после еще долго служил. Харламов — это я...

● Трижды воскресший

Борис Пичков начал войну летчиком. В одном из боев самолет загорелся, и пилот, тоже обгоревший, раненный, контуженный, в тяжелом состоянии был доставлен в госпиталь. Его вылечили, но военную профес-

сию пришлось сменить. Стал Пичков командиром взвода «катуш».

Второй раз он «погибал» вблизи украинского села Каменная Яруга. Разорвался рядом снаряд, командира ранило и засыпало землей. Его не нашли после боя и решили: погиб смертью храбрых. А лейтенант Пичков опять выжил. Не долечившись, убежал из госпиталя и под Славянском догнал свою часть.

Пол-Европы прошел. В Венгрии, у местечка Шарбоград, глядел смерти в лицо в третий раз. Командирскую машину расстрелял «тигр», тяжело раненного Пичкова отшвырнуло далеко в кукурузное поле... На другой день в полевом медсанбате врачи извлекли из него сорок осколков.

...Десятилетия прошли. Ветеран приехал в Будапешт. В скорбном молчании стоял у мемориала советским воинам, читал фамилии в длинном списке, и вдруг увидел: «Лейтенант Борис Васильевич Пичков».

Не только эту надпись пришлось исправлять. «Погиб смертью храбрых» — значилось и на обелиске, воздвигнутом на территории завода в Тамбове, где до войны работал токарем Пичков.

Совсем недавно и школьники следопыты из села Каменная Яруга на Харьковщине тоже внесли исправление против фамилии солдата на своем обелиске.

● Ракета над головой

«Неизвестный солдат» — так говорят живые про погибших. А Федор Кочергин не погиб. Но он сам для себя долгие годы был неизвестным солдатом...

Вернувшись домой после тяжелой контузии и госпиталя, он не мог вспомнить и малого о фронте и боях. Золотая звезда Героя сияла на выцветшей гимнастерке; знали односельчане, что Кочергин воевал под Ленинградом — но больше ничего. Память отказала насовсем. Ни друзья-ветераны, ни следопыты, ни родные не могли от него ничего узнать.

Но однажды принесли Кочергину книгу о защитниках Ленинграда, где была названа и его фамилия, и рассказывалось о подвиге, который он совершил.

И вспомнил бывший солдат!.. Вспомнил лето 1944 года, реку Вуоксу, перевернутую лодку десантников. Лишь ему одному, командиру отделения разведки 506-го минометного полка Федору Кочергину, удалось добраться до противоположного берега. Окруженный врагами, он дал ракету прямо над головой: «Вызываю огонь на себя!». Наши минометчики тут же ответили залпом...

Вот и все. Федора отбросила взрывная волна, а от следующих снарядов уберег его гранитный уступ.

Людская память спустя годы помогла солдату вспомнить все, что с ним произошло.

Одичалые пожары дважды палили избушку деревню Першину. Все же першинцы укоренились крепко на избранной земле. К Мальцевым поселялись Казаковы, Помазкины, Ярушниковы, Зыряновы, Пауесовы, прищельцы из-за Урала и сибиряки.

И вот оно, село Першинское — двести семнадцать дворов на опочковом высоком берегу скромной Течи...

За 250 лет сколько тысяч судеб человеческих здесь процветало...

На бугре поставлена бетонная плита с горельефом скорбящей женщины. «Землякам, отдавшим жизнь за счастье народа».

Мальцевых вписано в столбцы больше других. Тринадцать из них сложили головы в боях Великой Отечественной. Все — потомки выхода из-под Вологды, мужика Порфирия Мальцева, искателя лучшей доли.

Род Мальцевых широко разветвился по всему Союзу. Известный ученый Терентий Семенович Мальцев произошел от того же вологодского корня; предок его доводился родным братом Порфирию Мальцеву.

...Михаил Павлович Бирюков снимает с полки увесистые папки.

— Летопись моего села. Пишу сейчас пятый том.

Что изумило больше всего: у короткой стены, куда не достигали полки, прижалась железная кро-

вать, застланная байковым одеялом, как бы перенесенная из военного времени. Не жилая комната, а заправский архив, оберегаемый день и ночь.

А полюбил он сначала садоводство-огородничество. Мать отдала ему уголок, где старший брат Владимир организовал и хранил библиотеку Першинского сельскохозяйственного общества. Мобилизовали брата на войну в 1914 году, общество распалось. Были в каморке дощатый лежачок и столик. Мальчишка поглощал книгу за книгой, вплоть до лекций профессоров Московского сельскохозяйственного института (теперь — Тимирязевской академии).

И вот уже огород ему доверили на всю большую семью. В селе никто до него не выращивал помидоров, кукурузы, табака... В свои двенадцать-четырнадцать лет он огородничал не как-нибудь, а на научной основе. Свои наблюдения записывал изо дня в день.

Поступил в Красноуфимский сельскохозяйственный техникум. Там повстречал будущую жену свою. А позапрошлым летом Людмила Матвеевна и Михаил Павлович скромно отметили свою золотую свадьбу.

Ему по плечу было при выкорчевывать, а он же свою силу обратил в бережную точность пальцев. Его привои приживались до единого. Из семян его яблонь сколько яблонек небывалых отяжелели плодами по Уралу и Зауралью. Отечественная война отозвала далеко.

Возвратившись на Урал, научился обходиться вместо двух костылей одним, да еще и шагал крупнее других по междуярдьям сада. За двадцать лет он составил подробную историю садоводства на Урале.

— Наткнулся я на литературу о родных местах. Далматовский монастырь — это же совсем близко от моего Першино, это город Далматово. А двести лет тому назад на тех монастырских землях были заложены ягодные сады. Вот и возникло желание узнать побольше о своей малой родине.

Все десять сыновей Павла Бирюкова, счетовода Першинской кооперативной организации, вырос-

ли не ленивыми и каждый чего-то достиг.

О расцвете садоводства в родном Шадринском районе Михаил Павлович узнавал из печатных трудов своего брата Аркадия Павловича.

Василий Павлович стал художником.

Константин Павлович — государственным контролером Министерства финансов.

А Владимир Павлович стал известным уральским писателем-краеведом.

Вскоре после Октябрьской революции старший Бирюков с мандатом окрисполкома спас от сожжения церковные и монастырские архивы. Иеромонах предпочитал спалить документы Далматовского монастыря, чем передать их народу, а там были даже древние пергаменты. Тогда Владимир Павлович подговорил своих учеников. Ночью он и ребята в два рейса унесли на плечах за сорок пять километров тысячи монастырских дел.

Михаил Павлович рад материалам брата:

— Архивы — и церковные и монастырский — помогли мне составить родословную всех до единого жителей Першино, какие были до 1917 года.

И он вручил мне краешек странички, попросив отступить, и растянулась на две комнаты семиметровой полоской, черной сеткой по белому, родословная крестьянской семьи Мальцевых — каждым узелком этой сетки был человек.

— Так я документально доказал, что в Першинском все однофамильцы, хоть в девяти разных домах жили, одна и та же семья. Мальцевы, Помазкины, Пауесовы... Посмотрите, до чего сложен корень каждого из нас и до чего разветвляется потомство. Вот оно, изначальное единство народа, во всей очевидности.

День за днем убеждался Бирюков: да, его прекрасная деревня всегда жила сочно. И в то же время изумляли открывающиеся сложности ее жизни.

— Когда поднял все эти наслоения, — рассказывал он позже, — до меня дошло, что половина села — это была беднота. Половина! Конечно, я знал, что в старые годы Першинское было значительно бед-

нее, что имелся какой-то процент бедняков, но чтобы в такой мере!.. Ведь село и тогда было пшеничное. Накануне Октября оно так и считалось в окрестностях богатым селом. А в богатом селе безлошадных была пятая часть, бескоровных — 15 процентов...

Среди бедноты — ни единой грамотной женщины!

— А откуда взялось название «Першинское»?

— Это я вам сейчас скажу, — и с присущей ему обстоятельностью поведал:

— В 1681 году из-под Вологды к Далматовскому монастырю добрался Мальцев Порфирий Михайлович. Тут большую семью нашёл, одних только сыновей шесть человек. Спрашивают люди: «Чьи это ребята?» — «Да Першина». Порфирий по-народному был Перша. Першины — прилипло к ним прозвание.

Четыре брата — Порфирия того сыновья — основали нашу деревню. По основателям и названа. Это документально известно.

— Что же за документы это были?

— А вот, к примеру, сохранилась «Книга денежная и скотская» Далматовского монастыря. Ей триста лет. В нее монахи записывали, кто и что пожертвовал монастырю. Порядок был определенный: ты приехал, первым делом — под благословение к архимандриту и пожертвование деньгами или скотом. Порфирий Мальцев «рубль денег приложил». А уж из других источников я вызнал, что ему тогда шел двадцать второй год, что женился на Маремьяне...

Деревня, село — они в государстве, как живые клетки в теле: любая боль села отдается в государстве, а все, что делается в государстве, отражается на селе...

Да вот вам влияние Петербурга: освободил крестьян от Далматовского монастыря. Раньше они монастырские были. Я читал отчеты казначей экономики, ставленника Екатерины Второй, Прапорщик — его звание военное. Уцелели жалобы на него першинских мужиков. И вот, я знаю, сколько он, паршивец, пудов пшеницы, сколько холста, гусей, уток, денег у них нахапал. Как живого вижу... А хотите знать, по каким разделам собираю материалы? Первый — политические события.

Известно, что в Алапаевске в 1905 году уже возник Совет рабочих депутатов. Алапаевск — это был самый революционный уголок на Урале. А наши парни из бедняков работали там на заводе и набирались ума-разума. У нас в Першинском есть подлинные сподвижники Якова Михайловича Свердловла.

И Бирюков рассказал о Помазкине Михаиле Павловиче — рабочем спичечной фабрики Логиновых, настоящего гнезда революционеров. Бирюкову, мальчишке, доводилось шук тягать вдвоем с Помазкинм.

— Бородич обросший, сидит в лодочке. Говорил с мужиками не просто, загадочно, чтобы покумекали, шевелили бы умом. Упоминал имя Андрея — так Свердловла называли.

А проникновение газеты «Искра» в Першино? Ее завезли заводские, точнее, Казаков Кузьма Иванович доставил из Алапаевска...

Второй — административная деятельность, войны.

Я все фиксировал: кто когда призван... Вдовушек всех войн... Это наши першинские страдальцы.

В 1758 году вернулся в деревню Першина Мальцев Иван Перфильевич, отслуживший в солдатах полстолетия. При Петре Первом был взят, еще из-под Далматовского монастыря. Тогда забрали крестьян в солдаты до их смертного дня. Сами понимаете, долговечных между ними почти не было. Этого отпустили к своим: не держать же в войске такую древность.

В японскую войну было убито пятеро из нашей деревни... В первую империалистическую 73 человека погибли (все они у меня известны). В Отечественную сто одиннадцать першинцев жизни отдали.

Трое наших односельчан вышли в полковники. Было два кавалера трех орденов Славы... По этой войне данные собраны у меня, но не проанализированы.

Третий раздел — население. Разрослось Першинское до двух тысяч человек. У меня есть книга об этом. Очень тщательно, прилежно я собирал к ней материалы. Раздел четвертый — налоги и сборы, кооперация. За двести пятьдесят лет налоги изменялись разнообразнейше. Каких только не было. При Петре Первом, когда першинские крестьяне подчинялись монастырю, им сверх царских налогов — за дым, за баню и прочих без числа — была еще пятина: мужик отдавал монахам каждый пятый свой снаг.

А перед Октябрем крестьяне першинские платили: мирские деньги — эти законно оставались в руках администрации; уездный земский сбор — в Шадринск; губернский земский сбор — в Пермь, земельный налог и государственную подать.

Дальше идет крупнейший раздел — сельское хозяйство. Затем — торговля. Мое Першинское, казалось бы, глухое село, участвовало в мировой торговле через ярмарки. За границу из него шли яйца, битые гуси, пух, перо, щетина, волос кон-

ский, масло конопляное — лучшее сырье для олифы...

Пожарные мероприятия (дважды село выгорало почти дотла). Дороги и связь. Народное образование. Культура. Здоровоохранение (эпидемии свирепствовали). Ветеринария. Труд наемный. Тут судьбы батраков и девонок-нянек такие, что в пору удариться в слезы. Далее. Развитие промышленности и железнодорожного транспорта (село посейчас далеко от железной дороги, но наши мужики издавна работали на заводах и под чугунку). Есть архивы о церковных делах и суевериях...

Сведения обо всем этом даю очень сжатые и довел только до 1917 года, а получился труд в три тысячи с лишком страниц. За свою жизнь сумею составить двадцать тысяч карточек-записей. Материалов у меня — тысяча на шестьдесят, а дело требует примерно двухсот тысяч записей.

Сложно ли это? Историю Сибири, например, писала Академия наук, сотни людей участвовали. Ну так Сибирь легче описать, чем деревню. По Сибири — столько литературы, писать — одна приятность, я считаю. А в деревне?.. Там преобладало изустное. О Франции легче написать, чем о селе Першинском, — и он сам остро, хотя негромко засмеялся, но без горечи и не без торжества. Добавил вразумляющее: — Чем меньше единица, тем труднее писать о ней.

Там, скажете, трудности другого типа — эрудиция требуется. Не имея энциклопедического склада ума и многих знаний, браться за описание деревни бесполезно. Например, классовая борьба в деревне... Ленин писал, как там все переплетается, как это все в деревне бывает замаскировано, сложно.

Простой пример. Часто бывало — мужик другого звал: «Давай исполу! Земля моя, а твоя обработка, уберем вместе». Я раньше полагал, тут передовое что-то, поскольку взаимопомощь. А недавно прочел у Ленина, что это за «исполу». Да, понял я: это остатки крепостного права.

Так вот, видите, надо экономическую политику и произведения Ленина о-очень хорошо знать...

...Человек составляет летопись родного села. И чем больше он делает, тем обширнее открывается не сделанное. Он свою жизнь кладет, а не охваченное — историческая действительность его деревни — пускает корни все глубже, разветвляется все шире. И понял он — его родное село неисчерпаемо. Как все живое.

НАЕДИНЕ С СОВЕСТЬЮ

**Борис
ВОРОБЬЕВ**

Прожив полвека, невольно начинаешь приводить в относительный порядок ту бесконечную, бездонную кладовую, которую называют памятью. Строки из писем, приведенные ниже, всколыхнули во мне мысли о событиях детства...

«Религия всегда делала только добро. Она помогает человеку в трудные минуты жизни».

«Вера в бога была, есть и будет, несмотря на гонения».

(Из анонимных писем)

Неверующим я стал во втором или третьем классе. Жили мы в Нижнем Тагиле. Пронзительно, до крохотных подробностей помню июльский вечер. Я лежал на половине, читал книжку о Джордано Бруно и одновременно совершал тайные вылазки на кухню. Там, на таганке — железном обруче с тремя прилепанными ножками, варился борщ, в котором была большая аппетитная мозговая кость. Мне смертельно хотелось вытащить ее, пососать и незаметно утопить обратно. И вот, снимая с котла тяжелую сковородку-крышку, я опрокинул таганку, и все варево брызнуло на голяшки. Из сеней, где шла стирка белья, на вопль прибежала мать. Ахая и охая, она одной рукой смазывала мои обваренные ноги куском хозяйственного мыла, а другой лупцевала по заднему месту недостиранной рубахой.

Всю ночь провалялся в бреду. Я-то обварил всего-навсего ноги, а того человека — из книжки — жгли на костре. Сколько мук вытерпел он, прежде чем сирельный огонь лилизнул его сердце! В кошмарных видениях казнили то Джордано Бруно, то меня самого, то дядю Лешу, мужа моей тетки. В финскую, в атаке при прорыве линии Маннергейма, он попал под струю огнемета. Однополчанин дяди Леша рассказывал нам потом, что нечего было даже хоронить: пряжка на солдатском ремне — и та расплавилась.

Мать, не зная моих бредовых

мыслей и видений, всю ночь просидела возле кровати, казня себя. Милые мамы... Они всегда винят себя в сыновних бедах.

Когда голяшки стали подживать, я несколько дней ходил как сонная муха и вел разговоры сам с собой. О запахах-инквизиторах толковать нечего — беляки, самураи. Ну, а бог — он-то ведь мог одним мизинцем помочь Джордано Бруно, мировецкому ученому, с потешным воротником вокруг длинной шеи?!

Вот был недавно на нашей улице пожар. Порохом пыхнул старый дом, так что семья еле-еле успела выпрыгнуть в окна. Тогда первый на Вые силач и балагур по прозвищу Федька-булка спас одуревшую и уже подпаленную козу из-под рушившихся стропил хлева.

— Все ж таки животная, — объяснил он пораженным зевакам. — Божья тварь!

Федька-булка рисковал жизнью из-за паршивой козы-блудни, а всемогущий и всеблагий бог не мог отстоять человека! И не одного Бруно. В той же книжке было сказано, что от имени господина инквизитора отправляли на костер сотни тысяч ни в чем не повинных людей...

И еще одно яркое воспоминание. Мне повезло на хорошую учительницу, которая, не ограничиваясь куцей программой первых-четвертых классов, рассказывала нам всякую всячину, вслух читала детских писателей, удивительно доходчиво объясняла непонятные места. Однажды, когда она читала книжку о крестовых походах, в конце которых «гроб господен» пошли отвоевывать у турок дети, я громко всхлипнул. Весь класс вытаращил глаза. Реветь выйским пацанам не полагалось ни при каких обстоятельствах — даже если тебя лупила вся Гальянка.

Тогда, на уроке, мне до жути отчетливо представилось, что по диким лесам и болотинам идут не чужие мальчишки и девчонки, а наши, выйские, и, конечно, я — с ними. В рубище, похожем на материну, из грубого холста, рубаху, без куска хлеба, без самодельной финки, без моей любимой берданки три-

дцать второго калибра (какая уж там берданка в те далекие века!). На нас нападают дикие звери, поедом жрут комары. Нельзя даже запалить нодью — спичек-то нет! И тает на глазах наше сопливое воинство, а ведь самое страшное — турки — еще впереди...

Куда бог-то смотрел?! А может, никакого бога нет, если на земле происходили такие страшные вещи?...

Конечно, нету. Ведь и отец говорит, что нету.

На нашей улице жил священник местной церкви, человек, по общему мнению, добрый и обходительный. В карманах плисовых штанов под длинной рясой он всегда носил изрядный запас ирисок и щедро раздаривал их малышне. Он удивился, когда я под впечатлением последних событий не подбежал к нему вместе с остальными, и ласково спросил:

— Ну, а ты что, раб божий, не хочешь конфетку?

— Сам ты раб! — выпалил вдруг я, осмелев. — Мы, Воробьевы, ничьими рабами не были и не будем. Это тебе не старое время!

— Ну, ну, — зло сощурил глаза батюшка. — От горшка два вершка, а туда же... А мать-то у тебя верующая. Отцово, видно, семя...

К тому времени, когда я уже хорошо помнил отца, он не верил ни в какого бога, хотя с грехом пополам понимал печатные буквы и совсем не умел писать. Атеистом его сделала солдатская служба, жизненные невзгоды. К религии он относился не просто равнодушно, а с ожесточенностью, называя священников захребетниками, а знакомых моей матери — верующих теток, бабок, каких-то лохматых стариков — придурками с паперти.

В редкие семейные праздники после третьей стопки браги отец начинал длинные рассказы. Мать называла их богохульными, хотя сама каждый раз слушала с неослабевающим интересом.

Новобранец 1910 года, батя отбывал действительную военную службу на русско-китайской границе: ловил китайцев-хунгузов, которые таскали на нашу сторону ханжу (воюющий сивушный спирт), шелк и опиум, чтобы продавать их старателям за золото. В секретатах, засадах, преследованиях он использовал по-пластунски всю приамурскую тайгу.

Процедура выдворения пойманных контрабандистов, а нередко и лазутчиков-шпионов, была самая простая. Сначала у них отбирали контрабанду, тайные иероглифы на рисовой бумаге, а потом вели «на высочий на берег Амура». Держа хунгуза за косу, отец или кто другой

давал ему, здоровенного пинка, так что тот летел едва ли не до середины реки. Обрывок косы оставался у таможенника в руке. Ими и отчитывались перед отделенным.

Отделенный, прозванный солдатами Богомолем, судя по рассказам, сидел у отца в печенках. Перед выходом бойцов в наряд Богомол тщательно проверял каждого: хорошо ли смазана трехлинейка, свободно ли ходит затвор, полон ли боекомплект, дослан ли патрон в патронник. Ну, это все правильно — так и нужно. Но Богомол каждый раз приказывал растегнуть ворот и лично убеждался в наличии на шее стандартного солдатского крестика. Тот, у кого его не было, тут же получал зуботычину.

Хотя господе и оберегал таможенников (по убеждению Богомола), редкий день не приносили кого-нибудь со страшной раной. Пограничник охотился за хунгузом, а тот охотился за пограничником. Головку пули китайцы покрывали поперечными зарубками; при попадании в цель она плющилась, оставляя кровавую дыру в ладонь шириной.

Не уберется в тайге и мой отец с крестиком на шее: разворотило ему бок резаной пулей. Еще левее — и не стало бы рядового Воробьева.

После того, как батю подлечили — там же на границе, дав отпуск по ранению, — подошел 1914-й. И опять загремел рядовой Воробьев на фронт.

Здесь ему снова не повезло. Во время Брусиловского прорыва, в затишье перед очередной атакой, полковой священник служил молебен «за победу русского воинства». Колонопреклоненным солдатам раздавали чудотворные иконы, «оберегающие от ран». Наблюдатель, сидевший на крыше костела с биноклем, вскоре слез и рассказал отцу, что у немцев тоже идет молебен, наверное, «за победу германского воинства». Во время атаки до немецких окопов из всей роты добежало десятка два. Отец был среди них. Но тут рядом ухнул снаряд. Взрывной волной батю забросило на верхушку дерева, откуда его сняли без обоих сапог и чудотворной иконки.

На этом рассказы свои отец обычно и заканчивал. Дальше, говорил, неинтересно, поскольку, тяжело контуженного, его признали негодным к строевой службе, и он вплоть до 1918 года «таскал горшки из-под раненых».

Однажды на покосе, когда я, тринадцатилетний подросток, уже лихо помахивал взрослой литовкой, отец одобрительно крикнул и, кажется, первый раз в жизни ласково погладил меня по голове. Нежности в нашей семье не было, а мать обычно говорила: целый ребенок, пока он спит.

— Не верь никаким поповским сказкам, сынок, — сказал батя. — Верь в трудовые руки да работу. Без нее человек — не человек.

Да, стал мой отец неверующим и таким умер. Когда из-за склероза головного мозга он не мог найти дверь комнаты и дни его были сочтены, мать сбегала-таки в местную церковь и привела весь причт — исповедать и причастить умирающего «раба божьего Василия». Но «раб», собрав остаток сил, приподнялся и обложил священника и его присных такими словами, что те горохом посыпались на улицу, не сразу найдя широкие ворота.

В детстве — чувством, а в зрелые годы — разумом я понял, что религия никогда не была и не может быть доброй. Под скорлупой благодных евангельских заповедей и притч скрываются ядро ненависти к инакомыслящим, жестокость к непокорной бедноте, холуйство и раболепие перед властью имущими. Кто считал, да и мыслимо ли сосчитать, сколько миллионов людей из-за церкви прошло под косой смерти!? Погибли на кострах, в тюрьмах, застенках, в братоубийственных религиозных войнах...

Верующий идет на верующего — христианин на католика, католик на протестанта, иудаист на мусульманина. Нет такой казни или пытки, которые не применялись бы церковью против «иноверцев» или «язычников»!

Недавно я перечитал «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». От некоторых страниц этой страшной книги волосы встают дыбом. Десять лет просидел, а вернее, простоял Аввакум в земляной яме, более тесной, чем могилы. Победи он, неистовый в древней вере, «окаянного» патриарха Никона, тогда с никонианцев летели бы головы, их сжигали бы скопом в припертых снаружи избах, садили бы в такие же могильные ямы.

Читатель может подумать: что это он все о седой старине, об истории?

Наверное, потому, что мое поколение родилось в историческое время. Я появился на свет в год коллективизации, на тринадцатом году Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда по праздникам крепкие еще партизаны гражданской войны надевали через плечо именные маузеры в деревянных кобурах, и их, если подвыпивших, опасно обходили милиционеры. В Нижнем Тагиле было несколько красных бойцов и коман-

дилов, награжденных орденами Боевого Красного Знамени. Любой из мальчишек шалел от радости, встречая на улице такого.

Для тогдашних мальчишек и девчонок эпохи словно бы сожмнулись. Спартак, Джордано Бруно, Стенька Разин, Гарибальди, Чапай, Буденный — все были «наши», а их враги — «белые».

В нашей большой, бедной семье, которая, по войсковому присловью, перебивалась из кулька в рогожку, мама единственная отличалась возможностью. Но сейчас, через расстояние прожитых лет, я думаю, что истоки ее религиозности не отличались глубиной и носили, если так можно выразиться, практический характер. В боге она видела своеобразную «страховку» на людей, скот, имущество. «От поклонов перед образами спина не переломится. Если хорошо помолиться, глядишь, и минует беда дом: не заболеют дети, вовремя обгуляется корова, вовремя отелится, не захромеет лошадь. Только не ленись — отмаливай у бога грехи!»

А какие-то грехи были у семьи? О военных годах отца я уже рассказывал. В мирное же время он возил на кобылке Овсянке вагончики с рудой по узкоколейной железной дороге Лебяжинского рудника. К вечеру, когда возвращался домой, мне казалось, что не отец ведет кобылу за узду, а она тащит его, вконец измотанного.

Не упомяну, чтобы и мать без дела сидела на старом «венском» стуле. Она варила, стирала, штопала, доила корову, собирала грибы, ягоды, помогала отцу, пока мы не подросли, рубить дрова, косить сено. Даже сруб нашего домика она катала вместе с соседями — «миром» — на восьмом месяце беременности.

Я сам, сколько помню свое довоенное и военное детство, никогда не спал досыта. В пять утра мать, жалеючи и в то же время непреклонно, кричала:

— Бориска! Гони корову — пастих ждать не будет.

После надо было натаскать с труда огромную бочку воды, слезать в магазин, прополоть морковь или огурцы, полить их.

Работали все, но бедность из дома не уходила, а несчастья вовсю стучались в ворота. Грянула война. В 1942 году бросила школу и пошла работать на оборонный завод сестра Валя — моя терпеливая нянька и пестунья. На жестоких сквозняках забледенелого снаряжного цеха она заболела. Каждый раз дикой болью и тоской полоснет сердце, когда вспоминаю ее в последние минуты жизни.

Чтобы получить взрослую хлебную карточку, бросил шестой класс и я — пошел учеником столяра в

райпромкомбинат. Там делали снарядные ящики и мирную продукцию: гробы, деревянные пирамидки на могилы, табуретки, жесткие диваны для кинотеатров. В райпромкомбинате и я заболел — воспалением легких.

Но лукавил, кривил душой добрый батюшка с нашей улицы, говоря, что это бог посылает несчастья за грехи! Мы-то знали, любой пацан знал, что все беды — от войны, от проклятого фашиста. В редкий дом Нижнего Тагила не приходили в те годы похоронки. Они не выбирали адресов верующих или неверующих — каждого одаривали обморочным вскриком, столбняком неоправданного несчастья, потоком своих и чужих слез...

Мы часто употребляем и читаем в литературе по атеизму выражение «искренне верующие». Бесспорно, они были и есть. Но если дать право гражданства этому выражению, то почему не сказать: искренне болеющий гриппом, искренне болеющий язвой желудка или, предположим, искренне болеющий бубонной чумой? Не касаясь классового характера церкви, скажу, что религия — хроническая болезнь человечества, поражающая людей вот уже много тысячелетий. И как всякую хроническую болезнь, ее не вылечишь одной большой горстью пилюль и порошков — тут нужна многолетняя, мудрая, неторопливая терапия.

Я сам читал лекции на атеистические темы, слушал, как получались они у других. В клубе перед началом собиравлось несколько десятков неверующих, и напрасно лектор потел от напряжения, пытаясь привлечь внимание, заинтересовать аудиторию ссылками на Библию, все четыре евангелия, новейшие открытия ученых. Идею большинства подобных публичных выступлений можно выразить словами: «В чем дело, товарищи? Наукой давно доказано, что бога нет».

Нельзя забывать, что за тысячелетия отцы церкви накопили немалый опыт в борьбе с атеизмом, их идеологический багаж громаден, казуистика и софистика беспредельны. Церковники могут объяснить какое-нибудь религиозное явление достижениями точных наук, а научные открытия — премудростью божьей. Помню, в Нижнем Тагиле после войны популярностью пользовался спившийся поп-расстрига, окончивший в свое время духовную академию. На спор за четверть водки он мог доказать любому как существование бога, так и полное его отсутствие. Причем логика его на пер-

вый взгляд отличалась безупречностью.

Когда-то работал я редактором газеты в одном из районов Свердловской области. Просматривая редакционную почту, наткнулся на статью «Метеориты, или конец небесных странников», подписанную Г. Григорьевым (фамилию меняю, чтобы не бередиť «старых ран автора»). Интересная статья, строго научная, но и нестандартная, свежая, наполненная восторженным любопытством. Слово впервые в жизни увидел неглупый и впечатлительный человек, положим, раду и поставился ее описать.

Перебрали мы всех своих новых и старых авторов — нет Г. Григорьева. Да и фамилия явно не местная: в районном городке все больше Барановы, Бодровы, Алабушевы. Позвонили в адресный стол милиции и узнали, что Г. Григорьев — Григорий Иванович, отец Григорий — священник, недавно приехавший в приход.

Навестил я отца Григория в церкви, и оказался он молодым, застенчивым пареньком двадцати трех лет, у которого вместо бороды торчали редкие белесые волосики — предмет недовольства прихожанок. После службы зашли в поповскую квартиру, где, выпив графинчик церковного кагора, помаленьку разговорились.

Судьба Григория Ивановича (к концу застолья мы называли друг друга по именам — я был старше его на несколько лет) не позавидуешь. Осиротевший во время войны, он бродяжничал по стране, пока какой-то священник не подобрал его на вокзале и не пристроил возле храма. Сначала Гриша служил на побегушках, потом помогал отцу батюшке, то дьякону. Затем его, смиренного и набожного, отправили учиться в духовную семинарию.

Светских книг семинарист почти не читал. А став священником районного прихода — сам себе голова! — он набросился на литературу — художественную, политическую и техническую — с неутолимой страстью. Большую часть жалованья молодой батюшка тратил на подписные издания, газеты и журналы. В его квартире, заваленной книгами и журналами, робко жалась попадьа с детьми мал мала меньше.

Наша дружба помаленьку крепла, теплела. К кружку «попа и журналиста» вскоре присоединились работники отдела пропаганды и агитации райкома партии. Споры (уже без церковного кагора) велись до глухой ночи. Повеселела попадьа: ее устроили на работу, а ребяташек — в детский сад-ясли. Изменился и Григорий Иванович. Он словно вдруг проснулся, в недоумении огляделся и спросил себя: сколько же лет я проспал и как сюда попал?

Книги, сама жизнь, о которой в духовной семинарии не имели представления, наши долгие беседы — не корыстные, а искренние и сердечные — сделали свое дело. Однажды Григорьев пришел к секретарю райкома партии и твердо сказал:

— Разуверился я. Больно вспоминать, на что потратил лучшие годы. Я ведь химию люблю, астрономии! Сейчас я бы уже институт окончил...

Районный дворец металлургов такой лекции не выдвигал и, наверное, не увидит никогда. Узнав из афиш, что здесь с отречением от религии выступит священник, во дворец пришел, кажется, весь районный центр. Пожарники категорически запретили пустить в зал более тысячи человек — не выдержат перекрытия. Решено было вынести на улицу громкоговорители и транслировать лекцию на всю округу. Толпа окружила дворец.

Григорий Иванович говорил четыре часа да еще два часа отвечал на вопросы. Многие плакали, когда он рассказывал о детстве, негодовали, когда приводились примеры лихоимства, нечестности, беспринципности в вере духовных чинов. Были брань и ехидство старушек, одетых, словно в траур, во все черное, вопросы-реплики: сколько заплатили отцу Григорию за отступничество и богохульство, какой пост предложили?

После отречения работал Григорьев рядовым сотрудником химлаборатории, богаче он не стал ни на грош, а вот счастливым — да!

И еще памятен мне случай с Сенькой-иеговистом.

Отчаянного хулигана Семена — про него говорили в райцентре: «Босиком, а нож за голенищем» — я знал очень даже хорошо. Он фигурировал, по крайней мере, в двух сатирических заметках: о драке на летней танцплощадке и о краже из магазина хозтоваров. По первой публикации Сенька сел на пятнадцать суток, по второй более капитально — на три года. Когда после я встретил его в отдаленном лесном поселке, то еле узнал. У Семена была окладистая черная борода в три четверти лица, приличный костюм и какая-то неестественная благодать в некогда наглых, с прищуром глазах.

— Здравствуйте, Семен, — поздоровался я. — А вы очень изменились!

— Никакой я не Семен, — степенно возразил он.

— Семен Федосеевич?

— Нет, и не Федосеевич. А просто брат Семен. Людей мы делим на братьев и сестер. Не всех, конечно, а тех, кто состоит в нашей секте свидетелей Иеговы.

— Вон куда вас вынесло! Правильно поворот...

Но «брат Семен» больше разговаривать не стал и зашагал степенно к пятистенному дому, в хорошем костюме, хромовых сапогах, за голенищами которых наверняка не было ножа.

А перемена в судьбе парня произошла так. Вернулся он из мест заключения, сунулся на завод, на автобазу (в колонии выучился на шофера), в леспромхоз — нигде на работу не берут. (Лянут кадровики, на основании чего выдан новенький паспорт, и провозжат за порог.)

Мыкался Семен без работы и денег, перебивался с матерью на ее пенсию и озлобился. А тут узнали о его мытарствах члены секты иеговистов. Ссудили деньгами, провели несколько душевспасительных бесед об истинности их веры и определили неопита чем-то вроде разъездного связного.

Обсудили мы в райкоме партии неприятное происшествие. С Семейным поговорили всерьез: без угроз, но и без особого миролюбия. Тем более, что парня призвали в армию а он повестку военкоматовскую изорвал.

Неглупый был парень Семен: ушел в армию, отслужил шофером в строительных войсках и вернулся домой чин чинарем. Потом встретил я его, водителя автобазовского КраЗа. Об иеговистах напомнить не хотел, но Семен Федосеевич хохотнул и подмигнул мне:

— А помните «брата Семена»? Ох и придурок я был!..

3 а людские души борются и церковники. И если быть предельно честными и откровенными, то надо признать, что порой это у них получается лучше, чем у нас. Как-то я пытался найти агитатора, который посещает квартиры верующих, знакомится с их бытом, мыслями, трудностями, неурядицами. Найти, чтобы прославить в очерке для поучения других, ведущих индивидуальную работу с верующими. Может, плохо искал, но не нашел!

Церковник в этом отношении куда активнее. Он не упустит любой возможности, чтобы провести с мирянами беседу, утешить в горе, помочь советом (и деньгами). Все это делается, конечно, с дальним прицелом.

Нередко задаешь себе тысячи «почему». Почему, например, большую часть недели пустует центральный стадион в Свердловске, да и многие другие спортивные сооружения городов Среднего Урала? А вот Иоанно-Предтеченская церковь, расположенная напротив центрального стадиона, не пустует

никогда. В церквях зимой тепло и уютно, пахнет ладаном, а в некоторых сельских клубах холодно и воняет табачищем. На церкви никогда не увидишь пресловутых табличек «Закрыто на ремонт», «Выходной день», а в культпросветучреждениях такие таблички совсем не редкость.

Меня поражает, как можно быть членом ВЛКСМ и одновременно крестить детей, совершать в церкви акт бракосочетания... Недавно заглянул я в православный храм села Быньги Невьянского района. Две девицы с значком ВЛКСМ «прощували» батюшку:

— А о венчании никто не узнает?

— Трудно сказать — языки-то у людей длинные.

— Ну, а сколько это будет стоить?

Батюшка даже обиделся:

— Цены у нас утвержденные, вон там и прейскурант висит.

Девицы с твердым решением пошли готовиться к венчанию, но батюшка остановил их вопросом:

— А вы, голубицы, крещенные?

— Нет, — смутились те, — а разве это важно?

— Без крещения венчание действительно, — терпеливо объяснил поп. — Но это таинство можно совершить сейчас — заплатите только деньги в кассу.

И поскольку взрослых девиц не макнешь в купель, прямо при мне батюшка побрызгал на них святой водой и велел приходить на венчание в следующую пятницу.

Вот так.

Арсенал средств современной атеистической работы с каждым годом становится, естественно, все богаче. Это радует. Но не увлекаемся ли мы при этом порой массовыми мероприятиями в ущерб индивидуальной работе с верующими? Ведь именно она, индивидуальная работа, была, есть и будет основой для фундамента атеистического воспитания.

Там, где она ослабевает, появляется лазейка, которую незамедлительно используют наши недруги.

Далеко Урал от разных границ. Но вот по телефонным книгам, справочникам, болтовне незрелых туристов узнают подрывные центры адреса наших писателей, ученых, инженеров, просто рядовых граждан и шлют им из Мюнхена и других городов письма с приложением устава народно-трудового союза — махровой белогвардейской организации, содержащейся на средства ЦРУ. Не дремлют и различные церковные организации, по внешнему облику религиозные, а по сути своей — шпионские.

У одной учительницы из Свердловской области умер близкий человек. Из Бельгии, от имени некоего «союза церквей», летит на Урал письмецо:

«Дорогая сестра во Христе! Уз-

нали о вашем горе и шлем слова утешения. Вознесите молитву Тому, кто все видит и все знает. Он прольет целительный бальзам на ваши душевные раны. Верьте только Ему, только Он наш единственный и надежный заступник...»

Возмущенная женщина изорвала письмо непрошенных утешителей. Но ей было обидно до слез, что друзья и товарищи по работе не поддержали ее в трудные минуты.

Автор одного из анонимных писем утверждает, что религия была, есть и будет. Нет, не будет! Человек, раздвигая границы познания, ликвидируя одну за другой формы эксплуатации бедных богатыми, все более убеждаясь в силе и гениальности трудовых рук, отринет бога и религию, как тысячелетние кошмарные наваждения. От идеи бога не останется даже памяти, потому что мозг человека имеет счастливую особенность забывать дурные сны.

А сейчас «о гонениях на верующих». В многовековой борьбе атеизма и религии смертельные стрелы летели всегда в одну сторону — в сторону неверующих. У тех, кто стоит против варварства и мракобесия, было одно оружие — слово.

Нередко фальсификаторы истории намекают на некие репрессии против священнослужителей в первое десятилетие Советской власти. Но это тоже ложь. Советская власть карала отцов церкви не за слово божье, а за слово ненависти к государству рабочих и крестьян, призыв к бунту против народной власти. Судили многих служителей культа за то, что они втаскивали пулеметы на церковные купола, за обрезы, из которых гремели выстрелы в коммунистов, комсомольцев, беспартийных вожаков коммун и кооперативов.

Право совести, право отправления религиозных обрядов было записано во всех конституциях Советского государства, в том числе и в той, годовщину которой мы будем отмечать в октябре этого года.

Государство не только подтверждает право совести, но и дает материальную возможность его реализации. Только в Свердловской области верующим передано в пользование более двадцати церквей и молитвенных домов, мебель, дорогая церковная утварь и прочее.

Была ли мыслима в дореволюционной России передача хотя бы одного здания для ведения атеистической пропаганды? Проявляется ли такая забота об атеистах в самой богатой из капиталистических стран — Соединенных Штатах Америки? Вопросы настолько парадок-

сальны, что на них не надо отвечать.

Атеисты не злопамятны, они никогда не действовали силой, а всегда убеждением. Они понимали, что виноват не народ, отравленный духовной сивухой, а эксплуататорское общество и ее верная служанка — религия.

Помните Яна Гуса? Когда он горел на костре инквизиторов, некая старушка простодушно подбросила в огонь охапку хвороста. С того же второго класса я запомнил восклицание великого чеха:

— О святая простота!

Среди писем верующих мне особенно запомнилось одно — спокойное, доброжелательное, полное сомнений. Автор действительно обратился за советом по поводу одного вопроса, не дающего ему покоя.

«Ну хорошо, — пишет он, — предположим, религия — действительно трагическое заблуждение человечества. Но ведь она не давала человеку грешить под угрозой вечных адских мук? Что останется у нас, если не будет веры в бога?»

Останется вера! Вера в самого себя, в свою семью, в окружающих людей, в Советскую власть, в коммунизм, в бессмертие человечества.

Это единственно истинная вера, которая никогда не подведет.

Породнились сосна и березы

**Борис
РЯБИНИН**

Не знаю, что я сделал бы с тем злодеем, который поднял руку на эту диковинку...

Представляете, три березы срослись у корня, образовав живой трезубец, и втроем обхватили сосну примерно того же возраста, что они, но еще более мощную и крепкую. Дружная семейка! И выросла она у станции Огородная в пригороде Свердловска. Три березы и сосна — одно дерево. Чудно. Да как срослись-то! Не разнять, не разлучить, наросты одной из берез намертво схватились с сосновой корой. Оборви, обломай одну — наверное, помрут все.

Вокруг них растет молодой сосняк, беззвучно трепещут листочками осинки. Идет грибник или ягодник — обязательно остановится здесь. Отдыхающим доставляет особое удовольствие посидеть в тени этого необычного дерева. Дружную семью эту уж и рисовали, и фотографировали — всем она любя и дорога.

Интересный ботанический объект, конечно, должен быть сохранен. И все-таки нашлись неразумные — кора берез кой-где оборвана, а стволы у земли прорезаны ножом...

Ну, право, дождемся ли, придет ли времечко, когда не станет хулиганов? Эх, если бы какой-нибудь добрый волшебник, как только кто-то подступит с ножом к дереву, превращал его самого в дерево. Право, лес вырос бы вокруг!

А не озоруй, не держи дурного умысла...

Скандал на всю Россию...

В первом томе сборника «Пермский край», вышедшем в Перми в 1892 году, есть большой очерк «О Васильевско-Шайтанском заводе», сделанный по архивным материалам А. Топорковым. Кстати, это интересное издание предпринималось губернским статистическим комитетом, который объяснял читателям, что «имеет задачей собрания и опубликование всякого рода сведений, могущих с пользой служить нуждам нашего обширного, богатого и разнообразного Пермского края и любознательности его исследователей».

В сугубо деловой рассказ об истории Шайтанского завода автор публикации включил эмоциональное описание случившегося с одним из владельцев горного Урала Никитой Никитичем Демидовым...

Однако вначале два слова о Шайтанском заводе. В 1727 году по просьбе Никиты, младшего сына Никиты Антуфьевича Демидова, Берг-коллегия позволила ему построить на реке Ревде железоделательный завод. Обычное, кажется, дело, но Берг-коллегия, позволив ему построить на реке Ревде завод, допустила в этом случае оплошность. Еще при Петре I был принят закон о том, что после смерти отца все его имение наследует старший брат. Значит, всем наследством Никиты Антуфьевича Демидова должен был овладеть не младший сын Никита, а Акинфий. И право строить на Ревде или где в ином месте, в демидовской вотчине тоже переходило к старшему сыну Никиты Антуфьевича.

Вот почему между братьями Никитой и Акинфием начался спор, длившийся три года. И все же на реке Ревде, близ гор Вольчей и Магнитной завод построил Акинфий, а Никите разрешалось завести завод на реке Шайтанке. Так был построен ровно 250 лет назад Нижне-Шайтанский завод, пущенный в действие чуть позднее — в самом конце 1732 года. Фактически строителем этого завода был один из пятерых сыновей Никиты Никитича — Василий. Шайтанский завод в народе и называли Васильевским, в память о строителе, потому как Василий вскоре умер. Много позже другой

сын Никиты Никитича, тоже Никита, построил Верхне-Шайтанский завод и Ельничную лесопильню. К слову, знаменитый Каслинский завод тоже принадлежал Никите Никитичу, а не Акинфию.

Трудно различить многих Никит Демидовых... А теперь пора назвать и людей совсем другой фамилии — Ширяевых. Мелкие купцы Ефим и Сергей Ширяевы стали владельцами Шайтанских заводов в 1767 году. Нет, они не купили заводы у Демидова — куда им! — хотя и была оформлена купчая крепость. Никита Никитич подарил Нижне-Шайтанский завод Ефиму, а Верхне-Шайтанский — Сергею. Отчего такая щедрость? Никита Никитич был женат на сестре этих купцов, Софье, и любил ее столь сильно, что радовался возможности одарить и ее родственников.

Софья же вышла замуж за Никиту Никитича не по своей воле и ей так и не полюбили богатый муж. А он осыпал ее милостями, подарил ей два дома в Москве и пять тысяч душ крепостных. Одарил также и ее братьев. Софья же оставалась холодна к нему. На семнадцатом году, сообщается в краеведческом сборнике «Пермский край», Софья вообще ушла от Демидова, сойдясь с неким Хитровым. Уйдя, прихватила бриллиантов и золотых вещей более чем на полмиллиона рублей. Уж что это у нее была за кипучая жизнь с Хитровым — неизвестно, только вернувшись через некоторое время опять к мужу, Софья должна была разным лицам 30 тысяч рублей. Демидов погасил долг. И вновь всячески одарил свою непутевую, но любимую жену. Прошло десять лет. И в 1777 году Софья опять бросила мужа, ушла к какому-то Полянскому, захватив, как и в первый побег из семьи, новые бриллианты и золотые вещи.

Был скандал на всю Россию... Никита Никитич и Софья обвиняли друг друга, жалуясь самой императрице. Екатерина II повелела разорвать сору совестному суду. Судили граф Роман Воронцов, князь Петр Трубецкой и другие. Судьи стали на сторону оскорбленного мужа. В 1779 году Екатерина утвердила доклад и решение совестного

суда. Были в том докладе и такие строки о Демидове, что он «жену свою взял по одной только беспредельной любви, из дома, несчастиями до бедности приведенного, без всякого приданого, что любил ее слепо и более, нежели благоразумие позволяло, и что, следуя сему страстному ослеплению, причинил лишь вред и поношение себе, ибо, увлеченный любовью, купил на имя ее и на собственные свои деньги до пяти тысяч душ крестьян и два дома в Москве; обогатил дом матери и братьев ее... Но отнюдь не раскаивается, а паче радуется, услужив кровавым жены своей родственникам».

А Софья писала на своего мужа императрице так: «...во все время ее замужества жизнь ее была горестная, что бесчеловечный нрав и зверские мужа ее поступки доводили ее до того, что она должна наконец или сама себя лишиться жизни, или быть жертвою его гонения». Софья обвиняла мужа еще и в ревности и в скупости. Никита

Никитич пояснил, что «давал «на одни прихоти... шесть тысяч, дая ежегодно тысячу на именины, а домовый расход не менее как до двадцати пяти тысяч простирался».

Даже родня Софьи была на стороне Демидова. И мать говорила своей дочери: «укрепившись, как оружием, добром своего мужа, явила всевозможное против благожелателя своего коварство, причинила ему срам и публичное бесчестие»... И мать сама просила заключить Софью в монастырь.

Совестный суд постановил: «имения, подаренные Демидовой, возвратит мужу, оставив за нею каменный дом в Москве. В монастырь же не заключать, а отдать Софью под опеку матери».

Вот какой скандал случился в семействе Демидовых, которые сами же были строгими судьями для тысяч и тысяч уральских и сибирских людей в добром и малом грехе!

Г. ЛЮСИНОВ

Державин и лжегерой

Недавно в Государственном архиве Свердловской области обнаружены три письма знаменитого поэта и государственного деятеля России Гавриила Романовича Державина. Главный хранитель фондов этого архива Г. Курышева рассказала в газете «Вечерний Свердловск» о губернаторской службе Державина в Тамбове, где он занимался также и просветительской деятельностью. Поэт и губернатор устраивал в своем доме танцевальные вечера, перемежая их занятиями по арифметике и геометрии. Именно оттуда, из Тамбова, и отправил Державин первое из трех писем, хранящихся теперь в Свердловске. Оно было адресовано правителю Пермской губернии И. В. Колтэвскому и содержало просьбу послать железо для строящегося в губернском городе «казенного каменного строения». И второе письмо Державин отправил на Урал (в 1787 г.) пермскому генерал-губернатору Е. П. Кашкину, который просил тамбовского губернатора о содействии своему родственнику Бабушкину, а именно об устройстве его городничим в город Лебедянь.

Прославленный поэт ушел в от-

ставку со службы уже с поста министра юстиции в 1803 г. Этим же годом датируется и третье из найденных писем. Тут речь идет о бывшем подпоручике Шубине, сосланном за какую-то провинность в Иркутск, — пишет главный хранитель фондов госархива Свердловской области. В дороге сызлый заболел горячкой и остановился для лечения в Екатеринбурге. Отцом его было подано прошение царю «о дозволении остаться сыну тут до выздоровления». Державин сообщал, что «его императорское величество высочайше указав соизволил дать сему больному все время, потребное для излечения его и никакого притеснения ему не делать, по выздоровлении же отправить в определенное место».

Прочитав это, я вспомнил, что среди копий царских указов 18—19 веков (сделанных тогда же, во времена Державина) у меня хранятся и такие, что рассказывают о каком-то опальном офицере Шубине, но только не подпоручике, а поручике. И вот нахожу одну копию, а точнее — даже копию с копии царского указа, датированного 1802 г. В нем сообщается, что «поручик

Шубин принес наконец чистосердечное раскаяние в коварном своем поступке, признавшись на письме». И что «военный суд находя его. Шубина, как по следствию, так и по собственному его признанию виновным в нарушении общего спокойствия, приговорил его по силе законов к смертной казни». И далее в указе сообщается о смягчении наказания. Шубина лишили чинов и дворянского достоинства и решили послать на каторгу. Однако царь и каторгу заменил поселением. И указал: «отослав его на поселение, дать о том знать во всенародное известие».

Что же содеял поручик лейб-гвардии Семеновского полка Алексей Шубин? О, это была история словно бы из романтической повести и ее, надо полагать, пришлось разгадывать и министру юстиции поэту Г. Р. Державину. А дело было в том, что однажды молодой поручик вдруг донес лично Александру I о заговоре против царя. И, дескать, один из заговорщиков некий Григорий Иванов, боясь разоблачения со стороны Шубина, стрелял в поручика и прострелил ему руку. Однако выяснилось: донес поручика был лживый. На поступок этот Шубин «дерзнул в чаянии награды». И «без всяких розысков и пристрастных домогательств» в ухищрении своем сознался. Ну, а руку, руку он, конечно, прострелил себе сам. Вот за какую незаурядную провинность был сослан поручик Шубин, о котором и говорил в третьем из недавно обнаруженных в Свердловском архиве писем Державин.

Братья Эд. и Ж. Гонкуры однажды остроумно заметили, что история — это роман, бывший в действительности... Истинно этот неповторимый эпизод русской истории, в котором действует молодой лжегерой, отчаянный поручик Алексей Шубин, жаждущий славы, очень похож на авантюрный роман. Поэт Державин, как мы в этом уже убедились, знал об этом невероятном романе, занимался им по долгу службы в министерстве юстиции. Однако властительный автор торжественных од не написал, разумеется, на основе этих фактов приключенческого романа или, как бы мы сейчас сказали, детектива. Сей энергичный жанр еще не родился.

В. ТАРСКИЙ

ГАЗОВЫЕ РЕКИ ТЕКУТ ЧЕРЕЗ УРАЛ

Северные районы Среднего Урала — место горячей работы. Через болота, тайгу, реки и горы здесь прокладываются сверхдальние газопроводы большой мощности. Они понесут в центр страны и далее — к нашим западным границам голубое топливо Уренгоя — одной из самых знаменитых природных кладовых Западной Сибири.

Проложить даже один километр трассы в этих районах — сложно. А сотни, тысячи километров!.. Потому труд людей, занятых на важнейшей стройке пятилетки, вызывает особое уважение.

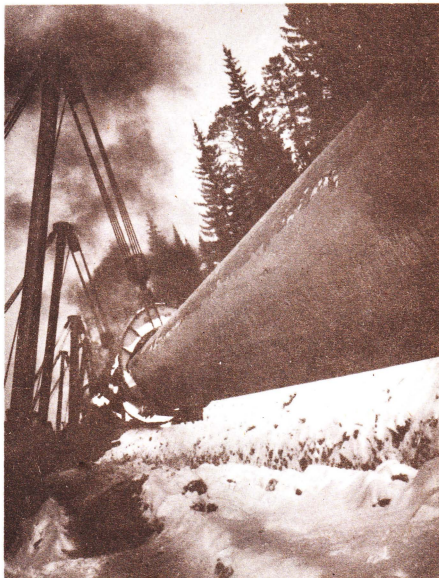
Через каждую сотню километров на сверхдальних газопроводах ставятся компрессорные станции: хотя из-под земли, на месторождениях, газ вырывается с большой силой, даже по широкой трубе он далеко не пройдет — необходимо подгонять и подгонять его. Любая компрессорная — тоже очень сложный объект для строителей. Тем не менее сооружение Ивдельской газоконпрессорной проведено на несколько месяцев быстрее, чем обычно. Уральцы хорошо понимают, как важно для страны пустить новые газовые реки досрочно.

В нынешнем 1982 году на участке газопровода Уренгой — Петровск в границах Свердловской области войдут в строй четыре газоконпрессорные станции, почти 400 километров трубопроводов. А до конца одиннадцатой пятилетки на уральской земле должны подняться еще 16 компрессорных, длина магистральных газопроводов здесь увеличится более чем на 1500 километров.

Район газовых рек через Урал — место, где очень нужны умелые, трудолюбивые руки.

*Фото В. Каушианова
и А. Насибина,
рисунки П. Евладова*

*„Уральский следопыт“
на ударных комсомольских стройках*

Стальная труба 1420 миллиметров
диаметром пролегла от Уренгоя
в центр.

Геодезист М. Казаков из Карпинска — один из тех, кто ударными темпами возводил Ивдельскую газокompрессорную станцию.

А. В. Буравилин, бригадир комплексной бригады Пельымской ГКС-81.

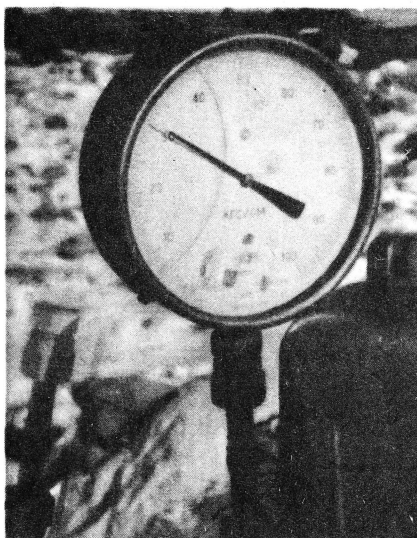
М. Гарифулин, сварщик Пельымской ГКС-81.

М. Левашова, секретарь комитета ВЛКСМ Краснотурьинского монтажного управления — ветеран строительства магистрали.

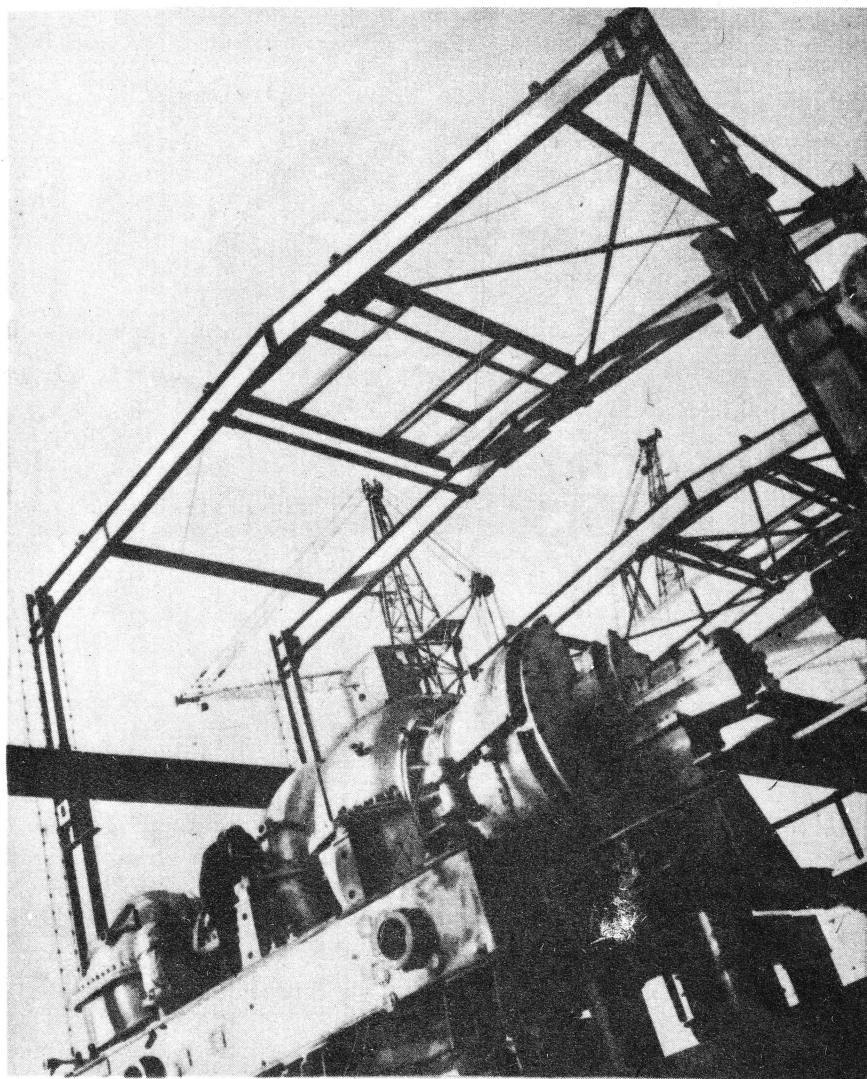
Передвижной поселок строителей.

Идет последнее испытание газопровода.

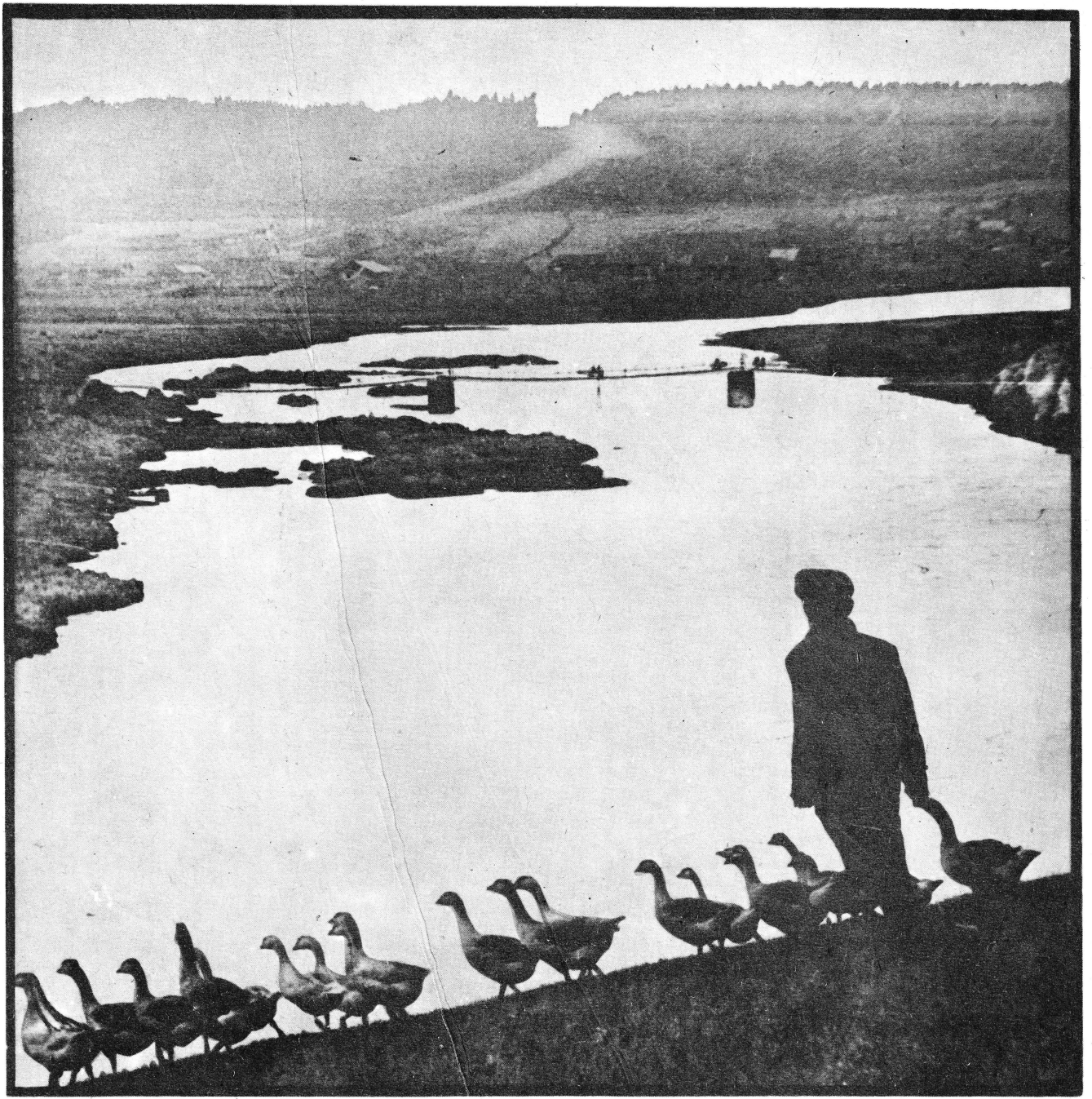
Такие турбоагрегаты качают газ ► Западной Сибири.

Семья Александра Барбулова — самая счастливая на трассе — их малыш появился на свет первым в поселке строителей Пельимской ГКС.

В поселке строителей газокompрессорной в Пельиме.

На Каме, в Быковке

Виктор Петрович Астафьев, лауреат Государственных премий РСФСР и СССР, широко известен читателям.

Родился он в 1924 году в селе Овсянка Красноярского края. Трудное детство выпало на его долю — беспризорщина, детский дом; трудная юность — передний край войны, тяжелое ранение, трудные послевоенные годы, когда нужно было работать, чтобы жить, а жить, чтобы писать.

Нам особенно приятно отметить, что рассказы, путевые заметки

В. Астафьева публиковались в «Уральском следопыте» с самых первых его номеров.

В № 3 1958 года о своенравной Чусовой и ее притоках-сестрах написал он лирическую зарисовку. Надо полагать, многих ребят позвало в дорогу по рекам и речушкам Урала его теплое слово. В 1964 году в журнале был напечатан рассказ «Радость первого полета».

Он начинался так: «Осторожно пробираюсь по речке Быковке с удочкой...»

Об этой же Быковке и в рассказе Виктора Петровича о критике А. Н. Макарове (1912—1967) из новой книги «Зрячий посох», над которой он работает уже много лет.

«Нас... связывала самая искренняя и сердечная дружба», — пишет В. Астафьев об Александре Николаевиче Макарове.

Этот рассказ мы и предлагаем вниманию наших читателей. Сейчас В. Астафьев вернулся в родные места, живет в Красноярске.

Наконец из Москвы пришло сообщение, что приезжаем тогда-то. Я жену под бок и скорее в деревню — подготовиться, подстрелить рябчиков, наловить рыбки, угоить избу. Дома строго-настрого наказываю дочери встретить Макаровых — выглядят они так-то, одеты в то-то, прилетят тогда-то.

И хоть дочь выросла в, слава богу, не залитературной, но все же в литературной семье, с нею произошел тот же казус, который мог произойти с любым человеком, имеющим стереотипное представление об артистах, писателях, тем более о критиках, да еще о критике столь известном (папа не в счет, папа — он просто папа, и только иногда, в день торжества или недоразумений — писатель). Вот дочь и ожидала, что из самолета вывалится этакий двухметровый громила, с тростью, в шляпе, в каком-нибудь манти и обязательно со вставными железными зубами. А уж жена у него — и вовсе воображению не поддающееся создание. И по этой самой причине она ни малейшего внимания не обратила на невысокого, мулатски смуглого человека, одетого, если издали смотреть, в солдатский бушлат, в кепчонку довольно поношенную, и на усталую, радиобеседами, домашними делами и перелетом измученную жену. Сделать объявление по радио у дочери толку не хватило и, потолкавшись в аэропорту, она ринулась домой, куда через полчаса раздраженные, готовые все бросить и вернуться обратно в столицу, ввалились намотавшиеся по городу супруги Макаровы.

На пароход они в тот день опоздали, ночевали у нас. Дочь, исправляя свою оплошность, угощала их и занимала, и в конце концов они вдосталь насмеялись и над собой, и над нею тоже. А назавтра тепленьким синим вечерком я встречал пароходик местной линии «Урал», еще издали увидел на носу стоящих, подзатерявшихся в толпе супругов Макаровых и сына моего с котомкой. Критик пытался напустить на лицо сердитое выражение, но мой кобелишка по имени Спирька так лаял и рыдал, приветствуя пароход и всех людей, сходящих с него по гибельно крутому трапу, что не выдержал суровый критик и, когда Спирька прыгнул на

него и начал рвать когтями пуговицы на его бушлате, как у ближней, самой дорогой родни, вовсе растаял.

Спирьке за преданность и требовалось-то всего ничего — кусочек сахара, сушка, пряник — он ничем не моргивал и всякой подачке был рад, и, получив просимое, еще долго, пока мы шли в гору, угадав сентиментальные души приезжих людей, Спирька возвращался с полей и уже грязными лапами пытался поцарапать им животы, и все попискивал и гавкал, выражая чувство восторга и самой что ни на есть активной приветливости.

Долго мы сидели в ту ночь за столом у керосиновой лампы, а когда выгорел керосин, зажгли свечи — и не было конца разговорам и воспоминаниям. Как-то так уж получилось, что никто почти не касался литературных тем, и, отправляясь спать, Александр Николаевич удивленно произнес:

— Да как же это возможно?! Сидеть в деревенской избе, есть рябчиков, рыбный пирог, пить чай с душицей, есть рябиновое варенье и не говорить про литературу?! Не-эт, товарищи, так не бывает! Это все неправда. И я не поверю до тех пор в реальность происходящего, пока не попаду на речку с удочкой...

Он еще долго не унимался, ворочался на раскладушке и в полной уж темноте читал и читал стихи.

Как он знал поэзию! Мне кажется, всю, какую возможно знать читающему человеку. Без разбора, в перескок: ранний Прокофьев и тут же Твардовский, Ахматова и Цветаева, и Клюев, и Брюсов, и Есенин, и Тихонов, и Луговской, и Павел Васильев, и Кедрин, и что-то из Гете, и тут же озорные вольные ваганты, древние англичане и Дант.

— Сашенька! Да спи ты, спи! Устал ведь... — увещевала его жена. А он:

— Вик Петрович! Марья Семенна! Я вам еще не надоел?

— Да что вы! — пискнет Марья Семеновна, устрывавшаяся у печи и по дому. — Я могу слушать сколько угодно. Вот только вы-то...

— Ну, еще Блока! Без Блока невозможно!..

И Александр Николаевич читал Блока, много читал, хорошо. Он его читал всегда и охотно и, узнав, что я плоховато знаю этого прекрасного поэта, подарил мне его двухтомник, который я храню до сих пор пуще глаза.

Уж наутро утомились мы и поднялись поздно, когда деревушка Быковка жила своей, хотя и неходкой, но полной жизнью.

На речку рыбачить мы в этот день не пошли, а сходили за грибами за ближние, местами еще не убранные, поля. Я нет-нет да и отделился от гостей, супружница же моя так и таскалась весь день за Александром Николаевичем, слушала его и наслушаться не могла. А он, найдя благодарного и терпеливого слушателя, ошеломлял ее, и она, уже знавшая от меня о феноменальной памяти

моего друга, все равно была потрясена и долго еще твердила, да и по сию пору твердит:

— Такого человека, с такой памятью, с таким знанием поэзии и всякой всячины не встречала и едва ли еще когда встречу.

Я тоже не встречал и едва ли встречу, хотя до Александра Николаевича знал своего школьного учителя, а затем сибирского поэта Игнатия Рождественского, который в трезвом, особенно же в нетрезвом виде, мог читать стихи сутками. Зажмурит близорукие глаза, откинется на спинку стула и, чуть дирижируя себе левой рукой, шпарит, совершенно не интересуясь — слушают его или нет, да и читал он ровно бы для себя, неразборчиво и даже будто сердито.

Александр Николаевич, кроме самих стихов, знал еще много доступного и недоступного о самих творцах, кроме того знал, когда построена пирамида Хеопса, в каком году кто и где царствовал, где или когда упал тот или иной зарегистрированный метеорит, когда изобретена печатная машина и кто был в любовниках у императрицы Екатерины Второй, а также, кто учил Рембрандта живописи и что крикнули моряки, увидев берега Америки, когда произошло первое крещение на Руси и кто защищал тот или иной редут при обороне Севастополя; мимоходом где-то и когда-то прочитанные трогательные и наивные надписи на могильных плитах, и часто повторял: «Ах ты, матушки мои!».

Позднее я узнал от него же, что эта строчка из стихотворения Демьяна Бедного, поэзию которого Александр Николаевич знал довольно хорошо, ценил ее за народность, что не мешало ему иногда насмешливо относиться к торопливым, неряшливым творениям старейшего советского поэта и в особенности к тому, как он тужился выгладеть солидным литературным вождем и как это нелепо, а порой и трагично оборачивалось для него самого, а значит, и для окружающих.

Во время обороны Одессы издавалась газета для войска, героически обороняющего город, и последнее время эта газета печаталась в Москве, откуда самолетом доставлялась в Одессу. Живучи далеко от Черного моря и худо себе представляя, что там творится, старый поэт тем не менее счел возможным поддержать советских моряков и бойцов стихами, в которых были строки: «Всех румын переколоти, ах ты, матушки мои! Всех фашистов в море сбросим, ах вы, батюшки мои!».

Пока газету доставляли к морю, Одесса была сдана, газета с этими бодрыми стихами досталась румынам, и они, рассказывал Александр Николаевич, потешаясь, читали их по всему городу. Сам Александр Николаевич всю войну работал в журнале «Краснофлотец», там-то и узнал эту историю, и чего в ней прибавил для смеха, мне уже не узнать, но восклицание: «Ах ты, матушки мои!» неизменно звучало и в быту, и по телефону в доме Макаровых.

По литературной Москве одно время ходил веселый анекдот о том, как Александр Николаевич насмерть разбил одного воинствующего графомана из бывших «сильных мира сего».

Сотрудники журнала «Знамя» долго не могли втолковать графоману, что нет у него данных для поэзии, что стихи он писать не умеет. Но толковали неубедительно, робко, и графоман осаждал «Знамя» все настойчивей, пока его не сплывили к заму редактора Макарову.

Прочитавши добросовестно целые «портянки» стихов, Александр Николаевич поинтересовался: «Можно начистоту?» «Дуйте!» — разрешил графоман. «Это рифмоплетство. Такие стихи можно писать сколько угодно». Гость поймал Макарова на слове: «Вот и напишите!» «Пожалуйста!» — ответил Александр Николаевич и взял несколько листов бумаги. «Только тему я сам придумаю», — наседали графоман. «Это еще даже лучше и проще».

Эх, не знал графоман, что за отсутствием материалов и авторов в журнале «Краснофлотец» приходилось порой Макарову делать журнал от корки до корки, писать и передовицы, и рассказы, и стихи.

Графоман барственно указал заму главного редактора в окно, выходящее в узкую щель Гнездиковского переулка, и потребовал писать стихами то, что видно.

Через полчаса в руках графомана было три страницы стихов, написанных к тому же в форме сонетов. Графоман прочел, и дух у него занялся: «И вы!.. И вы такие стихи не печатаете?!» «Да боже меня упаси!..»

Графоман забрал свои бумаги, надел каракулевую папаху, удалился, и более его ни в одной редакции не видели.

Мне порой хотелось приподнять кепку на совсем необъемистой голове Александра Николаевича и заглянуть под нее — что там? Как устроено-то? По каким таким чертежам и законам? А под кепкой была обыкновенная чернявая голова, уж круто присоленная сединой голова, приставленная к совсем не богатырскому телу, но в теле этом — мне не раз предстоит еще убедиться — крепкие духовные устои, сильный мускул нравственности, чистое, хотя и страдающее сердце от непонимания или бессилия и невозможности жить и работать так, как хотелось бы самому художнику.

Назавтра мы наконец-то выбрались на рыбалку. Нет, пожалуй, не выбрались — ведь выбирают-ся из города: сперва на автобусе, затем на электричке, затем на пароходе или «ракете», затем еще на чем-нибудь, после пешком километра три-четыре и, — о блаженство! о счастье! слава создателю! — можно и удочку в воду закинуть.

В Быковке рыбалка начиналась за огородом, прямо от нашей бани, которая стояла в углу огорода, на склоне холма. К этой поре, правда, харюзка в речке Быковке осталось мало, и Борис

Никандрович Назаровский, старый просмешник, бывший тогда главным редактором Пермского издательства, как-то, хлебая уху в нашей избе, сказал, показывая ложкой в окно: «Со временем на этой избушке появится мемориальная доска следующего содержания: «В речке Быковке водилась редкостная рыба — хариус, последнего из которых выловил живший в этом доме защитник природы Астафьев».

Но смех смехом, а нерестилища хариуса нарушены водохранилищем. Осенью его, хариуса, скапливающегося на ямках и не знающего куда катиться, нещадно выбивали, загоняли в саки, да еще явились с какой-то химией «рыбаки». Хариус из тех рыб, что от любой ядовитой примеси может задохнуться на всем протяжении речки и даже реки, как это случилось в вологодской реке Кубене. Кроме того, не имея возможности уйти в глубокие водоемы и оставаясь в мелких речках зимовать, хариус задыхался от толстых наледей, примерзал ко дну, придавленный льдом, а если и сохранялся на ямках, жадно брал на любую приманку с голодухи, и его, бесхитростного, выдерживали зимней удочкой от мала до велика.

У нас с женою было в верховьях речки постоянное кострище, и мы иногда после города или трудов праведных позволяли себе «выходной» — уходили на целый день в лес, на речку, и, пока я шарился по кустам, ловчась наловить хариусов в недоступных омутках и перекатах, жена разжигляла костер, чистила картошку для ухи. И на этот раз: мужчины занимались добычей, женщины калякали да двигались вверх по речке, к кострищу. Александр Николаевичу никак не удавалось поймать харюзку, и он все поругивался: «Ат, каналья! Изловлю ж я тебя, изловлю!..»

Речку я знал до каждого камешка и кустика, знал и рыбный омут, где подмытая ива упала вершиной в воду, но не умерла, а еще пышнее, гуще сделалась, и речка, огибая ее и проросшие со дна побеги, сделала большой крюк, вымыла яму в песке и гальке — и тут всегда, даже в зимнюю пору, стояла стайка хариусов. Под другим бережком клубилась красноватая полоска мути — там, в затени, беззвучно втекал в Быковку ключик-кипун, в верховьях кипуна трудились бобры, делая запасную потаенную плотину. Появилась на Быковке семья бобров всего два-три года назад, но понастроила уже много.

— Попробуйте-ка здесь, — посоветовал я гостю, и он, присев под зонтики пышно цветущих медвежьих пучек, меж карандашно заструганных резцами бобров осиновых пеньков, забросил удочку, и через минуту я услышал восторженный возглас:

— Пойма-а-ал! Пойма-а-а-ал-таки! Знай нас, калязинских!

Харюзок ему попался с карандашик величиной, но юркая эта рыбешка так красива, так ловка в воде и хороша в ухе, что еще долго, пока мы шли

к кострищу, Александр Николаевич прищелкивал языком и говорил:

— Вот утру я нос московским рыбакам! Вот утру!.. А что это, Вик Петрович, за пеньки такие аккуратные, и на речке что-то вроде запруды?

Когда я, невольно притишив голос, сообщил о таинственном поселении зверьков, Александр Николаевич аж просиял лицом:

— Да что вы говорите? Сохранились?! — И всю дорогу, до кострища, был он оживлен, хотя и сильно устал. Но когда посидел у костерка, поел ушки, а ел он хорошо, бережно, видно было — с детства приучен уважать пищу, да выпит был ещё чеченчик под разговоры и закуску, оживился критик: — Ну что еще нужно человеку? Горы, леса, костерок у речки, котелочек ущицы на четверых — и вот и все! И больше ничего не требуется для покоя и счастья! А мы суетимся! А мы суетимся!.. Вот послезавтра уезжать. Почему? Зачем? Нет, Вик Петрович, хочешь не хочешь, а приеду, непременно приеду, на месяц, на два приеду, и не прогонишь...

Назавтра я читал в избушке только что написанную повесть «Где-то гремит война», еще «не обкатанную», еще недовыправленную. Слушали гости и хозяйка моя хорошо, повесть тронула их. Александр Николаевич даже сказал, что он о военном тыле что-то и не припомнит подобного.

Я нуждался в ту пору в поддержке, ибо жил и работал весьма одиноко, и вот получил ее, такую необходимую поддержку.

Денек побыли мои гости в городе. Я им показал все, что достойно в Перми показыванию, и с грустью, которую потом Александр Николаевич счел за недомогание, проводил дорогих гостей обратно домой, в столицу. И, ровно чувствуя, что никогда уж более ему не бывать на Урале, куда заносили его в юности житейские ветра, с неохотой, с душевной мутой покидал он пермскую землю, не досмотрев, не надышавшись, не набродившись, даже не наговорившись «до отвала», и все грозился:

— Ужо, ужо вот я соберуся, не рады будете...
«Дорогой Виктор Петрович!

Писать-то мне, в сущности, еще нечего, просто что-то я забеспокоился о том, как вы себя чувствуете? Стал что-то для памяти записывать и вдруг сообразил, что в последний день вы явно как-то перемогали себя, таскаясь с нами по Перми. У меня тогда в башке мельтешило одно, что вот, вот скоро ехать, а ехать не хочется, и я как-то не обратил внимания, что хозяину неможется, а сейчас вот мысленно очутился у вас и по-иному все увидел.

Мы еще никак не освободимся от ваших лесов и Быковки, харьюзов я явно не доловил, все вижу тот бочажок — почему-то все так зримо отпечаталось в памяти. И до отращения не хочется входить в московскую жизнь. Вчера весь день пролежал, перебирая все пути-тропинки, сегодня хо-

дил на ВЛК и — опять по тем же тропкам. Словом, пока еще живу в двух мирах, и призракный пока торжествует над реальным. Валя Португалов вам кланяется¹.

Моя Наталья Федоровна уже погрузилась в московские заботы и пропадает где-то на радио, ужасно хочется есть, и брат на кухне варит макароны. Но что такое макароны по сравнению с ухой из хариусов и рябчиками, приготовленными Марией Семеновной... Вы, друзья мои, даже не представляете себе, что значило для меня гощенье у вас. После этой поездки мне захотелось жить и подумалось, что жизнь еще не кончена. Обычно же осенью, когда приходится оседать на московской квартире, именно жить-то и не хочется. Вот так.

Прочел две повести Ал. Мих². Со Святославом очень здорово. Прямо-таки убедительно. Он мне сказал, что я узнаю, если прочту; кто автор «Слова». Я все ожидал, но только не такой неопровержимости открытия.

Хорошо было бы, если б в октябре вы остановились у нас, а то ведь вы поселитесь в гостинице, вас и не затащить, будет какой-то, в лучшем случае, ответный визит. А мне не визит нужен, а вы. Вот возьму и напишу Марии Семеновне, что за вами в Москве нужен глаз да глаз...»

¹ Покойный поэт. Валентин Португалов, бывший в ту пору зам. директора Высших литературных курсов.

² Алексей Домнин — пермский прозаик и поэт.

Откуда родом блюдо?

См. 2-ю стр. обложки.

**Наталья
ФЕДОРОВА**

Попав за эту тяжелую железную дверь, легко вообразить себя в сокровищнице легендарных царей Востока: пять низких залов, освещенных только электричеством, идут один за другим, серебряные фигуры тибетских богов и тончайшая китайская филигрань сменяются золотыми сосудами из Индии и Ирана, на черном бархате сверкают усыпанные самоцветами турецкие сабли... Подарки российским царям от восточных владык, драгоценная утварь из кладов и раскопок, покупки, сделанные у антикваров, — все вместе ваятое составляет экспозицию Особой кладовой отдела Востока Эрмитажа. Здесь каждая вещь имеет свою судьбу, свою историю. У некоторых она ясна с момента их появления на свет, другие шли неисповедимыми путями из рук в руки, пока не попали в чью-нибудь коллекцию или к перекупщику, и только после — в Эрмитаж. Проследить судьбу отдельной вещи всячь — к мастеру, изготовившему ее, — задача научного исследования, далеко не простая.

Итак, официальное название — «Блюдо с сокольным из Томской губернии». Место изготовления и дата — неизвестны, сюжет — непонятен, ответа на вопрос «кем или по какому поводу» — нет. Полный простор для исследователя — настолько полный, что даже трудно выбрать, с чего начать.

Начнем с наиболее общего и от него пойдем вглубь, попробуем добраться, снимая, как чешуйки, влияния, заимствования, подражания — до того исконного, своего, что позволит найти если не мастера, то его круг, и ответить на первый вопрос — «где?». Самое общее — это композиция декора блюда. Подбором аналогий легко установить, что подобная композиция довольно часто встречается в серебре стран ислама X — начала XI вв. н. э.: круглый медальон в центре и четыре небольших, расположенных крест-накрест, — вокруг него. Больше того, растительный орнамент маленьких медальонов — пальметки в круге — почти точно скопирован со среднеазиатской чаши саманидского времени (X в.).

Правда, вот что интересно: три

пальметки обращены к центру, а одна, вдруг, — к краю блюда... Мусульманский мастер, для которого искусство изображения растительного орнамента — основа основ, никогда бы этого не сделал. Значит, мастер томского блюда вряд ли сам был мусульманином, но знал исламскую тюрвтику (тюрвтика — изготовление вещей из драгоценных металлов) и считал ее достойным образцом для подражания. Именно это дает нам возможность пока приблизительно определить дату изготовления блюда — X — начало XI вв., когда «жили» образцы.

Наконец, мы добрались до центрального медальона. И вот тут привычный для востоковеда круг аналогий перестает «работать»; более того, установившиеся представления о том, где могли и где не могли изготавливать серебряную посуду, оказываются поколебленными.

В самом деле, для того, чтобы возникла эта отрасль художественного ремесла, кроме таких компонентов, как материал и мастерство, нужен еще один, пожалуй, самый важный: заказчик. То есть в обществе должен появиться слой, нуждающийся в роскоши. Серебряная посуда — это предмет роскоши; а тем самым — престижа. Поэтому исследователь обычно ищет место производства изделия где-то в привычных центрах — в государствах Средней Азии, Иране, Византии, Китае или на их периферии. Мы уже знаем серебро Хазарского каганата, художественный металл Волжской Болгарии или Великоморавских княжеств.

А здесь что-то странное, необъяснимое — ни с точки зрения старых восточных приемов, ни с точки зрения того нового, что внесено тюрвтами этих молодых государств...

Но не бывает художников абсолютно самобытных, особенно в древности, где следование традиции было гораздо почтеннее, чем новаторство. Значит, аналогии должны быть?..

И они есть! Только совсем в другой стороне, а именно — в гравированных рисунках на металле и фигурном бронзовом литье... нижнеобских племен.

**Былого мастерства секрет:
В корону врезать самоцвет,
Всадить в эфес звезду с небес
И в ожерелье — лунный свет...**

Джон Роналд Р. ТОЛКИН

Вот когда все странности становятся совершенно понятными. У человека глаз в виде двух концентрических кругов — именно так он изображался на местных литых личинах. Большие пальцы рук резко отогнуты; почему-то у человеческих фигур на гравировках всегда отогнуты большие пальцы — видимо, такова была традиция. Ноги «разрезаны» до пояса, колени выделены двойной линией — все это мы находим в рисунке обских угров.

А самое бросающееся в глаза: у птицы, сидящей на олени, изображена на груди «линия жизни» — скорее всего, аорта и сердце. Народы северной зоны считали, что без «линии жизни» рисунок условен, он не передает представления о жизненной силе объекта.

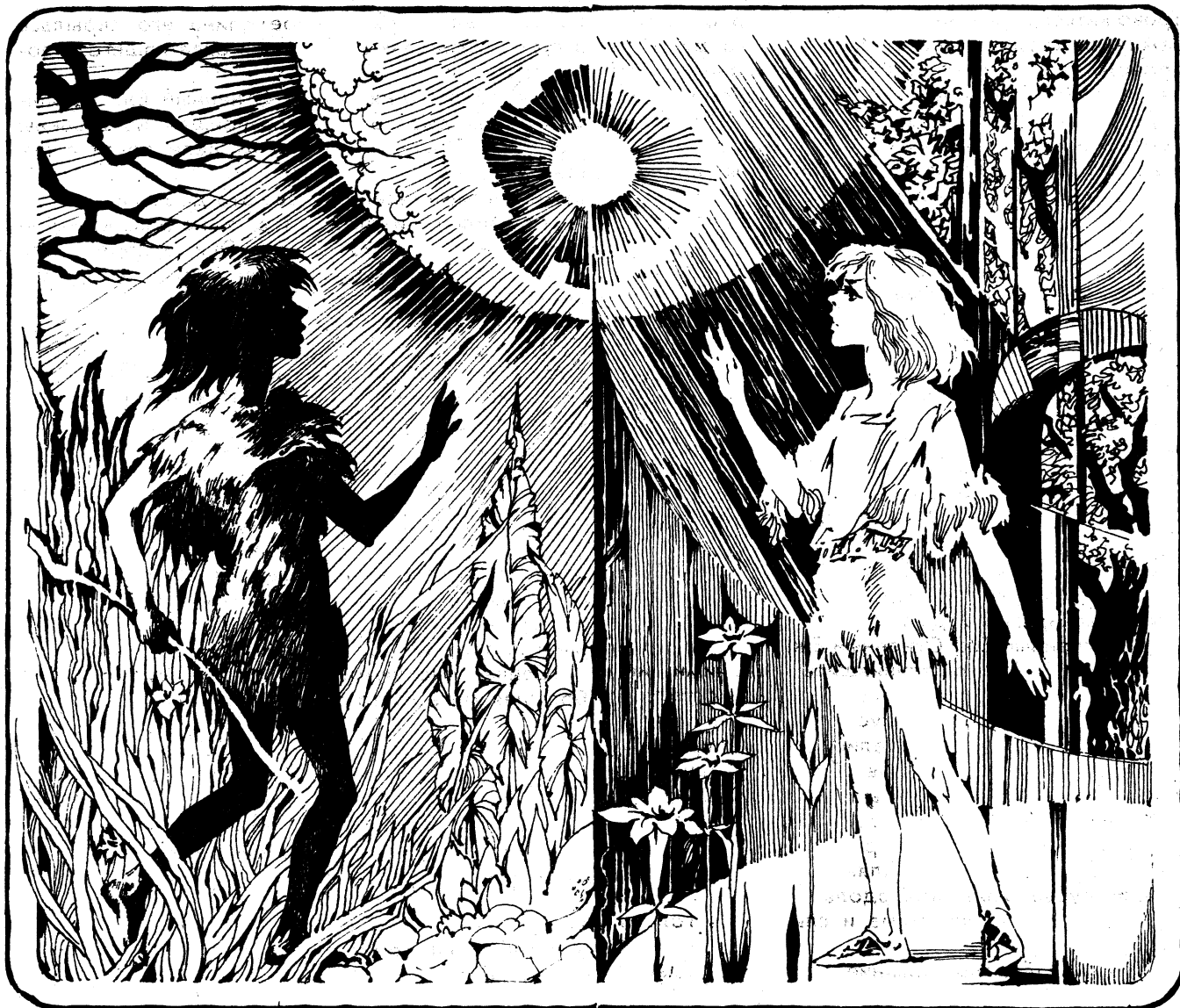
Таким образом, «Блюдо с сокольным», вероятно всего, родом из Нижнего Приобья. Материал и мастера, способные выполнить подобную работу, там были, это мы знаем по целому ряду исследованных памятников.

А вот как быть с третьим компонентом — с заказчиком? Был ли здесь тот самый «слой, нуждающийся в роскоши»? Оказывается, был. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в мифы и легенды хантов и манси: они пестрят упоминаниями о богатых-князьях в серебряных доспехах, о их дружинах, военных походах и богатой добыче, о том, что племена объединялись в княжества.

Итак, на вопросы, где и когда изготовлено блюдо, мы, по возможности, ответили: около конца X — начала XI вв. в районе Нижней Оби. На вопрос, по какому поводу или кем оно было сделано, на современном уровне наших знаний ответ пока невозможен.

Напрашивается еще один вопрос: а что, это блюдо — единственный след, оставшийся от приобских тюрвтов? Естественно, нет. Есть целый ряд вещей, есть цепочки аналогий, ведущих на западные склоны Урала и дальше — к югу.

Семен
СЛЕПЫНИН

Рисунки
Е. Стерлиговой

МАЛЬЧИК

Повесть

Ленивый Фао

Колдун Фао шел медленно и осторожно. Вчера он оступился, упал и сильно ушибся, поэтому сейчас недоверчиво трогал камни пальцами посиневших ног.

Фао зябко кутался в засаленные шкуры и поеживался, чувствуя за спиной взгляды людей своего племени. Те звали его не иначе, как Ленивый Фао. Но если бы они вдруг узнали, кто такой Ленивый Фао на самом деле? Что случилось бы тогда в стойбище?

Эта внезапно мелькнувшая мысль так испугала колдуна, что он замер и воровато оглянулся... Нет, как будто все в порядке. Фао повернулся к вершине горы спиной и посмотрел вниз более внимательно.

Тревожиться, конечно, нечего. Около своей землянки стояла Хана с ребенком на руках и провожала взглядом колдуна. Но так она делала каждый раз, это вошло у нее в привычку. На берегу реки возились ребятишки и не обращали на Фао никакого внимания. Лишь Гзум, сын Лисей Лапы, приплясывая и скаля зубы, кричал:

— Ленивый Фао! Глупый Фао!

Но и этого следовало ожидать. От шального и драчливого мальчишки колдун уже натерпелся немало обид. Привык. И сейчас он смотрел на Гзума с хмурым спокойствием. А когда тот начал швырять в сторону горы камни, Фао даже почувствовал мстительное удовлетворение — камни не пролетали и десятой части расстояния. Ближе трех полетов копья никто не смел подходить к Горе Духов.

В степи из-за дальних холмов и перелесков выкатилось весеннее солнце. Луна, солнце, звезды, камни, реки — все стихии были для людей племени живыми существами, злыми или добрыми. Мальчишки, выбежав на вытопанную площадку в середине стойбища, протягивали руки навстречу встающему солнцу. Потом плясали, высоко вскидывая худые ноги:

— Огненный Еж! Огненный Еж!

Огненный Еж, оцетинившись горячими иглами-лучами, взбирался все выше. Заискрилась река, громче запели в кустах птицы, в сырых травах вспыхнули и загорелись желтые кружочки мать-и-мачехи, лиловые бутоны медуницы, белые созвездия ветреницы дубравной. Природа радовалась солнцу, его весенним теплым лучам.

Но не было веселья и радости у людей племени лагуров. Из их землянок, тянувшихся цепочкой бурых холмиков вдоль берега Большой реки, вились струйки дыма и слышались голоса женщин, плач детей.

Племя голодало. Зимние запасы съедены,

но зашагал вверх. Вскоре спина его скрылась в густых зарослях кустарника, охватившего склоны горы.

Около полудня, когда Огненный Еж забрался совсем высоко в небо, пришли из саванны охотники. Пришли и в самом деле почти с пустыми руками. Три дрофы, пронизанные дротиками, да пара гусей — разве это добыча?

Кормильцами племени в такие дни становились женщины и подростки. Они, вскоре после охотников, вернулись с глухих болот и принесли четыре мешка, сшитые из оленьих шкур.

Около трех больших мешков, повизгивая от нетерпения, вертелись малые ребятишки. Подростки, отталкивая малышей, с радостными воплями вынимали из мешков и складывали кучками съедобные корни, клубни, сочные сладкие стебли. Четвертый мешок, поменьше, женщины бережно поставили на траву. Здесь были птичьи яйца.

Добычу делили Большая мать и Главная колдунья. Но верховодила, как всегда, крикливая и всеми недовольная Гура. Высокая, жилистая, с крепкими мужскими кулаками, она спорила иногда и с охотниками. С нею все считались, многие побаивались.

Сейчас она шумно вмешивалась в дележ, и Большая мать часто соглашалась с ней. Гура поступала всегда справедливо.

Кучки клубней и яиц оказались невелики, и женщины все чаще посматривали на Гору Духов.

— Фао! Ленивый Фао! — запричитали они. — Наши дети голодают. Где твои духи? Почему не помогают?

На горе, над макушками сосен и берез, вилась густой столб дыма. Это означало, что священный огонь горит и что колдун Фао беседует с духами.

ИЗ САВАННЫ

ямы с кислым мясом давно опустели. Саванна, обильная летом и осенью, сейчас звенела лишь птичьими голосами. Оленьи стада поредели, а табуны лошадей, пугливые серны и сайгаки еще не вернулись с юга.

Задолго до восхода солнца, еще затемно, ушли в саванну охотники. Но колдун Фао хорошо знал, с какой жалкой добычей они вернуться в стойбище. Много, очень многое знал колдун...

Ленивый Фао высморкался, вытер пальцы о сивую бороду, свисающую до пояса, и медлен-

Женщины и многие охотники с надеждой смотрели на дым. Но не мог он обмануть сварливую Гуру.

— Не верьте ему! — кричала она. — Он там спит. Ленивый Фао спит!

Женщина почти угадала: колдун не спал, а дремал. Лишь поначалу, с утра, был он подвижен и деятелен. Его подгоняли промозглый холод и желание поскорее понежиться у огня.

Ленивый Фао собрал сухой валежник и свалил его в большую кучу. Теперь священный огонь можно подкармливать весь день, не вставая.

Кряхтя и постанывая от боли в пояснице, колдун сел на широкий камень, разворошил угли и набросал сухих веток. Заметались космы пламени, обливая грудь и плечи приятным теплом, сверху колдун положил еще сырую ветку, чтобы дым был гуще. Это он делал всегда. Пусть люди племени видят, что Фао не спит и беседует с духами.

Колдун протянул заочевенные ноги ближе к огню, прислонился к березе, почесался и закрыл глаза. В полудреме проплывали туманные и сладкие видения далекой, отшумевшей юности. Он был когда-то хорошим охотником. Но однажды случилась беда: в схватке с серым медведем он повредил левую руку, и та плохо сгибалась. А правую руку когти зверя распоролы от плеча до локтя. Глубокий багровый шрам остался до сих пор, и колдун любил хвастливо выставлять его напоказ.

Как он стал колдуном, Фао не помнит. Сначала он был удачливым колдуном. Из своей охотничьей жизни он знал о повадках зверей и помнил места их обитания. Поэтому духи в те далекие времена редко ошибались. Но годы шли, память слабела, и духи стали подводить, что вызывало нарекания со стороны главного охотника и вождя.

Фао приоткрыл веки и в пяти шагах справа увидел духов — ряд высоких каменных изваяний, выточенных ветрами, отшлифованных свистящими ливнями... Колдун встал и обратился к Хоро — великому охотнику, покровителю племени. Гранитный столб и в самом деле напоминал чуть пригнувшегося гигантского охотника, навечно застывшего в выжидательной позе.

— Великий Хоро! — воскликнул колдун.

И сразу же замолк — до того неприятен был ему собственный голос. Какой-то тонкий, писклявый, похожий на визг шакала. Фао считал, что от простуды. Но причина была, видимо, в другом — давно уже весь он потолстел и обрюзг от старости и безделья.

Ленивый Фао прокашлялся, воздел обе руки вверх и еще раз обратился к гранитному исполуну:

— Великий Хоро! Пошли нам Большого оленя! Пошли нам Большого оленя! Где они? Где стадо лосей?

Великий Хоро безмолвствовал. Раньше, много лет назад, Фао бегал вокруг костра и плясал до тех пор, пока голова не начинала кружиться, пока не появлялся в глазах темный искрящийся туман. И тогда, казалось, духи что-то шептали, подсказывали, где пасутся лошади, где пробегают стада бизонов и оленей.

Но сейчас Фао как-то сразу обмяк и устало опустился на прежнее место. Почесав спину о ствол березы, он откинул голову назад и закрыл глаза. Так он подремал до полудня, изредка подсовывая ветки в костер.

Когда Огненный Еж взобрался на середину неба, Фао очнулся, навалил в костер побольше веток и поспешил к стойбищу. Не желание возвестить волю духов, а голод гнал его.

Спускался с горы тропкой, протоптанной им за многие годы. Выбравшись из зарослей кустарника и молодого березняка, увидел дымы стойбища и замедлил шаги, тоскливо предчувствуя, что встреча с людьми будет не из приятных. Доверие соплеменников он давно потерял.

У берега реки Ленивый Фао в задумчивости остановился, а потом медленно побрел к стойбищу. Навстречу кто-то шел. Колдун горделиво выставил вперед плечо: в племени уважали раны, полученные на охоте или в борьбе с хищниками. Но тут же трусливо прикрыл шрам шкурой — в подходившем он узнал Хромого Гуна, своего извечного врага.

Как и Фао, в юности Гун получил тяжелые раны. Его сломанная нога плохо срослась, и с тех пор Гун сильно хромал. Ранами своими он не очень гордился, а к бахвальству колдуна относился насмешливо.

Колдун и Хромой Гун медленно сближались. Наконец сошлись и встали, как два медведя на одной тропинке. Потоптались на месте, кидая друг на друга взгляды, полные глухих угроз. И вдруг Гун, заворчав, отошел в сторону. Он впервые уступил дорогу!

Ленивый Фао входил в стойбище слегка приободрившись, с чувством одержанной победы. Вот и его землянка. Только бы успеть нырнуть в нее, закрыться пологом из оленьей шкуры. Там он в безопасности — никто не посмеет войти в жилище колдуна.

Но толпа уже окружила Фао. Люди кричали, размахивали руками. Колдун выставил обнаженное плечо с глубоким шрамом, и толпа притихла. Однако скоро град упреков, гневных восклицаний и ругани обрушился на него с новой силой.

— Наши дети голодают! — крикнула молодая Хана, протягивая на руках своего младенца.

— Наши охотники приходят с пустыми руками!

— Твои духи не помогают! Где твои духи?!

Пытаясь оправдаться, колдун поднял вверх правую руку и сиплым голосом, но с достоинством произнес:

— Мои духи молчат.

— Они у тебя всегда молчат! — оглушительно крикнула Гура.

Колдун съежился. Он опасался этой горластой женщины с крепкими, как ветви дуба, кулаками.

— Мои духи сердятся! — взвизгнул Фао.

Толпа стихла и отступила.

«Кажется, можно передохнуть», — обрадовался Фао и сел на камень, выросший в землю рядом с его жилищем.

Он волновался, побаиваясь предстоящего небольшого события. Никто, никакие духи не смогут предотвратить его. Кто это сказал? Колдуну хотелось вспомнить давно забытые слова. Или вообще думать о чем-нибудь постороннем, чтобы взять себя в руки, успокоить напряженные нервы.

Станный, очень странный колдун у племени лагуров... А может быть, уже что-то знают, догадываются? Фао осторожно взглянул на толпу и успокоился. Тревожиться нет оснований: люди видят его таким, каким он был и год, и два, и много лет назад.

Женщины и дети смотрели на колдуна молча, лишь изредка тихо переговаривались. Но тут снова заявила о себе сварливая и злая на язык Гура.

— Твои духи не сердятся! Они спят! Ты спишь, и твои духи спят!

«Ну и зануда», — поморщился Фао и с внутренней усмешкой подумал, до чего непривычно, преждевременно здесь само это слово — «зануда». Оно появится потом, много веков спустя...

И снова взгляд колдуна погрузился в сумеречные дали грядущих столетий, снова пытался он вспомнить давно угасшие в памяти слова. То были грустные, обреченные слова... Они искорками вспыхивали в тумане забвения, гасли, снова загорались и наконец встали в стройный ряд: «Что бы ни случилось с тобой — оно предопределено тебе от века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием».

Но кто это сказал? Вернее, скажет? И колдун вдруг вспомнил: Марк Аврелий!

Фао вздрогнул: нельзя думать о грядущем. Ни в коем случае не следует отвлекаться от настоящего момента, чтобы случайно не нарушить, не всколыхнуть исторически устоявшуюся гармонию причин и следствий. Но мысли, непрощенные и назойливые, как комары, лезли в голову.

Да, все предопределено от века. И ничего изменить нельзя. Фао даже не мог подсказать Хане, чтобы та крепче держала ребенка. Хотел, но не мог. Он знал, что через две-три секунды младенец вывалится из рук молодой женщины и брякнется на землю. К счастью, ребенок ушибется не очень сильно, но заверещит так, что хоть уши затыкай...

Занятый невеселыми мыслями, Фао встретил «предопределенное от века» и довольно неприятное микрособытие так, как и положено — естественно и без напряжения. Получив неожиданный удар в скулу, колдун взвизгнул, вскочил на ноги и погрозил кулаком мальчишке, запустившего в него камнем. Это был, конечно, все тот же Гзум.

Толпа зашумела. Гнев ее, к счастью для колдуна, обрушился на сей раз на Гзума. Женщины засуетились, загалдели, некоторые бросились за

пустившимся наутек мальчишкой. Воспользовавшись суматохой, Ленивый Фао проворно скользнул в свою землянку. Здесь он вытер пот со лба и с облегчением перевел дыхание: больше контактов с людьми не будет до завтрашнего утра — последнего и решающего утра в жизни колдуна...

Фао притронулся рукой к левой щеке и почувствовал теплую струйку крови. «Вот сорванец», — с добродушной усмешкой подумал он о Гзуме. И надо же так сплестись событиями, что завтра утром он спасет мальчишку от верной гибели, вытащит из воды. Сам утонет, но его спасет. Во всяком случае, обязан это сделать, ибо мальчик очень важен для племени, а быть может, и для всей последующей истории человечества.

Перед входом в землянку послышались голоса женщин:

— Фао! Нам помог дух Маленькой Сю!

— Мы принесли дары Маленькой Сю...

Когда-то давно маленькая девочка Сю утонула в болоте, примыкающем к Большой реке. С тех пор считалось, что дух ее покровительствует собирателям орехов, клубней и птичьих яиц на островах болота.

Колдун должен сейчас выйти и взять дары Маленькой Сю. Но не сразу. Все поступки его рассчитаны по минутам.

Фао нащупал на груди амулет — костяную пластинку, напоминающую бизонью голову, и поднес ее к слабо тлеющим углям очага. На обратной стороне пластинки колдун расширил ногтем еле приметную трещинку и увидел крохотный циферблат электронных часов. Выждав четыре минуты, Ленивый Фао приподнял у входа покрывало и боязливо (так положено) высунул голову. Поблизости никого не было. На траве лежали корни, сочные стебли и два крупных гусиных яйца.

Брезгливый лже-Фао корни и стебли закопал в углу землянки. Гусиные яйца обмазал глиной, испек на углях способом, принятым в племени, и с аппетитом съел.

Еще через час Ленивый Фао неторопливо шагнул в сторону Горы Духов. Здесь он подкинул в догоравший костер сухих веток. Но на камень не сел, позволил себе немного расслабиться, отойти от жестко предписанных поступков. История от этого не пострадает.

Роль Ленивого Фао далась ему сегодня особенно тяжело. Чаще, чем когда-либо, тревожила мысль: а если узнают? Мысль вздорная, понимал сейчас Фао. Он вышел на склон горы, обращенный в противоположную от стойбища сторону. Здесь его никто не заметит.

Колдун сел на траву и обвел взглядом горизонт. Где-то там, за утопающими в синей дымке рощами, проходит граница ареала. За ней — неконтролируемый океан пространства и времени. Да и сам ареал, в центре которого он сейчас

находится, оказался не столь подвластным, как хотелось. Много лет назад один из наиболее осторожных сотрудников лаборатории «Хронос» сказал: «Ареал — зияющая рана на теле истории. Малейшая неосторожность, и в рану можно занести инфекцию вмешательства». Слова оказались пророческими. Сейчас лже-колдун призван залечить рану, сделать так, чтобы человеческая история развивалась естественно и нормально.

«Завтра. Все решится завтра», — с облегчением подумал Фао, уверенный в успехе своей странной миссии. Уверен он был в успехе и другого дела — завтра он отыщет здесь своего брата. Поиски его, правда, никто не планировал. Да и зачем? Все видели, что Александр погиб.

А если не погиб? Если прячется сейчас в дубовой роще? Эта мысль согревала лже-Фао в его нелегкой жизни колдуна. Дубовая роща отсюда хорошо видна, она в пяти-шести километрах от горы, рядом с озером Круглым. Пойти туда и проверить свою догадку Фао не мог. Ход истории приковал его к стойбищу и священной Горе Духов.

Грузные влажные тучи за клубились над горой, застучали первые капли. Ленивый Фао тяжело поднялся и медленно зашагал по тропинке вниз.

В стойбище никого не было видно. Все пряталось в землянках. Но ребятишки еще вертелись на берегу, а их колдун побаивался больше, чем взрослых.

Фао заковылял к своей землянке. Мальчишки уже кружились вокруг него, держась, правда, на почтительном расстоянии. Они приплясывали, корчили гримасы и всю горланили:

— Ленивый Фао! Глупый Фао!

«Сорванцы», — мысленно ругнул их Фао и поворотно скрылся в землянке. И в это время зашумел короткий, но сильный ливень.

Колдун раздул угли очага, подsunул в плясавший огонек травы и веток. До утра, до решающих и последних его мгновений, оставалось почти двенадцать часов. Как скоротать время? Спать Фао не мог. Чтобы заглушить недобрые и, быть может, необоснованно мрачные предчувствия, надо о чем-нибудь думать. Лучше всего об ареале. С открытием его странно, причудливо переплелись судьбы людей далекого прошлого и далекого будущего. Его брат погиб в древней саванне («вероятно, погиб», — мысленно поправил себя Фао), а сам он оказался в дурацком положении колдуна.

Как все это случилось? И Фао стал вспоминать... Вспоминать не отшумевшие дни колдуна, а свою собственную жизнь, годы странствий космопроходца и времяпроходца Ивана Яснова, волею судеб брошенного сейчас в эту землянку. Себя он пытался увидеть со стороны, думать, как о другом человеке, чтобы нагляднее пред-

ставить всю цепь событий. А начало той извилистой цепи положил много лет назад он же сам, Иван Яснов, в свой первый выход в ареал.

Выход в ареал

Плотная, крошечная тьма обступила Ивана Яснова со всех сторон. Создавалось впечатление, что шагает он по дну черного нефтяного моря, с трудом вытягивая ноги из вязкого грунта и раздвигая упругие водоросли. Вскоре понял, что не водоросли это, а густо разросшийся кустарник. Острые сучки и мюлючки царапали плотную ткань комбинезона, а разгибающиеся ветки звонко стегали по колпаку гермошлема.

Беспорядочные, бессвязные мысли теснились в голове. Какая все же это планета? Где «Призрак» — его корабль, его космический дом? И что с памятью? Ее он, кажется, утратил при внедрении... Внедрение? Станный, однако, термин для посадки корабля.

Кустарник поредел, и Яснов откинул гермошлем, не подумав, что воздух может быть непригоден для дыхания. Вскоре выбрался из болотистых зарослей в лес. Стало светлее. Сквозь густые кроны деревьев пробивались дымные паутинки лунных лучей.

«Нет, это не чужая планета», — удивлялся Иван, ощупывая стволы елей и вдыхая знакомый с детства смолистый аромат сосен. А какой воздух! Иван с наслаждением вдыхал винные и грибные запахи ранней осени, и у него кружилась голова. Но почему он в оглушенном состоянии разгуливает по собственной планете? Быть может, даже в родной сибирской тайге?

Яснов вышел из густого сосняка на сравнительно свободное место, на поляну с редко раставленными высокими дубами. И уже не паутинки, а широкие ленты призрачного света тянулись меж раскидистых ветвей.

Луна! Иван с изумлением взирал на знакомое и в то же время незнакомое ночное светило Земли. В его время Луна, окруженная сияющим ободком искусственной атмосферы, выглядела зеленой из-за разросшихся на ней лесов. Но сейчас он видел первозданную серебристую планету с четко выраженными кратерами.

Итак, он заброшен, видимо, в прошлое. И, судя по воздуху высшей биологической очистки, не в ближайшие дымно чадающие столетия, а в далекое прошлое. Но чем глубже века, тем глубже... хроношок! Его оглушенное состояние — это шок, возникающий при первом внедрении человека в чужую эпоху.

Вслед за этим Иван вспомнил о какой-то искорке в небе, которая должна служить путеводной звездой. Но видел он лишь отдельные участки неба. Мешали деревья.

Иван направился в ту сторону, откуда пришел. Выбрался на опушку. Искорку еле отыскал

почти на самом горизонте. Человек, не знающий о ее существовании, ничего бы и не заметил, от слабых звезд третьей величины она отличалась лишь чуть зеленоватым цветом. Что-то родное чудилось в искорке, она будто звала к себе. Но зачем? И для чего он вообще здесь?

Иван осмотрелся. Красота древнего ландшафта захватила его. Кругом расстилась холмистая лесостепь, залитая голубым лунным сиянием. С несвойственным ему легкомыслием Яснор решил: искорка подождет, пока он не вспомнит, зачем оказался здесь. Другой огонек привлек его внимание — вдали в ночной тьме трепыхался на слабом ветру костер.

Для безопасности Иван накинуд на голову прозрачный гермошлем. В нем он хорошо видел и слышал, исчезли только запахи. Неодолимое любопытство влекло его к степному огню. Кто там? Скифы? Древние германцы с бронзовыми мечами?

Пригнувшись и осторожно раздвигая высокие травы, Иван медленно приближался и вскоре увидел двух человек, облитых медным светом костра. Оба в звериных шкурах, под ногами их валялись каменные топоры и дротики. «Каменный век! — мысленно воскликнул Иван. — Вот куда занесло меня». Эти двое, видимо, охраняли сон своих товарищей: около десятка людей спали вокруг костра. Один из сторожевых держал в руке копьё, а второй — широкоплечий гигант почти двухметрового роста — опираясь на внушительную палицу и задумчиво смотрел на космы пламени.

«Вот они, мои далекие и давно истлевшие предки», — с каким-то холодящим странным чувством подумал Яснор.

Сторожевые, приняв его, повернулись в его сторону. Гигант, видимо, заметил притаившегося в траве человека, и в степи разнесся его гортанный крик:

— Гох! Гох!

«Гох» — сигнал опасности, почему-то вспомнилось Ивану. Но откуда он это знает?

Люди повскакивали на ноги и схватились за топоры и копьё. Яснор бросился туда, где под лунной зеленовато светилось небольшое озеро, окаймленное кустарником. Иван считался хорошим спринтером, но местность была неудобной — в кочках и ямах, наполненных водой. К тому же предки бегали довольно резво. Оглянувшись, Иван увидел, что они не отстают.

Запнувшись о кочку, он упал и покотился по траве. Когда вскочил, перед ним уже приплясывал гигант и размахивал увесистой дубиной легко, как тросточкой. Потом обрушил ее на Ивана... и испуганно отскочил в сторону. Своей палицей он сокрушал противников, раскалывая их черепа, как орехи. Но этот стоял, как ни в чем не бывало.

Удар пришелся по невидимому для предков

гермошлему и был такой силы, что Иван покачнулся, не в силах сдвинуться с места. Второй удар уложил его.

Сколько времени он был без сознания? Вероятно, лишь несколько секунд. Очнувшись, услышал тихий говор и с удивлением обнаружил, что понимает слова древнего языка.

— Кто это?.. Из племени дагоров?

Кто-то склонился и пощупал гладкую ткань комбинезона.

— Не дагор, — сказал он. — Шкуры другие... Непонятные.

— Медвежьи?

— Не медвежьи, — в голосе сквозило изумление. — Это шкуры змеи!

Иван открыл глаза и пошевелился.

— Он живой! — вскрикнул склонившийся над ним человек и отскочил в сторону.

— Подожди... Я его проткну.

Иван увидел над собой гиганта с поднятым копьём. «Этот проткнет», — похолодел Яснор и вдруг вспомнил, как звали древнекаменного Геркулеса.

— Джок! — воскликнул он. — Постой, Джок! Убери копьё.

Услышав свое имя и речь родного племени, Джок выронил копьё и поробормотал:

— Лагур?

Иван, воспользовавшись общей растерянностью, вскочил на ноги и помчался к озеру. Сзади раздавался топот, а у самого берега он услышал крики:

— Стой! Там топь... Утонешь!

Берег и в самом деле оказался коварным. Ровный, казавшийся твердым грунт внезапно раздался, и Яснор почти по плечи очутился в засасывающей трясине. «Зыбун», — мелькнула страшная мысль. С трудом удалось лечь плашмя на колышущуюся сеть из стеблей болотных растений и, осторожно работая руками и ногами, добраться до воды. Иван немного отплыл и обернулся. Люди стояли, скованные изумлением и страхом.

Яснор нырнул и у самого дна уцепился за корягу, чтобы не всплыть. Пощупал гермошлем: после удара палицей на нем была глубокая вмятина, но воды он не пропускал. Выждав минут пять, Иван поднялся на поверхность, надеясь, что преследователи убралась. Но те топтались на прежнем месте.

На их глазах утонувший человек всплыл живым и невредимым. Это произвело на них ошеломляющее впечатление.

— Это Урх! — завопил один из пращуров. — Урх!

Люди кинулись прочь от берега, размахивая руками и в ужасе крича:

— Урх! Урх!

«Кто такой Урх? — гадал Иван. — Дьявол каменного века?»

Он переплыл крохотное озеро. Берег на другой его стороне оказался сухим. На нем отпечатались следы многочисленных животных, приходивших на водопой.

Иван кое-как снял смятый гермошлем, пощупал голову и с хмурой усмешкой отметил, что шишку все-таки заработал.

Отыскал на груди небольшой бинокляр. Поднес его к глазам, посмотрел в степь, где догорал костер. Тот был виден так хорошо, словно находился в двадцати шагах. Затем вдруг ярко вспыхнул, разбрызгивая искры. Вокруг него засуетились люди, недавно преследовавшие Ивана, они подбрасывали в огонь ветки, охажки сухих трав и пугливо озирались. Потом встали лицом к озеру, подняли вверх руки и зашевелили губами, произнося, очевидно, заклинания и отгоняя ими страшного Урха.

Минут через десять паника улеглась. Кое-кто из пращуров начал укладываться спать. Последствия инцидента, кажется, сглаживались.

Отыскав в звездном высеve свою путеводную искру, Яснов зашагал в ее сторону. Под ней расплывчатым силуэтом темнела двугорбая гора. Иван часто оглядывался назад. Костер уменьшался, через полчаса ходьбы был еле заметен даже в бинокляр, а когда Яснов перевалил через широкий холм, исчез из вида совсем.

Иван остановился и прислушался. Тишина. Лишь в травах и приземистых, редко разбросанных кустах угадывались какие-то шорохи. Тонкую ткань ночной тишины вспорол вдруг крик раненого животного. Послышалось довольное урчание крупного хищника. Иван поехал. Плотоядная эпоха! Как бы самому не стать добычей... Рука привычно нащупала рукоятку пульсатора. «Моя палица,— усмехнулся Иван.— Гравитационная дубинка». Взглянул на переключатель и удивился: шкалы «разрушение» не было совсем. Видимо, здесь ему нельзя убивать и разрушать. Гравитационными ударами он мог лишь обезопасить себя, оглушить кого угодно — от комара до мамонта. Но убить — никого.

Пульсатор служил одновременно зажигалкой и фонарем. Но бросать в степь яркий прожекторный луч Иван не решался. Да и надобности не было: он неплохо видел и в зеленоватом свете Луны.

Стало еще светлее, когда Яснов, устало передвигая ноги, выбрался из густой осоки на сухую, почти каменистую поляну с редкой низкорослой травой. Около десятка раскидистых сосен бросали на поляну круглые черные тени. Между деревьями белели исполинские лбы гранитных валунов. Под одним из них пристроился Иван: решил развести костер и выспаться. Так будет полезнее для дела — последствия хроношока хорошо снимает сон.

Проснулся, когда закрытых век коснулись первые солнечные лучи. Черный комбинезон

был усеян серым пеплом угасающего костра. Иван стряхнул пепел, встал и с наслаждением потянулся. Сон был коротким, но на редкость освежающим. Вяжкая одурь в голове исчезла, хроношок кончился, адаптация к чужой эпохе, видимо, завершилась.

Спешить было некуда. Иван присел на камень около валуна и взглянул вверх. По синему небу ветер гнал белую пену облаков. Ниже, километрах в трех от земли, тихо и неприметно для непосвященных тлела искорка. Теперь Иван знал о ней все. Миллиарды киловатт энергии потребовались, чтобы крохотный, величиной с орех, фотонно-позитронный сгусток втиснуть в эту эпоху. В институте времени назвали его хроноглазом.

Яснов улыбнулся и помахал рукой в его сторону. «Все в порядке», — так должны понять его жест друзья, оставшиеся в будущем. Еще вчера он сидел вместе с ними перед экраном и, глядя вниз с трехкилометровой высоты хроноглаза, видел круг первобытной саванны диаметром в сорок километров. Это пространственные размеры ареала — области, доступной изучению и контролю.

Щелчок переключателя, и цветное изображение текущего — так называемого натурального — времени погасло. Вместо него на экране возникло плоское черно-белое изображение времени визуального, наблюдаемого. Оно давало возможность видеть, что было до времени натурального и как будут разворачиваться события после него. Десять лет назад от текущего (натурального) момента и столько же вперед — таковы размеры ареала во времени. Никто не в силах вмешаться в визуальное время, его можно только наблюдать. Высадка же в ареал возможна лишь в натуральный момент.

Сейчас перед экраном наверняка сидит глава института времени «Хронос» Октавиан — лучший друг и сосед Яснова. Октавиана в шутку так и называли Хроносом — богом времени, хотя ничего божественного не было в этом нерешительном, слегка располневшем человеке.

Вчера Хронос, нервничая и суетясь перед экраном, давал Яснову последние наставления:

— Смотри, как завтра будут происходить самые важные, узловые события. Вот с Горы Духов около полудня уходит колдун Фао. Видишь, его седая голова мелькает среди кустов. Жаль, что все в серых тонах, изображение мы видим завтрашнее, визуальное. Колдуна на горе не будет до следующего утра, что весьма кстати. Гора весь день в твоём распоряжении. А вот, — Октавиан повернул тумблер на несколько часов вперед, — уже под вечер мальчишка Сан вслед за охотниками идет в саванну. Под лучами вечернего солнца хорошо видны в высоких травах его плечи и голова...

Иван болезненно поморщился, вспомнив, ка-

кой ужасный конец уготовила мальчику неумолимая история. Вчера на экране Яснов не раз видел в инфракрасных лучах жуткую сцену, которая непременно разыграется сегодня поздним вечером — уже во времени натуральном...

Иван вскочил на ноги. Сидеть просто так, ничего не делая, он не мог. Двинулся в сторону горы. Взглянув на замигающую искорку, мысленно обозвал себя болваном. Туда нельзя — гора занята. На ней копошится колдун Фао, собираясь развести костер. Иван взглянул на часы, выждал три минуты и, когда стрелки показывали без десяти восемь, снова посмотрел на гору. В точно отмеренное время, секунда в секунду, над нею заколыхался столб дыма.

«История работает, как хронометр», — усмехнулся Иван и сел на прежнее место. Ничего непредвиденного не случится, он успеет вовремя вырвать мальчика из пасти хищника. Но не для того, чтобы оставить здесь. В племени Сану места уже нет. Иван унесет мальчика к себе, в будущее.

Он вспомнил, как до хрипоты спорил, доказывая, что вряд ли это гуманно, что мальчик, не найдя своего места в гравитонном веке, будет испытывать неисчислимые нравственные муки. Ему возражали: мальчик отлично приживется. Некоторый риск есть. Но он так незначителен, что совет «Хроноса» с уверенностью берет судьбу мальчика в свои руки...

За воспоминаниями и размышлениями незаметно прошло два часа. Почувствовав голод, Иван вспомнил о галетах в кабине. Вместе с мыслями о кабине начало закрадываться беспокойство. Он мог допустить какой-то промах. Но какой?

Иван нетерпеливо поглядывал на гору, проклиная колдуна за медлительность. Но лишь около полудня дым над горой начал таять. Судя по времени, Ленивый Фао спускается в стойбище.

Яснов быстрым шагом направился к горе. Уже в пути вспомнил о кабине все. Она была искусно смонтирована в небольшой пещере в скале. Эта хитроумно замаскированная машина времени так и называлась — «Скала». В состоянии хроношока вход в нее он, вероятно, не закрыл.

У подножия горы Иван с трудом пробрался сквозь высокий густой кустарник и стал подниматься на седловину. Здесь росли редко расставленные сосны и березы. Между ними белели под солнцем гранитные останцы — островерхия скалы, похожие на зубы гигантского дракона. Они стояли в ряд, как солдаты в строю. На правом фланге самый главный солдат — машина времени «Скала». Так и есть! Вход в кабину не закрыт — скала чернела зевом пещеры. К счастью, туда никто не заходил. Стоило какому-нибудь крупному животному, хотя бы рыси, забрести в пещеру, как «Скала» моментально среагиро-

вала бы на биополе, закрылась и унеслась в будущее...

Ему тоже пока не следует заходить в кабину.

С правой стороны «Скалы» Иван отыскал не большой красноватый выступ-кнопку. Нажал ее, и неровные края пещеры бесшумно сомкнулись. Шва не видно. Цветом, шероховатой поверхностью «Скала» идеально копировала гранит.

Времени до заката еще много. Из любопытства Иван поднялся на вершину — в святилище колдуна. Отбрасывая тени, высились затейливо выточенные стихиями гранитные громады — «духи Фао». Под большой березой еще дымился костер. Рядом — камень, до блеска отполированный задом Ленивого Фао. Если бы сейчас Яснову сказали, что восемь лет спустя он сам станет Ленивым Фао, Иван, махнув рукой, рассмеялся бы над этой неудачной шуткой.

На краю вершины, на скате, обращенном в сторону саванны, Яснов нашел уютную полянку, не затененную деревьями. В чистом небе уютно и тихо светилась искорка, говорившая о том, что опасности здесь нет. Иван и сам знал это. Он догадывался, зачем заслали его почти за сутки до встречи с мальчиком — для адаптации. «Прошла она не совсем гладко», — подумал Иван, с усмешкой ощупывая шишку на голове. Но все же он вписался в эпоху, даже абorigены причислили его к своему миру, назвав Урхом. Яснов теперь знал, кто такой Урх — страшный дух болот и топей.

Солнце уже перешагнуло через зенит, и жара ослабила свои душные объятия. Саванна оживала. В ее бархатисто-зеленых обильных волнах проплывали стада антилоп, в воздухе мелькали птицы, а совсем недалеко от горы пасся табун лошадей.

«Рай», — усмехнулся Иван, погружаясь в благодушное состояние, сходное с приятным полусном. И вдруг насторожился. Сзади послышался тихий шелест травы, словно слабый ветерок коснулся сухих былинки. Но интуиция никогда не подводила Ивана. Темное, сосущее чувство угрозы закрадывалось в душу.

Только не паниковать, мысленно приказал себе Яснов. Усилием воли он скрутил первобытный страх, потом стремительно вскочил на ноги, но обернуться не успел. Тугая толстая петля обвилась вокруг шеи с такой силой, что дыхание пресеклось, а в глазах поплыли радужные круги. Иван пошатнулся, с холодным ужасом понимая, что теряет сознание...

Сан

Сан не знал и не мог знать, что наступил последний день его жизни.

Спозаранку, когда мать и маленькая сестрен-

ка Лала еще спали, он выскочил из теплой душевой землянки и окунулся в густой туман, стлавшийся над берегами Большой реки. Сквозь белесую пелену размытым тусклым пятном светился костер, зажженный еще вчера в честь праздника осенней добычи. Сан побежал туда, тихонько повизгивая, когда босые ноги касались обжигающе холодной росистой травы. Он сел у огня и, снова повизгивая, уже от удовольствия, совал поочередно потрескавшиеся от цыпок ступни почти в самое пламя.

Согрелся Сан и только тогда услышал по другую сторону костра тихий говор, потом громкие восклицания и хохот. Мальчик обогнул огромное праздничное кострище и пристроился к кругу взрослых. В середине сидел Джок, и Сан догадался, почему мужчины поспешили собраться у костра: Джок с группой молодых охотников только что вернулся из ночного похода. Далеко в саванне они углубляли и маскировали прошлогодние ямы-ловушки. Зимой туда часто попадали лоси и олени. Ямы маскировались каждую осень и обязательно ночью, чтобы звери и птицы ничего не видели и не разнесли весть о ловушках по всей саванне.

Люди племени любили слушать Джок. Сейчас он рассказывал о таинственном и страшном случае прошедшей ночи. На полпути к стойбищу они решили передохнуть у костра. И тут к ним тихо подкрался дух болот и топей.

— Урх? — спросил Рун и уставился на Джок острыми недоверчивыми глазками. — Урх на сухом месте?

Молодые охотники, участвовавшие в ночном походе, закивали головами.

— Урх стал человеком неизвестного племени, — сказал один из них. — А потом заговорил, как наш охотник!

Джок начал рассказывать, как сражался с Урхом. Когда не хватало слов, вращал глазами, жестикулировал, потом вскочил на ноги и стал размахивать своей страшной палицей. Джок показывал, как его палица, способная переломить лошадиный хребет, отскакивала от головы Урха, словно от скалы. И все же ему удалось оглушить и свалить духа болот.

— Урха! Самого Урха! — восхищенно зашептали охотники.

Сан слушал Джок, затаив дыхание. По его спине, облитой жаром костра, пробежали холодные мурашки. Джок заговорил о том, как его спутники, узнав Урха, кинулись врассыпную. Сан хихикнул. Смешно было слушать, как перетрусили охотники.

Из-за горизонта выкатился Огненный Еж и своими горячими иглами рвал в клочья туман. Возбужденные рассказом Джок, мужчины еще долго похотывали, восхищенно прищелкивали языками, а потом с веселым гомоном приступили к трапезе.

Есть Сану не очень хотелось, и он помчался вдоль берега. Росистое утро дымилось, искрились травы, и в груди мальчика ширилось что-то веселое и беззаботное. Он спешил на луг, любившийся еще с весны. Зеленые берега Большой реки усеяны были тогда цветами, низко над водой носились ласточки, а справа над подсыхающим лугом висел жаворонок.

Скрылись из вида дымы стойбища, а Сан все бежал. Перевалял через один холм, выскочил на гребень второго, и перед ним открылся простор. Посерел, осиротел и притих любимый луг. Отгорели одуванчики и лютики, отзвенел жаворонок, ласточки улетели на юг. Лишь отдельными островками белели ромашки.

Но и сейчас луг нравился мальчику. Он носился по сухой, но еще зеленой траве, перескакивал через кочки, подражая прыжкам оленя. Потом вспомнил о главной цели. Сан пошел туда, где в окружении десятка низкорослых кривых березок шумел опадающими листьями высокий и толстый, в три обхвата, тополь. За ним луг обрывался и переходил в болото, которому, казалось, не было края.

Весной вместе с подростками Сан ходил сюда собирать яйца. Обманчивы здесь камышовые заросли и покрытые коричневым мохом низины. Дух болот Урх в любую минуту может схватить за ногу и утянуть к себе.

Но сейчас Урха здесь нет, решил Сан, вспомнив рассказ Джок. Дух болот переселился на Круглое озеро. К тому же Сан надеялся на помощь маленькой Сю и других добрых духов.

Мальчик погрузился по колени в тинистую воду, нащупал пальцами ног гранитную гряду и двинулся в глубь болота. Гряда кончилась, и Сан осторожно зашагал по хлюпающим, уходящим из-под ног кочкам. Наконец добрался до сухого острова.

Весной болотные острова звенели птичьими голосами. В дуплах деревьев, в кустарнике, а то и просто в траве ребяташки и женщины находили множество гнезд с яйцами. Сейчас остров встретил Сана тишиной. Лишь по-осеннему коротко тенькали синицы да сухо шелестели падающие листья.

Мальчик забрался в густой кустарник, в покрытый ржавчиной ивняк и орешник. Его острый носик морщился: пахло мухомором, гнилью и мокрой паутиной. Сверху падали пауки. Но Сан перетерпел все это и был вознагражден — набрал за пазуху вкусных орехов.

В стойбище мальчик входил, когда проснулись даже маленькие дети. Полог у землянки Сана был приподнят. Оттуда валил дым. Мальчик нырнул в землянку и увидел ярко пылавший очаг.

— Вот! — воскликнул он и высыпал на оленью шкуру орехи.

Маленькая Лала вытерла кулаком слезы —

неизвестно, отчего она плакала: от дыма или уже досталось от матери,— и набросилась на орехи.

— Откуда? — улыбнулась мать и вдруг с испугом посмотрела на Сана.— Болото Урха?

Сухой палкой, которую собиралась сунуть в огонь, мать начала бить Сана по голым рукам, по плечам и спине.

— Вот тебе! Хочешь утонуть? Не будешь один ходить на болото. Не будешь! Вот тебе!

От боли Сан заскулил, потом притих, зная, чем все это кончится. Гнев матери быстро сменился жалостью. Она потерлась своим носом о нос сына — так в племени выражали любовь и ласку. Заплакала, начала обнимать Сана, гладить по плечам и голове.

Сан зажмурил глаза. Он утопал в волнах материнской ласки, и в груди его что-то сладко таяло.

— Это тебе, Сан.

Мать бросила на раскаленный камень очага тонко нарезанные куски мяса. Они зашипели. Землянка наполнилась вкусными запахами. Но Сана тянуло в веселую толпу у костра. Оттуда в землянку доносился приглушенный шум праздника — смех, песни, гулкие звуки барабана — дуплистого бревна.

У костра ребяташки встретили Сана визгами и криками. Они наперебой угощали его жареным мясом, испеченными сладкими клубнями. Сан наелся досыта, а потом вместе со всеми скакал вокруг костра. Из груди при этом так приятно выдыхались однообразные восклицания:

— У-о-ха! У-о-ха!

Во время пляски Сан приглядел жирную ляжку молодого лося и решил отнести ее Хромому Гуну. Но сын Заячьей Губы Крок, коренастый одногодок Сана, уже вцепился в нее и хотел взвалить на плечо.

— Куда? — остановил его Сан.— Это Хромому Гуну!

— Ленивому Фао! — вызывающе крикнул Крок.

Он бросил на землю ляжку и, вытянув вперед короткие мускулистые руки, стал приближаться к Сану. Взрослые и дети окружили мальчиков в ожидании потехи. Драки ребяташек поощрялись в племени: в них закалялись воля и тело будущих охотников.

Дрались Крок и Сан часто. Сейчас Кроку удалось свалить Сана, прижать его к земле, ударить по уху. Из мочки потекла кровь. Сан кусался, царапался и безуспешно пытался выскользнуть из объятий Крока.

— Крок побьет Сана! — приплясывая, кричали мальчишки.— Крок побьет Сана!

В груди Сана поднялась ярость, удесятерившая его силы. Гибкий и ловкий, он вырвался из цепких рук Крока. На ноги мальчишки вскочили одновременно. Оскалив зубы в вызывающей ух-

мылке, Крок двинулся к противнику. И тут Сан сделал вид, что левой рукой хочет ударить Крока по животу. Тот втянул живот, прикрыл его руками, и тогда правый кулак Сана с большой силой врезался в незащищенное лицо. Крок отлетел в сторону и упал, завизжав от боли. Из рассеченных губ брызнула кровь.

— Рваная губа! — хохотали мальчишки, довольные тем, что сыну Заячьей Губы нашли новую кличку.— Рваная Губа! Рваная Губа!

Сан засмеялся над плачущим мальчишкой, взвалил на плечо ногу лосенка и зашагал к переправе через Большую реку.

У переправы остановился. Рядом бугрилась землянка Главного колдуна. Тот же сидел на камне под березой, грелся на солнце и ждал, когда ему принесут поесть. Сан вспомнил о Кроке, который, конечно, не забудет колдуна, и шагнул на бревна.левой рукой он придерживался за сучки. Особенно надо быть осторожным около водоворота. Недавно в его крутых струях утонула девочка.

На другом берегу почти к самой воде подступала большая скала с неглубокой сухой пещерой. Оттуда, цепляясь за выступы скалы, поднимались вверх серые ленты дыма.

Сан заглянул в пещеру. У костра, оставив в сторону скрюченную левую ногу, сидел Хромой Гун. Он держал в руках грубо обитый камень и задумчиво рассматривал его грани. Мастер, наверное, уже видел, какие формы примет этот обломок кремня.

Хромой Гун заулыбался, заметив своего маленького помощника и ученика.

— Мясо? Сейчас вместе будем есть.

Мальчик помогал резать мясо на ленты и куски, а намолчавшийся в одиночестве Гун все говорил и говорил. И так приятно, уютно стало Сану у костра старого мастера, словно у родного очага. Когда куски хорошо прожарились, Гун замолк.

Сан со вкусом обсасывал кость и любовался новыми изделиями хромого умельца: ножами, иглами, женскими украшениями. Потом начал рассматривать стены. Пещера стала не только кузницей каменных орудий, но и мастерской первобытного художника. Здесь можно увидеть охотника с копьем, лошадь в прыжке, оленя. Большое восхищение вызывало у мальчика стремительно мчавшееся стадо бизонов.

— Сан, принеси воды,— послышался голос Гуна.

Мальчик оторвал взгляд от стен, схватил мешок из оленьего желудка и наполнил его речной водой. Он знал, для чего мастеру нужна вода. Гун первым в племени начал шлифовать камни сырым песком.

Сан внимательно следил за его руками. Топоры и наконечники для копий после шлифовки становились острее и удобней. Вскоре Хромой

Гун так увлекся, что перестал обращать внимание на своего помощника.

Мальчик вышел из пещеры. Ему не терпелось еще раз испробовать свои силы. Но не в шлифовке камней. Никто в племени не знал, что Сан уже второй год пытается рисовать.

Прошлым летом он сидел как-то на берегу реки. На сыром песке начертил круг с расходящимися во все стороны черточками. В восхищении замер: получился Огненный Еж! Долго следил он, как искрящиеся речные волны смывали лучистый круг. На чистом песке Сан попробовал нарисовать голову оленя. Он хорошо видел в своем воображении мощную голову с ветвистыми рогами. Но на песке вместо рогов получились какие-то перепутанные корни дуба. Много дней провел Сан на песчаных отмелях и наконец добился своего. Олени и лошади выходили у него иногда лучше, чем у Хромого Гуна. А нынешним летом у Сана появился заветный камень. К нему и спешил он сейчас. Нырнул в густой ивняк, знакомой тропкой проскользнул через колючие заросли шиповника и очутился на полянке с высоким камнем посередине. На его стене Сан красной охрой уже нарисовал лошадь в момент стремительного прыжка-полета.

Он вытащил из-под камня заранее приготовленную охру и палочку с размочаленным наподобие кисточки концом, полюбовался своим рисунком, но заканчивать его пока не стал. Надо сначала попробовать на песке.

На берегу он то и дело стирал рисунок и начинал снова. Оленья шкура на спине накалялась под знойным солнцем, пот заливал глаза, а мальчик все трудился. И только под вечер дело как будто пошло на лад, но голод и усталость заставили прекратить работу.

Сан поспешил в стойбище. У праздничного костра уже не было такого веселого и шумного гвалта, как днем. Кругом валялись обглоданные кости. Однако на горячем камне мальчик нашел хорошо прожаренный и кем-то забытый кусок мяса.

К костру подсели шесть молодых охотников во главе с Джоком. Они готовились к новому ночному походу: проверяли оружие, подвязывали к ступням ног шкурки шакалов. Это делалось для того, чтобы не оставлять за собой следы с человеческим запахом. Ни один зверь не должен догадаться, где маскируются ямы-ловушки.

Сан присел рядом с Джоком и засмотрелся на его могучие плечи, на которых свободно растянулся бы ягуар. Потом с восхищением потрогал палицу. С ней Джок никогда не расставался, хотя люди племени давно пользовались более совершенным оружием. В руках Джок уверенно держала дубина с отполированными сучками становилась страшной силой.

Джок пытался стянуть на ногах лосиные ре-

мешки. Сан не удержался от смеха: в пальцах охотника-великана прочные ремни рвались, как стебли травы. Мальчик помог Джоку подвязать шакальи шкурки, потом сделал то же самое со своими ногами.

Огненный Еж заметно приблизился к краю земли. И только тогда отряд углубился в степь. Сзади с легким дротиком в руке пристроился Сан. Он шагал бесшумно, осторожно раздвигая траву. Мальчика никто не мог заметить: охотникам на первых порах нельзя было оборачиваться назад, это считалось дурным знаком.

Гора Духов скрылась за холмами, потом и Круглое озеро осталось далеко за спинами охотников. Распухшее солнце клонилось все ниже, золотая верхушка трав и кустов. Теперь можно оборачиваться. Недавно посвященный в охотники Мук, увидев Сана, воскликнул:

— Откуда?! Почему здесь?

Нижняя губа Сана обиженно дрогнула. Джок недовольно нахмурил брови, но, вспомнив, что на ногах мальчика шкурки с отвлекающим шакальим запахом, смягчился.

— Иди, Сан,— сказал он, подтолкнув мальчика в спину.— Тебе еще рано с нами.

Сан послушно побрел назад. На одном из холмов он постоял, тоскливо провожая взглядом лиловые под заходящим солнцем спины охотников. Потом побежал на запад. Дорогу он знал хорошо и в стойбище мог вернуться до темноты.

Огненный диск солнца коснулся темнеющей на горизонте реденькой рощи, и та вспыхнула, как куча хвороста. Мальчик остановился, с изумлением глядя на дрожащее марево. Сан разлился в нем множество знакомых красок. Огненный Еж, уходя на покой, брызнул на низко висящие тучки красной и желтой охрой, в прорывах между облаками Сану почудилась синева речной глади. А когда солнце упало за горизонт, все краски смешались, накалились до малинового цвета, словно камни очага, и вдруг заколыхались языками пламени.

Восторг охватил мальчика: костер! И развели его, конечно, сильные и добрые духи огня. У них тоже, наверное, праздник по случаю удачной охоты. Сан даже видел огненных духов в неясных тенях, в колышущихся космах. Они извивались, пританцовывали, исчезали и снова появлялись.

Долго любовался Сан пляской духов огня. Их костер медленно угасал, уменьшался, от него осталась наконец кучка светящихся головешек. Духи где-то притаились, ушли совсем. И так сиротливо стало, что грудь мальчика наполнилась тоской, непонятым томлением.

Сан взглянул вверх, на потемневший небосвод, и затаил дыхание. Там раскаленными камешками выступали первые звезды. Сан догадался— это искры! Невидимые духи огня, гася

свой костер, сейчас, наверное, били сырыми палками по головешкам. И оттуда огненными мотыльками взметнулись в небо искры. Их становилось все больше и больше. Вскоре самые крупные из них стали казаться мальчику глазами добрых духов неба.

А тьма все сгущалась, луна выкатилась из-за холмов, в низинах извилистыми тропками поползли ночные запахи. Сан вдыхал их, отзываясь на таинственные биения стихий. Он и сам становился этими стихиями, сливаясь с многоглазым живым небом, с лунным сиянием, с дыханием клевера на сумеречных полях...

От пронзительного хохота гиен Сан вздрогнул, вскочил на ноги и огляделся. Кругом таилась опасность. Слева, шурша сухими былинками, черной тенью катился на него какой-то комок. Мальчик метнул туда дротик, и тень шагнула в кусты.

Сан помчался в сторону стойбища. Шакальи шкурки на ногах развязались, остались где-то в траве, и когда мальчик перебежал голый каменный холм, его твердые пятки стучали, как копыта молодой сайги. Потом снова начались густые травы.

На горизонте показались неясные очертания двугорбой Горы Духов. За ней — родное стойбище.

Сан замедлил бег и оглянулся. Далеко позади скользнула длинная тень, исчезла на миг в низине. Мальчик замер. Тень выкатилась из низины, и по светлым поперечным полосам Сан узнал повелителя ночной саванны — тигра. Хищник приближался бесшумными ленивыми прыжками, уверенный, что такая слабая жертва от него не уйдет.

Сан вскрикнул и побежал. Он мчался так быстро, что метелки злаковых трав больно хлестали по голым коленкам. Справа залоснилось под луной Круглое озеро. Мальчик кинулся туда, надеясь скрыться в прибрежном кустарнике. Внезапно, словно вынырнув из воды, на берегу выросла неясная в сумерках коряга, похожая на человеческую фигуру.

— Урх!..

Мальчик окаменел. И в это время в упругом прыжке, изогнув камышово-полосатую спину, перед ним взметнулся тигр. Крик смертельного ужаса разнесся по саванне.

Другое племя

Сознания Иван не потерял: петля, стянувшая горло, ослабла, и воздух освежающей струей ворвался в легкие. Но зато другие петли одна за другой обвивались вокруг груди, и вскоре Иван увидел перед собой пятнистую голову удава. Изловчившись, высвободил руку. Глухо фук-

нул гравитационный выстрел пульсатора. Голова удава дернулась и стала клониться вниз.

«Вот тебе и рай»,— усмехнулся Яснов, брезгливо перешагивая через уснувшие, чуть подрагивающие петли.

Час спустя, когда солнце перевалило через зенит, вспотевший от быстрой ходьбы Иван подошел к берегу Круглого озера и скрылся в прохладных зарослях ивняка. Шагах в десяти отсюда и должна состояться его встреча с мальчиком.

В чащобе стояла тишина, прерываемая писком каких-то птиц, пахло осенней прелью. Когда начало темнеть, Иван осторожно приблизился к краю зарослей, раздвинул ветви и увидел розовые в предзакатных лучах плечи охотников. Люди молча шли на восток. Как Иван ни вглядывался, мальчика среди них обнаружить не удавалось. Но вот они поднялись на голый каменный холм, и из густых трав вынырнул Сан. Вслед за охотниками скрылся за холмом...

Теперь остается только ждать. Иван выбрал место посуше и присел, а когда сгустилась тьма, залюбовался пышным закатом. Он знал, что далеко позади на одном из холмов сидит мальчик и замороженно глядит на это великолепие. Какие мысли и чувства копошатся в его первобытной душе? Каким он видит мир? Живым, шевелящимся и одушевленным, как он сам? Ведь человек еще не выделил себя из природы, не осознал свое «Я», свою личность. Природа не была для него «внешней»...

В притихшей ночной саванне послышался топот. «Мальчонка совсем близко,— сообразил Яснов.— Он сейчас стучит своими пятками на каменном холме». Иван встал и притаился за кустом, одиноко росшим на берегу.

Да, это мальчик. Тесный хищником, он мчался к озеру. Иван выступил из-за кустов и услышал хриплый возглас:

— Урх!

На окаменевшего от ужаса мальчика в высоком дугообразном прыжке бросился тигр. Его камышовая спина грациозно изогнулась, а шкура засверкала под луной голубыми искрами. «Красив»,— подумал Иван. В тот же миг последовал гравитационный удар. Хищник плюхнулся, распластав в стороны лапы. Иван шагнул и очутился рядом с малышом. Тот дрожал всем телом, не имея сил сдвинуться с места.

— Урх!

— Я не Урх. Я человек,— ласково проговорил Иван и протянул руку, чтобы погладить мальчика по плечу.

Сан отшатнулся. Немного помедлив, спросил:

— Дагор?

Глядя на худенькое лицо мальчика, источенное сомнением и страхом, Иван вспомнил разговор охотников, когда после удара палицей лежал на траве.

— Да, я из племени дагоров,— пустился он на маленький обман.

Сан приблизился, осторожно коснулся шелковистой ткани комбинезона и отдернул руку. Такой «шкуры» он не знал.

— Шкура змеи,— пояснил Иван, снова вспомнив слова охотников.— Тебя зовут Сан?

— Сан,— подтвердил мальчик с удивлением и прежним страхом.

— Не бойся меня. Я многое знаю, потому что я... колдун.

«Что я плету?»— удивился себе Иван, но для пользы дела решил продолжать в том же духе. Это успокоит мальчика.

— Зовут меня...— хотел сказать «Ваня» или «Иван», но решил сократить свое имя. Для мальчика оно будет звучать привычнее.— Зовут меня Ван. Колдун Ван.

— Колдун Ван,— повторил мальчик, и на его губах робко проглянула улыбка.

— Я не такой, как Ленивый Фао,— продолжал Иван, догадавшись, что Сан вспомнил, видимо, своего незадачливого колдуна.— Я многое знаю и умею. Вот этой колдовской палочкой,— Иван показал пульсатор,— я убил тигра.

— Он живой!— воскликнул Сан, заметив, что когтистые лапы хищника дернулись и начали скрести землю.

— Не бойся. Я не совсем убил его. Он только уснул, поэтому нам лучше уйти подальше.

Иван взял мальчика за руку и повел за собой. Сан подчинился. Как ни странен был незнакомый колдун, но тигра и ночной саванны он боялся еще больше.

Они остановились на соседнем холме. Его вершина поросла высокой травой. Сквозь крепкие дурманяще пахнущие стебли Сан опасно поглядывал в сторону тигра.

— Он не увидит нас и не почувствует,— сказал Иван.— Травы перебивают наш запах. И ветер в нашу сторону. Так?

Мальчик кивнул, соглашаясь, и доверчиво посмотрел на своего спасителя.

Тигр тем временем очнулся, встал на ноги и, потягиваясь, выгнул спину. «Сейчас появится олень»,— вспомнил Иван, не раз видевший на хроноэкрane ночную саванну. И действительно: послышался глухой шум рассекаемой травы, и на поляну перед озером выскочил олень. Тигр без промедления метнулся к нему. Олень гигантскими скачками уходил в глубь степи и скоро скрылся во тьме.

— Дорога свободна,— сказал Иван Сану.— Идем.

← Куда?

— На Гору Духов.

— Туда нельзя!

— Со мной можно,— Иван с улыбкой потрепал мальчика по плечу.— Я же колдун.

Сан колебался недолго: попутчик вызывал у

него все большее доверие. Они пошли в сторону горы. В саванне царила тишина, лишь от слабого ветра еле слышно вздыхали травы. Однако ночная тьма пугала мальчика, и он прижмался к «змеиной шкуре» своего попутчика.

— Не бойся, — успокоил тот. — Со мной колдовская палочка.

Вскоре пришлось пустить ее в ход. Волки редко нападали на людей, опасаясь их огня и летающих каменных клыков. Но голод подстегивал хищников. Десятки теней замелькали перед Иваном и мальчиком, скоро зеленые глаза засверкали и сбюку. Сан снова задрожал всем телом.

— Смотри, Сан, и не пугайся!

Но мальчик присел от неожиданности: ослепительная молния рассклала мглу. Волки с визгом бросились прочь. Иван еще раз полоснул лучом по убегающей стае.

— Ну, чего дрожишь, дурачок? — Иван наклонился над мальчиком. — Вставай и поддержи эту колдовскую палочку.

Сан встал, потрогал пульсатор, но в руки не взял. На Ивана он смотрел с уважением. В присутствии такого сильного и веселого колдуна мальчик окончательно успокоился. Саванна казалась теперь совсем не страшной.

Время не торопило, и Иван решил не мешать Сану. Пусть полюбуется родной степью в последний раз.

А Сан глядел в сумеречные дали, где лоснились под лунной степные волны. Иван немало удивился бы, узнав, что мальчик различает множество звуков там, где вроде бы царит полная тишина. Шелестели метелки трав, слабо пискнула мышь, вдали, басовито гудя, пролетели ночные жуки.

И вдруг... От неожиданности Иван даже присел. Взбалмошный одинокий перепел, затерявшийся в низине под холмом, запоздало и громко отстучал: «Спать-пора! Спать-пора!»

Сан хихикнул, заметив, как вздрогнул могущественный колдун. Иван улыбнулся и притянул мальчика к себе.

— А сейчас на Гору Духов. Со мной бояться нечего.

Сан уверенно зашагал рядом с добрым колдуном. Шли около часа. Временами тонули в черных оврагах и травах, потом снова поднимались на холмы. И тогда спины их серебрились под ливнем лунных лучей.

Однако на Горе Духов Сан оробел. А когда увидел каменные изваяния, похожие на черные человеческие фигуры, во рту у него пересохло от волнения.

— Духи Фао, — прошептал мальчик.

— Не духи, — попытался просветить его Иван. — Это просто камни. Никаких духов нет.

Мальчик непонимающе посмотрел на попутчика. Как нет духов? «Нелегко будет оту-

чить его от суеверий, если это вообще возможно, — пожал плечами Иван. — А впрочем, не моя это забота. Мое дело — доставить мальчика».

Но как — доставить? Не хотелось оглушать малыша из пульсатора, а потом обмякшего втискивать в кабину. А может, он сам согласится?

— Сан, хочешь в другое племя?

— В другое? К дагорам?

— Нет, совсем в другое. Там живут добрые и сильные люди.

Мальчик неуверенно кивнул.

— И останешься у нас насовсем. Будешь жить у нас.

Сан не понял: насовсем? А как же мать и сестренка? А Хромой Гун? Он вспомнил свою землянку, тепло и уют родного очага и сказал:

— Хочу в свое племя.

Попытка не удалась. Иван особенно и не рассчитывал на успех. Глядя, как озябший мальчик кутается в шкуры, предложил погреться у костра.

Сан натаскал сухих веток и сложил их там, где раньше Ленивый Фао разводил свой священный костер. Потом завертел головой в поисках камней, чтобы высечь огонь.

Иван нацелил на кучу хвороста пульсатор. Мальчик, присев, внимательно следил за каждым его движением.

— Хочешь сам зажечь костер? — Сан протянул руку к колдовской палочке, но тут же отдернул ее. — Держи, держи, не бойся! Держи вот так. А теперь нажми вот этот сучок, — Иван указал на красную кнопку.

Мальчик так и сделал. Из палочки скользнул яркий язычок пламени. Сан выронил пульсатор и отскочил в сторону. Но когда костер разгорелся, подсел к нему, улыбаясь: палочка колдуна подчинилась ему!

«Какой дикарь», — думал между тем Иван, глядя на мальчика, на его желтые зубы и потрескавшиеся губы, растянутые в довольной ухмылке. Засаленные волосы неопределенного цвета спутанными космами прикрывали худые, изрядно поцарапанные щеки. Несколько примирял Ивана лишь нос малыша — острый, забавно вытянутый вперед и словно выражающий неумное любопытство. Носом своим Сан напоминал героя какой-то детской сказки. Но какой — Иван так и не вспомнил.

Глаза Сана весело щурились. Он вскочил и начал плясать вокруг огня, высоко вскидывая худые крепкие ноги. Шкуры болтались, а из широко разинутого рта мальчика неслись гортанные, с хриплым придыханием, возгласы:

— У-о-ха! У-о-ха!

«Что будет делать у нас этот дикарь? — хмурился Иван. — Служить живым ископаемым?»

Утомившись, Сан снова присел к огню. Пристальный и задумчивый, он пристально смотрел в

затухающие угли, в которых проплывали зеленые, оранжевые, голубые раскаленные краски.

Когда крестер совсем погас, Иван сказал:

— Нам пора, Сан. Идем.

— Куда? — вздрогнул мальчик.

— В другое племя.

— Хочу в свое стойбище.

— Хорошо, — торопливо заговорил Яснов. —

Но сначала покажу тебе одну пещеру.

Иван взял малыша за руку и повел мимо темных каменных истуканов. Мальчик опасливо озирался на духов Фао.

Спустились в седловину. Среди редко раставленных берез показались скалы. Бока их ярко белели в лунном сиянии. Иван подвел мальчика к крайней скале и сказал:

— Сейчас здесь откроется пещера.

Одной рукой он держал мальчика, а другой нащупывал в скале шероховатый выступ-кнопку.

Сан непонимающе смотрел на гранитную стену: никакой пещеры не было. И вдруг стена раскололась, образовался темный провал. Мальчик отшатнулся. Иван втянул его в «пещеру», усадил в кресло перед пультом. Вход в кабину бесшумно замкнулся. В тот же миг засветились многоцветные огоньки пульта, и начался бег сквозь столетия.

Переход из ареала длился пятнадцать минут. Все это время Сан, сжавшись в кресле, оцепенело глядел, как на стене извиваются красные и зеленые змеи, а на доске перед ним мелькают огненные изогнутые палочки-цифры.

Когда цифры на темпоральной шкале замерли на нуле, стена разомкнулась, и в «пещеру» хлынул яркий свет.

— С благополучным возвращением, — услышал Яснов голос Октавиана и увидел его полное улыбающееся лицо.

Иван взглянул на внезапно поникшего в кресле Сана и встревоженно спросил:

— Что с ним?

— Обычный хроношок. То же было и с тобой. Там.

Сан пошевелился, встал и вышел из кабины с широко открытыми глазами. Слегка пошатываясь, он брел наугад.

«Какой же он грязный!» — мысленно воскликнул Иван. Только сейчас, при ярком свете искусственного солнца, он по-настоящему разглядел мальчика, большие, в цыпках и ссадинах, ступни его ног, мозолистые руки, худое остроносое лицо. В спутанных грязно-пепельных волосах и по засаленной оленьей шкуре ползали насекомые.

Подплыла платформа с людьми в белых халатах. Они дали Сану что-то понюхать, а затем мгновенно уснувшего мальчика увезли с собой...

Утром следующего дня Иван был уже дома, в Байкалграде. Он прошелся по залитым сол-

нцем комнатам, в библиотеке надолго остановился у книжных полок. Прославленный космопроходец — а теперь уже и времяпроходец — Иван Яснов с увлечением коллекционировал старинные, еще на бумаге отпечатанные книги.

К своему удовольствию, он обнаружил новое приобретение — редчайшую книгу древнеримского императора и философа Марка Аврелия «К самому себе». Раскрыл ее и стоя углубился в чтение. Опомнившись, положил на стол, мысленно похвалил своего порученца-робота: «Молодец. Обменял у кого-то. Или... Или украл?»

Домашние киберпорученцы у коллекционеров, увы, повально страдали древним недугом. Незаметно похитить редкую книгу, марку или монету не считалось среди коллекционеров зазорным, если это делал робот. У многих такая ловкость вызывала даже улыбку. Но с некоторых пор Ивану это перестало нравиться.

Он подошел к полке и увидел, что три книги, отложенные для обмена, лежат на месте. Все-таки украл! «Жулик, — нахмурился Иван. — Сейчас я ему задам...»

— Афанасий! — громко крикнул он.

В дверях возник Афанасий — биоэлектронный детина в комбинезоне, стройный, сложенный, как античный бог. Домашних роботов можно было узнать в толпе людей лишь по наивно-туповатым физиономиям, по эталонным, утрированно-правильным чертам лица.

Глянув на книжную полку, Афанасий понял, что предстоит нагоняй, и тотчас изобразил застигнутого на месте нашкодившего школьника. Блудливо ухмыльнулся, воровато спрятал глаза.

— Ладно уж, иди, — рассмеялся Иван. — И поставь завтрак.

Порученец шумно вздохнул и удалился в кухню.

После завтрака Иван зашел к Октавиану Крассу. Жил тот рядом, в таком же одноэтажном коттедже.

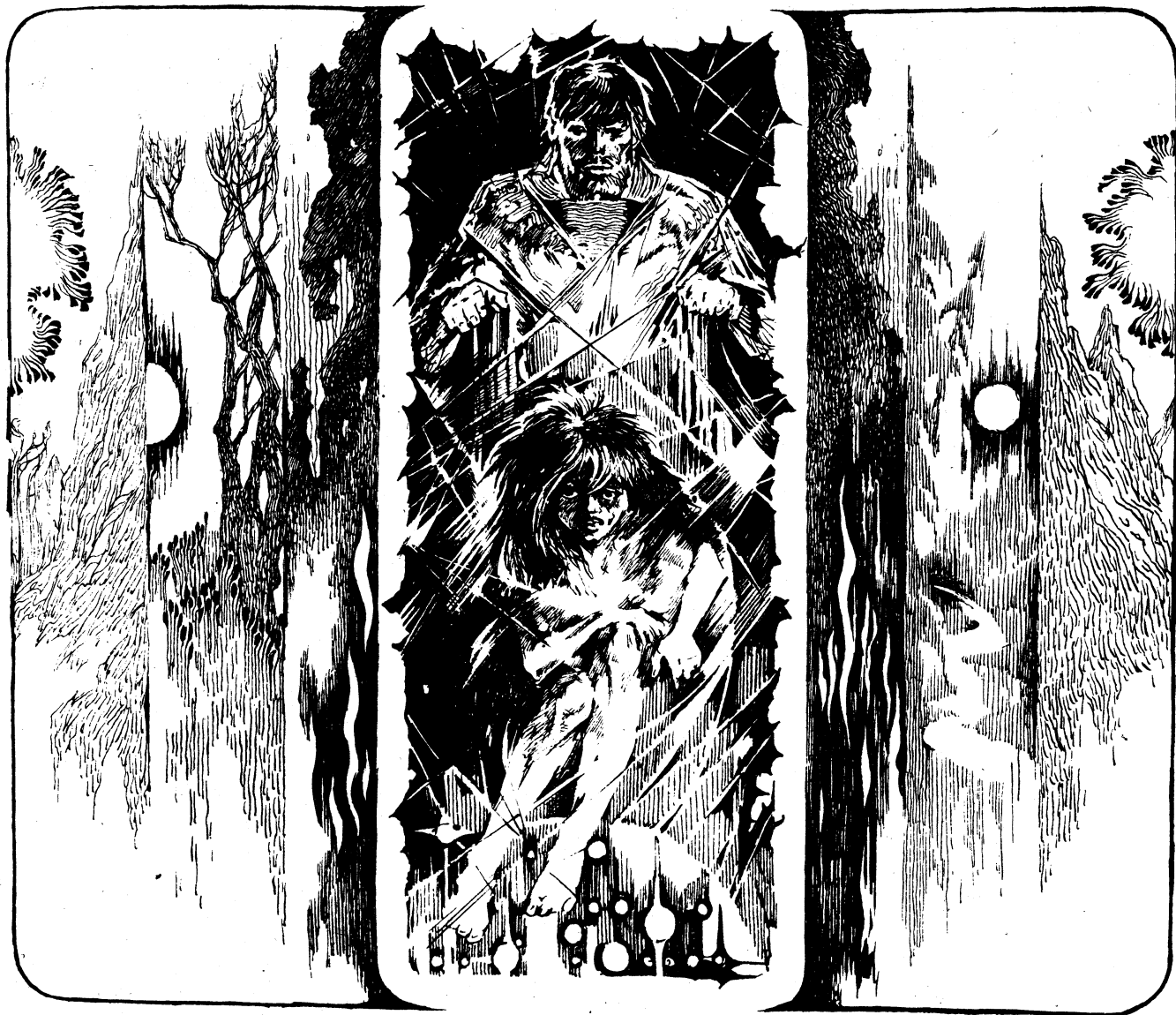
— Ну как мальчик? — спросил Иван.

— В терапевтическом и учебном сне, под перекрестным облучением, — охотно рассказывал Октавиан. — Залечивает раны, ссадины, порезы, а его мозг впитывает знания о нашем мире. Очнувшись, Сан будет знать наш язык, быстро освоится с предметами быта и даже летательными машинами.

— Ну-ну, — Иван недоверчиво пожал плечами.

— Не усмехайся. В его веке процесс антропогенеза, становления человека, давно закончился. Биологически, по нервной организации Сан такой же, как и ты, как любой из нас.

— Знаю, что он кроманьонец. Ну а психическая структура? Окостеневшие нейронные связи в мозгу? Вера в духов и прочие суеверия? Мне искренне жаль малыша.

— Через полгода ты его не узнаешь, — обещал Октавиан.

Они расстались, не убедив друг друга. Октавиан улетел в институт времени «Хронос», а Яснов — на космодром, где модернизировался его корабль «Призрак».

Во второй половине дня Иван вернулся домой. Вот здесь-то, в его необычном кабинете, и начиналась настоящая работа. Нажим кнопки, и перед столом, похожим на пульт управления, разворачивался экран. Не выходя из кабинета, Иван мог консультироваться с любыми специалистами, «присутствовать» на их заседаниях, принимать участие в спорах. Нажим другой кнопки — и земной мир исчезал. Перед столом-пультом распахивалась бездна, населенная легионами солнц, кометами, темными и светящимися туманностями, спиральями галактик...

...За вечерними занятиями, телевстречами с учеными проходили дни, а Иван ни разу не наведился в «Хронос», хотя институт времени находился не так уж далеко — всего в десяти тысячах километров над Землей. Там, в космосе, под гигантским куполом горело искусственное солнце, на полях цвели травы, звенели листвою деревья, в их дуплах и ветвях гнездились птицы. Среди ландшафтов, ничем не отличающихся от земных, располагались жилые помещения, энергетические установки и лаборатории, а на холме стояла первая в истории машина времени — «Скала».

Смешанное чувство испытывал Иван — желание повидать мальчика и какую-то неловкость перед ним, даже вину.

Сан находился в «Хроносе» уже второй месяц.

Оптимистическое предсказание Октавиана не оправдалось. Из лечебно-учебного сна мальчик вышел чужаком. Он дичился, испуганно смотрел на людей, убежал в рощи, а первые три ночи вообще спал на деревьях.

Несколько обнадежила Ивана воспитательница мальчика Лиана Павловна, выступившая по телевидению. Невысокая худенькая женщина с добрым лицом сообщила землянам: Сан не совсем четко, но уже понимает, что он в «другом племени», которое живет в той же саванне, однако в ином времени, в далеком завтра. Как ни странно, а течение времени мальчик понимает почти правильно. И это считалось большой победой. Сан почти освоился с бытовой техникой, свободно говорит на всепланетном языке. Здесь Лиана Павловна столкнулась с трудностями, которые Иван предвидел. Если в комнате, где много стульев, мальчику сказать: «Сан, принеси стул», — то он остановится в недоумении — какой именно стул? Сан еще не понимает, что имеется здесь в виду не единственный, конкретный стул, а стул вообще, любой стул.

Конкретность мышления первобытного человека Иван считал рубежом вряд ли преодолимым.

Однако уже на другой день Октавиан заявил:

— Все в порядке. Наш Сан скоро станет Гегелем. Он уже овладевает абстрактным мышлением.

— Чего доброго, вы сделаете мальчика идеалистом, — пошутил Иван.

— Такой опасности нет. Психogramмы показывают...

— Хорошо, хорошо! Верю. Но не поверю, что вам удастся так же легко разделаться с духами.

— Да он смеется над ними! — воскликнул Октавиан. — Над духами и особенно над суевериями! И над колдунами тоже. Сан прекрасно понимает, что спас его не колдун Ван, а просто дядя Ван.

— Помнит меня? — с улыбкой спросил Иван.

— Еще как! Он знает, что ты коренной житель нового племени и сейчас где-то рядом. И в то же время ты такой же, как его соплеменники. Мы исследуем его сны. Они пестрят картинами древнего мира и... твоей персоной. Да, да! Не удивляйся! Для него ты почти такой же древний житель, как и он сам. Во сне он чаще всего видит хромого мастера из пещеры и тебя.

— Спасибо.

— Не усмехайся. Для мальчика ты многое значишь. Здесь все чужие для него, кроме тебя. С твоей помощью Сан быстрее бы привык к новому миру...

Прошло еще несколько дней. Наступило время, когда сочли возможным познакомиться с мальчиком землян — по телевидению начались ко-

роткие ежедневные передачи из «Хроноса».

Как-то Иван включил экран. Одна из стен гостиной распахнулась в зеленую даль, помещение наполнилось птичьими свистами, запахами трав. Справа шумела листвою березовая роща. Вот оттуда и вышла на поляну Лиана Павловна с мальчиком. Что-то объясняя, она показала рукой на небо, где сияло искусственное солнце «Хроноса». Сан задрал голову, и первое, что отметил в нем Иван, — красивые светло-золотистые волосы, уложенные в модную прическу. Это так возмутило Ивана, что он погасил экран, связался с Октавианом и насмешливо спросил:

— Вы начали красить мальчика? Делаете из него красивенький манекен?

— Ты имеешь в виду волосы? — улыбнулся Октавиан. — Но это их естественный цвет. Мы лишь отмыли их как следует. А прическа... Переменим. Ты лучше обрати внимание на одежду.

Иван снова включил экран и нашел, что в «Хроносе» поступили остроумно. Сан одет был в тунику, отделанную у колен и на коротких рукавах искусственным оленьим мехом. Туника недавно вышла из моды. Но она очень шла мальчику, а главное — привыкать к ней ему не приходилось. Можно было подумать, что Сан не вылезал из оленьей шкуры, сшитой в землянке матерью. Широкий пояс подчеркивал стройную фигуру мальчика, но ходил он еще, как охотник в саванне, — крадучись и чуть сгорбившись.

Сан повернулся лицом к зрителям. Мальчик пополнел и выглядел уже не худым, а просто в меру худощавым. На гладкой коже, хранившей еще теплый загар первобытной прерии, не было ни малейших царапин и ссадин.

Но выражение лица Ивану не нравилось. Сан будто закаменел в вечном испуге. Слушал он Лиану Павловну хмуро, не очень внимательно, и даже слегка вздернутый нос, выражавший ранее веселое любопытство, казался сиротливым и унылым.

«Бедный малыш», — вздохнул Иван.

Утром в саду он встретил Октавиана и заявил:

— С мальчиком что-то неладное.

— Мальчик как мальчик, — возразил глава «Хроноса».

— Я-то лучше знаю, каким он был в саванне!

— Давай-ка отправимся к нему вместе? Там и разберемся...

Вскоре друзья были в «Хроносе». Они вошли под исполинский купол, имитирующий сейчас утреннее небо. «Хронос» разворачивал свою сказочную феерию. Из-за горизонта выплывало жаркое солнце, ощупывая тугие бока кучевых облаков, сотканых из вихревых фотонных волноков.

Луга и сады «Хроноса» были великолепны. Иван шагал по самой настоящей живой траве, в чашечках полевых цветов уже копошились про-

снувшие пчелы. Друзья миновали прохладную рощу и на опушке ее увидели Сана и Лиану Павловну. Они сидели перед наклоненным столиком, связанным теленитью с центральным хранилищем Знаний и Книг. На столе выплывали из пустоты страницы какой-то детской книги и, прочитанные, уплывали в ничто — в свои далекие микроскопические гнезда. Мальчик читал довольно быстро. Но, видимо, не очень внимательно, механически. Слегка оживлялся он, когда появлялись движущиеся картинки — иллюстрации.

При смене страниц Сан вздрагивал. Желая пощупать светостраницу, протянул руку. Пальцы вошли в пустоту и наткнулись на гладкую поверхность стола. Мальчик с испугом отдернул руку. Он никак не мог понять — есть ли страницы на самом деле?

— Сан, вот и твой спаситель, — сказала Лиана Павловна, заметив вышедших из рощи друзей. Мальчик обернулся, и хмурые глаза его засветились.

— Дядя Ван!

— Узнаешь колдуна? — улыбнулся Иван.

Сан засмеялся, подбежал и вдруг начал скакать вокруг Ивана. Смеясь и подпрыгивая, он кричал:

— Дядя Ван! Колдун Ван!

И такой радостью звенел его мальчишеский голос, что в груди Ивана что-то дрогнуло. Он погладил малыша по голове и неожиданно для себя самого предложил:

— Сан, хочешь переселиться ко мне?

— Как? Насовсем?

— Насовсем.

— Хочу!

— Хорошая мысль, — поддержала Ивана Лиана Павловна. — У Сана будет свой дом. Но все же, Сан, не забывай меня. Нам еще многое надо узнать.

Мальчик из саванны

К приятному удивлению Яснова, перелет на «ласточке» мальчик перенес вполне нормально. Первые минуты он с замороженным испугом смотрел, как за прозрачной кабиной сверкают разноцветные искры. Вскоре сведения, заложенные во сне, всплыли в памяти, и Сан начал «узнавать».

— Звезды? — спросил он. — Межпланетное пространство?

— Точно! — весело отозвался Иван.

Но вот «ласточка», развернув косые крылья, вошла в атмосферу и нырнула под облака. Мальчик с изумлением уставился на невиданных размеров зеленую гору, нависшую над берегом огромного озера. Она парила в воздухе легче пухинки! «Вспомнит или нет? — гадал

Иван. — Он же видел во сне подобные горы с улицами и парками».

— Город, — не очень уверенно проговорил Сан.

— Верно! — Ивану начала доставлять удовольствие роль гида.

Вскоре «ласточка» уже стояла на взлетной площадке перед одноэтажным голубым домом с круглыми окнами и плоской крышей.

— Вот и наша землянка, — улыбнулся Иван. — Но сначала осмотрим сад, бассейн и волновой душ.

Сад мальчику понравился, особенно высокий старый тополь, в многочисленных дуплах которого и в густых ветвях гнездились, мирно уживаясь, скворцы, синицы, воробьи. Тополь беспрерывно звенел птичьими голосами.

— Струнный оркестр, а не дерево, — усмехнулся Иван. — Вижу, нравится тебе тополь? Окно моей спальни как раз выходит сюда. Дарю тебе ее, а сам устроюсь в другой комнате.

Иван познакомил мальчика с библиотекой и гостиной, со своим рабочим кабинетом.

— А сейчас, кажется, пора перекусить, — решил он и громко крикнул: — Обедать!

В дверях появился порученец и застыл в картинной позе. Сан вздрогнул, трусливо спрятавшись за спину Ивана. Пойди разберись — живые они или мертвые, эти подобию человека?

Иван погладил Сана по плечу, успокаивая:

— Не бойся, малыш! Они, конечно, не такие, как мы с тобой. И в то же время не совсем мертвые вещи. Даже стараются походить на нас, приобретая наши манеры, смешные привычки. В некоторых домах становятся чуть ли не членами семейства, им дают вместо коротких кличек давно устаревшие имена — Спиридон, Никифор, Евдоким. Моего зовут Афанасием.

— Так точно! — отозвался тот и прищелкнул каблучками. Обут он был в крепкие, удобные для работы в саду ботинки, и щелчок поэтому получился отменный.

На губах Сана вздрогнула улыбка, и он несмело выглянул из-за спины Ивана. Любопытство мальчика возросло, когда Иван с преувеличенным огорчением стал жаловаться, что Афанасий, как и порученцы многих коллекционеров, — изрядный плут и воришка.

— Признайся, Афанасий, книгу Марка Аврелия ты не обменял, а у кого-то украл.

— Украл, — Афанасий виновато потупил голову.

— Я не спрашиваю, у кого украл. Очень уж не хочется возвращать. Но чтобы это было в последний раз!

— Слушаюсь, хозяин.

— А сейчас приготовь обед. На двоих.

За столом Сан сидел не шелохнувшись и не притронулся к еде до тех пор, пока Афанасий не ушел.

После обеда Иван улетел на космодром. Сан погулял по саду, потом долго играл в комнатах с молодой кошкой, которой очень подходило ее имя — Чернышка.

Под вечер вернулся Иван и приступил к работе в своем кабинете. Сан тихонько пристроился сзади и зачарованно следил, как перед столом в глубокой космической тьме шевелятся звезды, планеты, пролетают голубые хвостатые кометы. Потом на столе начали скакать, обгоняя друг друга, светящиеся цифры и формулы.

В одиннадцать часов Иван отвел Сана в спальню.

— Я еще поработаю, а тебе пора спать. Не стесняйся. Устраивайся поудобнее.

Однако разрешение «устраиваться поудобнее» Сан воспринял слишком буквально. Час спустя Иван обнаружил: кровать пуста, мальчик с одеялом исчез.

«На дерево шмыгнул, сорванец», — решил Иван и выглянул в окно, надеясь на ветвях тополя увидеть гнездо из одеяла и листьев. Но тут из-под койки послышался шорох. Иван наклонился и чуть не рассмеялся: мальчик спал, завернувшись в одеяло, как в звериную шкуру. Будить его Яснов не стал. Пожалел. Тем более, что поверх одеяла уютно расположилась Чернышка.

За завтраком Иван подтрунивал над мальчиком, с напыщенным восторгом расхваливая его манеру спать под койкой. На Сана, чуткого к иронии и юмору, подшучивания и колкости дяди Вана подействовали куда сильнее, чем мягкие наставления Лианы Павловны. С тех пор он спал только в кровати.

Забирая Сана по утрам, днем глава «Хроноса» возвращал его домой и рассказывал об успехах. Были они, увы, довольно скромными. Надежды Октавиана на то, что Сан «станет Гегелем», оказались неосновательными: к абстрактным наукам мальчик не имел никакой склонности.

Но в биологии, экологии, истории и литературе Сан даже обгонял своих одноклассников, учившихся в нормальной школе. Многие мифы, сказки, легенды прошлых времен, стихи современных поэтов он не только знал наизусть, но правильно и чутко по-своему толковал. Свообразно относился Сан и к духам своего племени. Он уже не верил в них, и в то же время ему грустно было расставаться с ними. Духи, даже злые, оставались для него близкими и понятными существами. Однако мальчик без малейшей жалости смеялся над колдунами и особенно над суевериями своих соплеменников. С улыбкой рассказывал он случаи, когда охотники, ушедшие в саванну на промысел, тут же вернулись встревоженные и хмурые. Сразу за стойбищем дорогу им перебежал шакал, а это считалось дурным знаком.

Если бы Сану ставили оценку за поведение, она неизменно была бы отличной. Он был послушен, усвоил хорошие манеры и даже сам подмечал у своих старших наставников кое-какие ненужные привычки. Когда Иван, споткнувшись в вычислениях, рассеянно почесывал затылок, Сан прикрывал рот и тихонько смеялся.

В институте времени Сан получил наконец доступ к хроноэкрану. Мальчик уже понимал, что видит события далекого прошлого. Видел Сан и фильм, запечатлевший его собственное спасение и все, что ему предшествовало. Он с волнением следил, как дядя Ван, подобно Лаокоону, сражался с удавом. Знал мальчик и о том, что его спасителю крепко досталось в саванне от охотников, принявших его сначала за человека другого племени, а потом за духа болот. Отвечая на добродушные колкости Ивана, он смеясь называл его Лаокооном, колдуном и даже Урхом.

Однажды Сан вернулся из «Хроноса» с Лианой Павловной.

— Мальчик все время среди взрослых, — сказала она Яснову. — Почти не видит ребят. Это хорошо?

— Плохо, — согласился Иван. — Я познакомлю его с такими же десятилетними сорванцами.

Однако первая попытка приобщить Сана к кругу сверстников закончилась весьма плачевно.

Сначала все шло хорошо. Яснов привел Сана на расположенную поблизости детскую спортплощадку.

— Мальчик из саванны! — весело кричали ребята, не раз видевшие Сана по телевизору. — Мальчик из каменного века!

Сан настороженно посматривал на сверстников, обступивших его со всех сторон. В любую минуту он готов был дать отпор. Но ребята были так простодушно приветливы, что Сан оттаял и вскоре с интересом наблюдал за игрой в городки. В дни праздников ребятишки его племени развлекались игрой, отдаленно напоминавшей эту, только вместо деревянных чурок-рюх пользовались костями животных.

Сан попробовал играть в городки и сначала выглядел неловким, но потом дело пошло лучше. «Все в порядке», — решил Иван и покинул спортплощадку. Однако через полчаса к нему привели Сана, плачущего и жалкого.

Во время игры Сан нечаянно наступил на ногу Антону, сыну Октавиана, и тот вскрикнул от боли.

— Осторожнее, первобытный!

Сан вздрогнул, как от удара. Он уже понимал, какой обидный смысл вкладывают иногда в это слово. Гнев захлестнул ему глаза, в груди закипела полузабытая древняя ярость. Сжимая кулаки, Сан надвигался с потемневшим лицом. Антон отступал и, защищаясь, вытягивал руки вперед.

— Но-но, не подходи...

Но Сан уже не мог сдержать себя. Лево́й рукой он сделал ложный выпад вниз. Антон прикрыл живот руками и в тот же миг получил в лицо недетской силы удар. Антон упал и выплюнул выбитый зуб. Из носа его брызнула кровь.

Сан отшатнулся. Он вдруг вспомнил, где находится, похолодел от ужаса, закрыл лицо руками и заплакал.

В таком виде он и предстал перед своим старшим другом.

— Ну, Сан, с тобой не соскучишься, — проворчал тот. — Напрасно я с тобой связался.

От этих слов Сан на миг перестал плакать, с тоской посмотрел на Ивана, а потом зарыдал пуце прежнего.

«Что я сказал?! — тотчас одумался Иван. — Как я мог такое сказать? Ведь это же вселенский сирота...»

Ивану хотелось встать на колени, прижать мальчика к груди и просить прощения. Но такие нежности уже не годились в их мужских, шутиливо-приятельских отношениях. К случившемуся надо бы отнестись с юмором...

— Как же так получилось? — произнес Иван с хорошо разыгранным огорчением. — Неужели ты такой слабосильный? Всего два зуба выбил. Даже один, говоришь? Какая неудача!

Сан перестал плакать и с изумлением уставился на раздосадованного дядю Вану.

— Разве так надо было? — продолжал сокрушаться Иван. — Ты нанес прямой удар, а надо было треснуть сбоку и с размаха. Вот так. Тогда бы с десяток зубов выбил. А ты с трудом выколотил лишь один. Позор! Какой позор!

Сан начал догадываться: дядя Ван шутит! Губы мальчика изогнулись в невольной улыбке. Он не сдержался и хохотнул. Иван тоже рассмеялся и потрепал мальчика по плечу.

— А как же Антон? — вспомнил Сан. — Что с Антоном?

— Думаю, что все в порядке. Наша медицина творит чудеса. Постой-ка! Знаешь, что такое видеопосещение? Вижу, знаешь. Вот и отправимся-ка мы к Антону... Контакт! — четко произнес Иван.

Тотчас на него и мальчика с потолка мягко упало клубящееся облако. Сначала Сан ничего не видел, но вот его взрослый друг назвал какие-то цифры, туман рассеялся. И Сан очутился в необычной овальной комнате с куполообразным потолком. В дверях ее стоял Антон. На его лице не было никаких следов от недавнего удара. Увидев посетителей, Антон улыбнулся. Сан с облегчением заметил, что и с зубами все в порядке. Он хотел сказать об этом, но его опередил Антон.

— Сан, извини меня. Я виноват перед тобой. Извини.

Сан опешил: побитый им мальчик просит прощения!

— Извинение принимаем и приносим свои, — с шутиливой важностью ответил Иван. — Приходи к нам. Будем рады.

После этого случая Иван почувствовал растущую привязанность Сана и отвечал тем, что охотно вступал с ним в игры, служившие, кстати, хорошей разминкой после утомительных расчетов. Иван гасил бутафорскую Вселенную, вставал с кресла и потягивался. Сан, имея в виду помигивающий огоньками волшебный стол, говорил с улыбкой:

— Колдун Ван.

— Сейчас я не колдун, а злой Урх, — строго поправлял Иван.

Он надвигался на Сана со свирепым выражением лица, и тот с визгом и хохотом выскакивал в гостиную, убежал в сад. Иван прыжками наступал на него, теснил к бассейну. Казалось, вот-вот он столкнет мальчика в воду. Но тот, гибкий и юркий, как ящерица, выскальзывал из рук, прятался за кустами. Потом с ловкостью кошки вскакивал на дерево и дразнил «духа болот».

— Урх! Коварный Урх! Не поймал!

Запыхавшийся Иван возвращался в кабинет и включал звездную сферу. Сзади снова пристраивался Сан.

Сан избегал сверстников, предпочитая общество взрослых. Только с Антоном завязалась странная дружба — такая взаимно учитывающая, что невольно вызывала улыбку у Ивана.

По утрам маленькие друзья встречались в саду и тихо беседовали. При этом Антон тщательно выбирал слова, стараясь не задеть ими обидчивого мальчика из древней саванны. Тот, в свою очередь, избегал резких движений, был предупредителен и вежлив.

— Хочешь, научу летать на «ласточке»? — предложил как-то Антон. — Это очень просто.

Сан сел рядом с Антоном. На высоте двух-трех километров он чувствовал себя сносно. Даже Антон удивился, как быстро Сан освоился с пультом. Но в космосе тот струхнул, и управление взял на себя Антон.

К «ласточке» Сан так и не привык, но зато другой летательный аппарат — «лебедь» — любил сразу.

Антон нажал кнопку под словом «лебедь», и на посадочной площадке неожиданно появилось... яйцо! Самое обыкновенное лебединое яйцо, какие Сан часто находил на озерах родной саванны, в камышовых заливах Большой реки.

— Удивлен? — улыбнулся Антон. — Возьми его в руки. Чувствуешь, какое легкое? Почти пушинка. А на самом деле яичко весит несколько тонн. Его сжатая масса уравновешена с полем тяготения Земли.

— А где летающая машина? — спросил Сан, поглаживая яйцо.

— У тебя в руке! — рассмеялся Антон и стал объяснять: — «Лебедь» удобен во время прогулок и туристских походов. Захотел вернуться домой — пожалуйста. Вытаскивай из кармана яйцо, бросай на траву и приказывай развернуться в машину. Посадку он может совершить где угодно — на земле и воде, на дереве и скале. Но до чего тихходная машина! Не больше пятисот километров в час. И летает только в атмосфере. Да вот смотри! Какие-то туристы возвращаются в город.

Сан поднял голову и в глубокой синеве заметил цепочку снежинок. Сверкая под солнцем, они замедляли полет, снижались, и вскоре можно было различить вытянутые гибкие шеи и крылья. У Сана закружилась голова, в памяти всколыхнулся рой далеких видений. Белые птицы! Он будто очутился в саванне, увидел в родном небе лебединую стаю, услышал тревожные весенние крики. Но все это длилось лишь миг. Сан вздохнул и опустил голову.

— Что с тобой? — Антону захотелось расшевелить погрустневшего друга. — Брось яйцо на посадочную площадку.

— Зачем?

— Бросай, — улыбнулся Антон. — Оно не разобьется.

Сан бережно положил яйцо и отошел в сторону.

— А теперь, — Антон понизил голос до шепота, — прикажи яйцу: развернись!

— Развернись...

— Да не шепотом, а громче.

— Развернись!

Сан изумленно замер. Яйцо на посадочной площадке треснуло, выснулась слабая шейка с желтой головой, по бокам появились крылышки... Вскоре перед Саном на длинных голенастых лапах стояла, грациозно изогнув шею, большая белоснежная птица. Это был лебедь, самый настоящий, но увеличенный во много раз.

— Здорово? — спрашивал Антон. — А теперь подойдем.

Сан приблизился, пощупал крупные шелковистые перья. «Лебедь» повернул голову и посмотрел на Сана, как бы вопрошая: что мальчику нужно?

— Присядь, — приказал Антон, и птица повиновалась.

Сан последовал примеру друга и взобрался на ее спину, где оказалось углубление с двумя креслами. Мальчики сели, над ними выросла сидовая полусфера. Сан пощупал ее невидимые стенки и только сейчас осознал, что это не птица, а летательный аппарат.

— А пульт? — спросил Сан.

— Он не нужен. Машина принимает словесные команды.

По команде «Взлет» птица, издав лебединый крик «нга-га-га», мягко и сильно оттолкнулась ногами, взмахнула крыльями и поднялась в воздух.

Никогда еще Сану не было так хорошо. С застывшей счастливой улыбкой он слушал веселый посвист ветра, рассматривал пронесившиеся внизу парки с белыми дворцами, голубые арки и серые гранитные набережные. После нескольких сильных взмахов «лебедь» расправил свои необъятные, как паруса, крылья и планировал.

Но вот прогулка закончилась, и друзья снова стояли на посадочной площадке. Рядом, ожидая очередного приказа, переминалась на ногах большая седая птица. Антон подмигнул Сану, и тот, помедлив, скомандовал:

— Свернись!

Мгновение ока, и на посадочной площадке вместо воздушного аппарата белело обыкновенное лебединое яйцо.

— Нравится яичко? — смеялся Антон. — Бери его насовсем.

Сан так и поступил. Он положил яйцо в карман коротких брюк (от туники мальчик стал отвыкать) и не расставался с ним никогда. Даже ложась спать прятал его под подушку.

Но удивительный полет на «лебедь» всколыхнул глубины души, растревожил Сана. По ночам он снова видел ушедшую в туман веков родину. Ему снились берега Большой реки и в щемящей голубизне неба — птицы, птицы без конца. Гуси, лебеди, журавли стаями плыли в саванну, в их весенних криках слышалось что-то печальное и радостное одновременно. В снах своих мальчик был счастлив, и улыбка не сходила с его губ.

Просыпался Сан, и гасла улыбка. Его окружал иной мир — добрый, но непонятный и чужой.

— Мальчик начинает тосковать, — сказала как-то Яснову Лиана Павловна. — Прошло полгода, а он еще не наш.

— Верно, — согласился Иван. — Еще не наш.

— К нашему миру Сан почти привык, — возражал Октавиан. — Видели бы, как он лихо летает на «лебедь». Считаю, что психологическая сыставка с эпохой у него состоялась.

Ближе к осени, где-то в конце сентября, даже Октавиан заметил, что как раз с «психологической сыстиковкой» не все ладно. Мальчик становился рассеянным, угрюмым, на шутки дяди Вана отвечал слабой вымученной улыбкой.

Сан все реже стоял за спиной Ивана в его волшебном кабинете. Он уходил в сад. Иван видел в окно, как мальчик садился под тополем, и с возрастающей тревогой пытался разгадать, что творится в его душе — в этом, как прозаически выражаются ученые, электромагнитном комплексе колебательных систем. Иван начал понимать: комплекс этот, его ткань и узоры у

мальчика не менее сложны и загадочны, чем у нынешних людей.

Однажды Сан сидел под тополем и рассеянно смотрел в небо. Там, поднимаясь из-за холмистых гор, стремительно неслись холодные серые тучи. Сквозь их тонкую лохматую ткань тусклым желтым пятном пробивалось солнце. Сан так долго глядел на него, что показалось — тучи висят неподвижно, а солнце быстро летит, как высохший осенний лист на ветру.

Сан закрыл глаза. И тут началось самое мучительное — ветер. Он гудел в ушах, а Сан слышал в этих звуках то говор людей своего племени, то плеск Большой реки и шелест трав в саванне... Мальчик всхлипнул. Подошедший Иван тронул его за плечо.

— Сан, что с тобой?

— Ветер...

— Ну и что, чудака? Всего лишь ветер!

Но ветер, врывающийся в город из прибайкальских просторов, казался Сану ветром из глубины веков. Родные ветры терзали его душу. Они словно касались ее невидимых струн, этих во многом таинственных нейронных контуров, и те звучали, вызывая далекие видения.

По утрам Сан немного оживлялся. Широко открытыми глазами глядел он на встающее дымное солнце, легкая улыбка бродила на губах. И снова Иван думал о человеке как о невероятно сложном комплексе нейронных связей и колебательных систем. Солнце, наверное, поднимало в душе мальчика теплые и радостные электромагнитные токи.

— Ты, Сан, язычник, солнцепоклонник, — посмеивался Иван.

Наступал полдень, Сан снова замыкался, становился неразговорчивым. Опять садился под тополем, закрывал глаза, с мучительным наслаждением вслушивался в заунывные песни ветра.

В конце ноября в тайге зашумели первые метели. Там уже стояли морозы — чуть смягченные синоптиками, но столь привычные и необходимые для растительного и животного мира Сибири.

Жители Байкалграда решили немного продлить у себя сухую теплую осень. В садах и парках еще золотились клены и березы. Но любимый Саном тополь почти лишился листвы, словно ветер сдул с него летнее зеленое облако. Смолкли струнные звуки: улетели скворцы, покинула свое гнездо певунья-иволга.

Сан чаще всего оставался теперь в комнатах, иногда стоял в кабинете за спиной Ивана. На бодрые шутки своего взрослого друга отвечал вялой улыбкой.

В начале декабря город покрылся пухлыми сугробами, на деревьях заискрились хрустали. За окнами слышались звонкие голоса детворы, катавшейся на коньках.

Но ничто не радовало Сана. В эти дни, когда мальчиком, казалось, совсем завладеет глущая тоска по родине, неожиданно пришло спасение. И пришло со стороны... робота! Того самого Афанасия, который вызывал у Сана мистический трепет. Правда, Сан уже чуть меньше страшился человекоподобного. Он теперь не прятался позорно за спину Ивана, а стоял рядом и с пугливым любопытством следил за порученцем. Тот давно заметил, что молодой хозяин боится его. И Афанасий в присутствии мальчика начал вести себя весьма своеобразно. Проходя однажды мимо Сана, прижавшегося к старшему хозяину, он вежливо расшаркался, с изяществом склонил голову и сладким голосом прошепелявил:

— Извините-с.

На губах Сана дрогнула улыбка. Иван погладил малыша по голове и рассмеялся.

— Вот видишь! Афанасий добрый и потешный. Он ворует не только книги, но и забавные привычки. Роботам кажется, что таким образом они приобретают человеческую индивидуальность. Только не пойму, у кого Афанасий набрался слащавой вежливости?

Афанасий молчал, потупившись. Иван заметил, что мальчик хочет что-то сказать по секрету, и наклонил голову.

— Афанасий суеверный,— шепнул ему Сан и хихикнул.

Иван последил за слугой несколько дней и убедился, что наблюдательный мальчик прав. Афанасий никогда не переступал порог левой ногой, он страшился понедельника и чертовой дюжины. Иван догадывался, почему Сан теперь меньше боится робота. Обрастая потешными привычками, тот в глазах мальчика как бы «очеловечивался», становился ближе и понятнее.

Как-то Ивану пришла мысль — создать для Сана обстановку, хоть немного напоминающую ту, к которой мальчик привык в своем веке. Вернувшись домой, он спросил Афанасия:

— Что-нибудь знаешь о медвежьей шкуре?

— Это верхний покров крупного животного, обитающего...

— Правильно,— прервал Иван.— Мне нужно две таких шкуры.

— Необычный заказ,— Афанасий задумчиво почесал затылок.

«Еще одна дурацкая привычка»,— усмехнулся Иван, не подозревая, что эту привычку робот «украл» у своего хозяина.

— Может быть, недра города выполнят заказ?

— Делай, как знаешь. Но через три часа у меня на столе должны лежать две медвежьих шкуры. Изготовлены они будут, конечно, из синтетики, но чтобы ничем не отличались от настоящих.

Вечером Яснов увидел на столе аккуратно

сложенные медвежьи шкуры. Вскоре из «Хроноса» вернулся Сан, задумчивый и тихий.

— Это тебе, Сан,— Иван показал на стол.

Мальчик поднес шкуры к лицу, понюхал, и голова его закружилась от знакомого, давно забытого запаха. Сан обрадовался подарку — такие меха в его племени были только у вождя. Мальчик хотел отнести их в свою спальню.

— Подожди,— остановил его Иван и подмигнул.— Пусть отнесет Афанасий, а мы посмотрим, как он это сделает.

Сан оживился: дядя Ван задумал какую-то шутку.

В гостиной на подоконнике сидела черная кошка. Иван взял ее и сел в другом конце комнаты. Рядом встал мальчик, успокаивая Чернышку. Ей непременно хотелось на свое любимое место — на подоконник.

— Афанасий!

— Слушаю, хозяин,— в дверях возник порученец.

— Ты раздобыл хорошие шкуры. Отнеси их в комнату Сана.

Афанасий взял шкуры и зашагал в спальню. В это время из рук Ивана выскользнула Чернышка, тенью метнулась перед роботом и вскочила на подоконник. Афанасий встал, как вкопанный: дорогу ему перебежала черная кошка!

— О чем задумался? — насмешливо спросил Иван.

Порученец потоптался, но с места не двинулся.

— Хозяин! — воскликнул он.— В шкурах наверняка много пыли. Я вытряхну ее старинным способом.

Афанасий повернулся и выскочил на улицу. Иван и мальчик видели в окно, как он старательно встряхивает шкуры.

— Суеверный! — весело приплясывал Сан.— Я же говорил! Афанасий суеверный, как наши колдуны и охотники!

— Забавно,— смеялся и Иван.— Но никак не пойму, где он нахватался этой дури?

Тайна разъяснилась поздно вечером. Прежде чем лечь, Иван зашел к Сану. Мальчик спал, укрывшись медвежьей шкурой, а из-за неплотно прикрытой двери, ведущей в библиотеку, падал свет. Иван заглянул и увидел, что на полу рядом с нижней полкой сидит Афанасий и читает книгу. А на полке этой, красуясь золочеными корешками, стояли исторические романы, в основном из времен средневековья.

Заметив хозяина, Афанасий вскочил.

— Пополняю запас информации.

— Вижу. И давненько увлекаешься средневековьем?

— Недавно,— обиженно ответил робот, уловив в голосе Ивана иронию. Афанасий был своим нравым и обидчивым созданием.

— Валяй,— милостиво позволил хозяин.— Пополняй запас информации.

Утром Иван решил еще раз спровоцировать Афанасия на нелепый поступок и тем развеселить мальчика. Сан, помня вчерашний эпизод, с интересом посматривал на порученца.

— Афанасий, принеси нам слив,— попросил Иван.— И не такое количество, какое наугад выдаст кухонный автомат, а, скажем...

— Полагаю, что четное число,— подсказал робот.— Вас двое.

— Не обязательно четное. Принеси.... Ну, скажем, тринадцать слив.

Афанасий, собравшийся уже шагнуть в кухню, замер и растерянно заморгал. Губы Сана расплылись в ухмылке, острый носик его уставился на робота с веселым любопытством. Сумеет ли Афанасий на этот раз выкрутиться?

— Ты что окаменел?— спросил Иван.— Или не понял?

— Понял,— уныло ответил Афанасий.

Сан хихикнул.

— Тогда выполняй,— улыбнулся Иван.

Афанасий побрел на кухню и возился там дольше обычного. Однако вернулся с победоносным видом и торжественно поставил на стол тарелку с десятью сливами.

— Я же просил не десять,— напомнил Иван.

Афанасий молча повернулся и принес еще одну тарелку. На ней лежали недостающие три сливы.

Сан был в восторге от находчивости порученца. Хохоча, мальчик приплясывал вокруг него и восклицал:

— Ай да Афанасий! Молодец!

А тот опустил голову, всем своим видом выражая обиду и оскорбленное достоинство. Сан притих, подошел к нему и, к удивлению Ивана, совершенно безбоязненно погладил его по спине.

— Бедный Афанасий,— участливо приговаривал мальчик.— Не обижайся. Мы пошутили.

Так Сан подружился с человекоподобным. С тех пор даже равнодушные роботы «Хроноса» не вызывали у него страха и неприязни.

По вечерам Афанасий присутствовал в звездном кабинете вместе с мальчиком.

— Это хорошо,— сказал Иван.— Иногда он мне здорово помогает. Не думай, Сан, что человекоподобные духовно отстают от нас во всем. Кое в чем и превосходят. Например, объемом знаний. А в вычислениях Афанасий вообще мастак.

И Сан, которому с трудом давалась математика, смотрел на Афанасия, разинув рот от восхищения и зависти: самые головоломные задачи тот щелкал, как орехи.

Несколько дней спустя, погасив поздно вечером звездный экран, Иван обнаружил, что мальчика за спиной нет. «Спит»,— решил Иван,

но постель была пуста, Сан исчез вместе с медвежьими шкурами. Заглянул Иван под койку, но и там мальчика не нашел. Встревожился было, но вспомнил про библиотеку... и с трудом подавил смех. Спиной к двери на прежнем месте сидел Афанасий. Рядом на медвежьей шкуре расположился Сан. Оба читали книги.

Иван незаметно ушел. Но утром, посмеиваясь и подшучивая, сделал Сану наставление.

— Твой железный приятель усталости не знает, а человеку по ночам надо спать.

Впрочем, новому увлечению Сана Иван решил не мешать. Подумал: что, если мальчику с его древней привычкой ко всему конкретному и осязаемому больше полюбятя бумажные книги?

Иван не ошибся. В «Хроносе» мальчика, конечно, давно научили читать. Но читал он не очень внимательно— к телекнигам с их призрачными светостраницами Сан все еще относился с подозрением. А вот книги, отпечатанные на бумаге, ему полюбились сразу. Их можно было пощупать, полистать, даже понюхать. И вдоволь насладиться застывшими картинками.

Иван отвел для чтения определенные часы и спросил:

— Ты хоть все понимаешь?

— Не совсем.

— Вполне объяснимо. Афанасий подсовывает тебе тяжеловесные исторические романы. Сейчас покажу книги, какими я увлекался в твоём возрасте.

Сан увидел четыре большие полки. Здесь находились те неумирающие книги, какими зачитывались дети и подростки на протяжении уже не одной сотни лет.

Вечером Сан взял одну из них. Его привлекло звучное имя автора— Майн, Рид. Мальчик раскрыл книгу с золоченой обложкой, и перед ним словно распахнулись золотые ворота в упоительный мир, полный вольного ветра, шумящих трав и удивительных, захватывающих дух приключений.

Нельзя сказать, что Сану в «Хроносе» не показывали приключенческих фильмов. Сан смотрел сначала с живым интересом, потом вдруг скучнел, зевал, даже жаловался на головную боль. Лиана Павловна и Яснов пришли к одному мнению: мальчик обладает не столь уж частым и, быть может, творчески ценным качеством— самостоятельностью. Иной раз чрезмерной, даже агрессивной самостоятельностью. Насколько Сан был послушен внешне, настолько оказалась упрямой, неподатливой и своенравной его внутренняя жизнь. Если Сан плохо «переваривал» насильственно вкладываемые во сне знания, то к телевизору относился порою вообще нетерпимо. Экран навязывал готовые зрительные и звуковые образы, а с таким диктатом своевольная фантазия мальчика мириться не могла.

Иное дело книги. В них даны только самые живописные детали обстановки и наиболее броские, характерные черты персонажей. И здесь для воображения Сана открывался полный простор, чужие образы: он дополнял своими красками, звуками, запахами. В книгах Майн Рида, Густава Эмара мальчик видел не только североамериканские прерии, но и щемящие дали родной саванны — качающееся море трав, бескрайнее синее небо и... табуны лошадей! А их Сан любил не меньше птиц. Только в книгах лошади уже были приручены и назывались мустангами. Понятными Сану становились и люди — почти такие же охотники и дети природы, как его соплеменники. Они — как когда-то в мечтах Сана! — скакали верхом на лошадях, и ветер, наверное, свистел в их ушах. У мальчика стыли уши и белел кончик носа от волнения, когда герои книг, спасаясь от опасности, мчались на потных мустангах по дикому приволью степей.

Ностальгия

Зима и лето прошли для Сана в каком-то полусне. Мальчик механически ел, по принуждению Ивана спал, по привычке учился в «Хроносе». И учился, как ни странно, куда успешней, чем раньше. Но по-настоящему жил он в мире солнечных пространств и ярких образов, сходящих со страниц Майн Рида и Купера, Стивенсона и Джека Лондона, Вальтера Скотта и Рони-Старшего.

«Через книги мальчик привыкнет к нашему миру», — радовался Иван. Но вот снова наступила осень, и Яснов все чаще замечал Сана под тополем.

Дули прохладные ветры, шумела золотистая осенняя вьюга. Книга вываливалась у мальчика из рук, глаза его невидяще глядели вдаль. Потом Сан закрывал глаза. Он слушал ветер... И снова узнавал в его гуле полузабытые звуки — топот бизоньего стада, сладкий шелест зеленых трав, голоса людей.

«Эолова арфа», — невесело усмехался Иван, понимая, что творится с мальчиком. Ветер, наверное, опять терзал его душу.

В такие минуты Сан забывал образы, навеянные книгами. Другие, мучительно зовущие и неясные образы вытесняли их. Они клубились, колыхались и таяли, как клочья тумана. И снова возникали, уже более четкие... И вдруг однажды Сан увидел родную саванну. Да так ярко, что чуть не вскрикнул. Казалось, стоит протянуть руку, и можно пощупать колоски злаковых трав, недвижно застывших под жгучим полуденным солнцем. Воздух струился влажными испарениями, тишина стояла вокруг. Но вот на горизонте сгустились синие тучи, тени побежали по

саванне, и зашелестел, зазвенел травой проснувшийся ветер...

Незабываемы ощущения первых лет жизни, первых прикосновений к миру! Предгрозовую летнюю саванну Сан видел и вдыхал всеми порами, когда ему, наверное, было года три или четыре. Сейчас он хотел удержать только что возникшую картину, не дать ей уйти, утонуть в прошлом. Но саванна заколыхалась, задрожала, словно отраженная в воде, и затерялась в тумане других неясных видений. Потом туманная кисея разорвалась, и Сан опять очутился «дома» — на сей раз на своем любимом лугу у берегов Большой реки. Это был луг весенний, сверкающий избытком жизни, звеневший птичьими голосами, радующий нежной и клейкой зеленью лозняка. Сан забыл обо всем, он жил в зеленом весеннем дыму, среди трав и цветов, среди гудящих пчел и шмелей. И сладкая истома охватывала его...

Иван чувствовал, что мальчик не только душевно, но чуть ли не физически уходит в свои, одному ему видимые дали. Как переманить его на свою сторону? Чем поразить его богатое и своевольное воображение, чтобы он очнулся и очутился здесь?

Сан перед сном все так же задерживался в кабинете Ивана, следил за его пальцами, прыгавшими по клавишам пульта, за движением небесных тел, за бегом светящихся формул и цифр.

— Понимаешь, чего я хочу добиться? — спросил как-то Иван.

— Летать на «Призраке» во много раз быстрее света. — Ответил Сан правильно. Но как-то скучно. И глаза у него были такие же невеселые и скучные. — Но меня учили, что скорость света — предел.

— Верно. Однако этот закон природы можно обойти с помощью других законов и необычных свойств Вселенной. В следующий раз мой «Призрак» отправится к Полярной звезде. До нее, как ты знаешь, пятьсот тысяч световых лет. А я хочу добраться до нее за год.

— За год?

В глазах Сана засветилось любопытство, смешанное с недоверием. «Клюнуло», — подумал Иван и решил еще больше ошеломить мальчика.

— Да, за год. По пути я буду гасить звезды и совать себе в карман.

— В карман? — изумленно прошептал Сан.

— Ну, не в буквальном смысле, — поправился Иван. — Смотри! — И стал объяснять с помощью звездной сферы.

Вокруг погасшей и провалившейся в бездонную тьму звезды Сан увидел рваное, лоскутное пространство, какие-то вихри и воронки. Вот одна из воронок засасывает в себя «Призрак» и выбрасывает его в другом, точно рассчитанном месте — за сотню тысяч световых лет...

Иван добился своего — на какое-то время повернул работу неумной фантазии мальчика в другую сторону.

Ночами Сану снились звезды — оранжевые, зеленые, синие. По утрам он восторженно смотрел на Ивана и шептал:

— Полярная звезда.

— Хочешь, я привезу тебе в кармане парочку звезд?

Сан смеялся и на шутки дяди Вана отвечал словами:

— Колдун Ван — злой колдун. Он хочет вернуть с неба звезды!

В «Хроносе» Сан теперь часто обращался к Лиане Павловне с просьбой рассказать о звездах и черных дырах. Домой он возвращался, с нетерпением ожидая встречи с дядей Ваном, который обязательно придумает что-нибудь.

Однажды Сан переступил порог своей комнаты и очутился... в ночной саванне! В темно-фиолетовом небе мерцали крупные звезды, а в пяти шагах горел на камнях большой костер. Ошарашенный Сан оглянулся. В дрожащем свете костра он понемногу стал различать кровать, стены и понял, что находится в своей комнате. Только потолок выгнут наподобие небесной сферы, а в стену вделан большой, почти в рост человека камин. Сложенный из камней, он напоминал Сану пещеру.

Радости мальчика не было предела. Он суетился около огня, вбегал в кабинет дяди Вана и благодарил его, снова возвращался. С наслаждением понюхав смолистые сосновые сучья, совал их в костер. Афанасий подносил свежие порции дров.

Сан понимал: хворост выдают таинственные

глубины города. Золу, угли и дым из камина город втягивает в себя, чтобы переработать в механизмы и приборы, в рубашки и вкусные хрустящие хлебцы, снова в дрова... Греясь у камина, Сан пытался наглядно представить, как работают внутри города оплетенные трубами таинственные киберлаборатории. И вдруг увидел город в виде огромного живого существа — то ли кита, то ли осьминога, плавающего на волнах тяготения.

Сана развеселил увиденный им город-осьминог.

А как уютно читалось у камина! Сан брал книги и странствовал из столетия в столетие, шагая по развалинам древних государств, отражая набеги пиратов.

Читал он книги уже по-иному. Его волновали не только образы, но и приходившие неизвестно откуда мысли. Мальчика удивляло, что не так давно, во времена Фенимора Купера, люди жили почти в таких же землянках, как и его племя, пользовались почти таким же оружием. Книжки, размышления над ними помогали Сану заполнить громадную пропасть в триста веков — ту пропасть, которая отделяла его от тех далеких дней, когда он босиком бегал по берегам Большой реки и восхищался каменными изделиями Хромого Гуна.

Хромой Гун... Все чаще вспоминался Сану древний мастер. Каменный век сменился бронзовым и железным, потом появились пар и электричество. И вот возник тихий, но могущественный век, приютивший Сана, — век гравитонный. Возник не случайно и не сразу, тысячелетия подготавливали его. Воздушные и подводные города, «Хронос» и другие исполинские лаборатории создавались постепенно, столетиями, руками таких же мастеров, как...

От волнения сердце заколотилось у Сана в груди. Он открыл великую тайну мира, в котором сейчас находится. Вокруг него живут и трудятся такие же умельцы, как... Как Хромой Гун! Но умельцы более искусные и знающие. Каждый что-то делает, все к чему-то стремятся. Антон хочет стать астронавигатором. И он добьется своей цели, он уже сейчас знает интегральное исчисление, легко решает задачи, которых Сану не одолеть. А у дяди Вана совсем уж удивительная цель — Полярная звезда.

А у меня что есть? — спрашивал себя Сан. Ничего!.. Неуютной показалась Сану его комната, холодом повеяло от камина. Он здесь лишний, никому не нужный. В каменном веке он стал бы охотником. А в гравитонном?

Яснов заметил, что с мальчиком опять творится неладное. В «Хроносе» тот был рассеянным и угрюмым, дома чаще всего сидел у камина, но не читал, а задумчиво глядел в огонь.

Однажды Сан ошеломил вопросом:

— Дядя Ван, а я здесь кто? Экспонат?

— Какой же ты экспонат? Ты — человек! — в растерянности пробормотал Иван.

Ответ был, конечно, не слишком вразумительный...

«Малыш взрослеет, — думал Иван. — Взрослеет куда быстрее своих сверстников».

В конце февраля снега в городе растаяли и неслись стеклянно-звонящими потоками в пруды и бассейны. В саду перед окном Сана зазеленела яблоня, на сухом пригорке засветились желтые огоньки мать-и-мачехи.

Сан часами сидел под топодем и глядел на переливающийся в траве ручеек. Что он видел в его солнечных бликах?

— Посмотри, — соблазнял Антон своего друга лыжной прогулкой. — Сан, ты только посмотри!

Далеко за городом, за невидимой сферой, создающей теплый микроклимат, еще держалась зима. После обильных февральских снегопадов установилась морозная ясная погода.

— Хочешь покататься на обыкновенных лыжах? — спрашивал Антон. — Устанешь, можно сменить их на гравитационные. Это чудо — гравилыжи! Летишь на них по сугробам, как птица!

Сан оживился при слове «птица», но от прогулки отказался. Опять он ушел в себя, в свой мир. Он услышал вдруг крики птиц своей родины, пчелиный гул на цветущем лугу...

Однако он вспоминал не только свои солнечно-беззаботные дни и часы: их на долю мальчика в каменном веке выпадало немного. Помнились ему и зимы, когда голод терзал желудок, когда он босиком бегал по мокрому снегу в ближайшую рощу, чтобы принести хворосту в землянку. Но и эти дни казались сейчас Сану бесконечно милыми, пахнущими родным дымом. Там он был на своем месте, среди своих.

Утром, перед отправкой в «Хронос», он спросил:

— Дядя Ван, я часто вижу на хроноэкране свое племя. Можно мне вернуться туда?

— Куда, чудачок? — с горькой нежностью спросил Иван. — Куда? Ты же знаешь, что история, уготовив тебе гибель в пасти хищника... Что она сделала?

— Вычеркнула меня из той реальности, — заученно ответил Сан.

— Правильно. И в той ушедшей реальности нет ни одной дырочки, ни одной щелки, куда бы мы могли втиснуть тебя, не нарушив причинно-следственных связей. К тому же мы могли бы вернуть тебя только в натуральное время. А по натуральному времени прошло почти два года, как мы тебя спасли. Но ведь и в каменном веке прошло столько же — день в день, минута в минуту.

— Понимаю. Многое изменилось в жизни племени за это время. Некоторых уже нет... Мать свою не вижу.

— Считают, что в племени пронеслась эпидемия...

— А сестренка Лала живет сейчас в землянке Гурь.

— Верно. Бездетная Гуря приютила твою сестру. Так что нет сейчас у тебя родной землянки. Ты такой же сирота, как и я: мои родители погибли на далеком Плутоне во время опасного эксперимента. Мы оба сироты. Но мы не лишние здесь? Слышишь? Ты не лишний — ты мой брат! И больше не зови меня дядей. Колдуном можешь звать. Даже Урхом! Но дядей ни в коем случае. Обижусь. Хочешь быть моим братом?

Сан улыбнулся: еще бы. — иметь такого брата!

Однако разговор о сиротстве не прошел бесследно. Ночью Сан метался во сне, плакал и стонал. Иван разбудил его и, глядя по голове, спрашивал:

— Братишка, что с тобой? Приснилось что-то?

— Мать свою вижу. На берегу реки, иногда в землянке... Она смотрит на меня и все время плачет. Мне страшно...

Иван кое-как успокоил мальчика. Сан заснул. Но сон был беспокойным — видения древней родины звали к себе.

Спать этой ночью Иван не мог. Он ходил вдоль книжных полок. В голову навязчиво лезла фраза: «Мы больше растения, чем думаем». Где он ее вычитал? Кажется, в «Дворянском гнезде» Тургенева. И сказал эти слова герой романа, который долгие годы жил вдали от родины, тоскуя по ней.

Растения... С этим словом у Яснова был связан случай из детства. Как потешались тогда над ним мальчишки, его одноклассники! Они называли Ваню неженкой, плаксой и даже девчонкой. Это сейчас, после долгих лет самовоспитания, он стал «каменным Иваном», волевым командиром легендарного «Призрака». А тогда?

Одиннадцатилетний Ваня Янов заметил за городом простенький полевой цветок. Тот рос на пригорке и сиротливо качался на холодном ветру, вызывая у мальчика щемящую жалость. Со всеми предосторожностями Ваня выкопал растеньице и перенес его под окно своей комнаты. Ухаживал за ним, поливал питательными растворами. Но то ли почва оказалась неподходящей, то ли Ваня повредил корни — цветок медленно увядал и наконец засох совсем. Для мальчика это было первое в жизни горе — погибло что-то живое, бесконечно ему дорогое. Он заливался горячими слезами, глядя на побуревшие лепестки и жалко поникшие стебли...

«А мы что сделали с Саном? — спрашивал сейчас себя Янов. — Вырвали из родной почвы! Но корни, незримые душевные корни остались там. А если мальчик зачахнет, как тот цветок?»

От таких мыслей Ивану стало не по себе.

Утром он отправился не на космодром, а в «Хронос» к Жану Виардо. Недолюбливал его Иван, очень не хотелось ему встречаться с Виардо — человеком, который отлично знал о той затаенной мягкости, которой Иван стыдился в себе. Но встретиться с ним надо — Жан Виардо был главным психологом «Хроноса».

Иван застал его в одной из лабораторий. Виардо стоял перед стеной-экраном и поочередно смотрел то на голографический портрет какого-то сотрудника «Хроноса», то на извивающиеся синусоиды и световые вспышки.

«Занимается вивисекцией душ», — с иронией отметил Иван.

Психолог обернулся и вопросительно взглянул на гостя.

— Мальчик страдает, — начал Иван.

— Знаю, — остановил его Виардо и жестом пригласил сесть. — Нам казалось, что Сан — натура простенькая, первобытная, что он легко, безболезненно войдет в нашу жизнь. Его, дескать, только накорми, и он будет доволен.

— Я так не думал, — нахмурился Иван.

— Думал, — возразил Виардо. — Многие так думали. Между тем мальчик попал к нам в любопытнейшем возрасте, когда психика еще гибка, подвижна, пластична. Он еще не успел огрубеть в своем суровом мире, в этом царстве необходимости. И вот он оказывается у нас — в царстве свободы. Начинает формироваться интересный и сложный характер, натура даже излишне мягкая и нежная, но эмоционально одаренная. Многих смущает, что Сан слабо усваивает абстрактные науки. Что поделаешь, вырос он в стихии конкретного мифологического мышления. В этом его известный недостаток, но в этом же и его преимущество. Величайшее! Информацию о внешнем мире он воспринимал иначе, чем наши дети. Он ее впитывал. Он с малых лет жил жизнью стихий, вдыхал их запахи, окунался в травы и росы, в туманы и звездный блеск.

— Изячно сказано!

— Не ехидничай, — улыбнулся Виардо. — Знаю, что недолюбливаешь меня... Вернемся к Сану. Сейчас есть уже уверенность, что Сан найдет у нас свое место и будет совмещать мудрость двух эпох.

— Мудрость двух эпох? Загнул!

— Опять иронизируешь? — мягко улыбнулся Виардо. — Если загнул, то незначительно. Рядом с тобой живет друг Сана — Антон. Никогда Антон не знал лишений, страданий и тоски по утраченной родине. Это хорошо или плохо? Коварнейший вопрос, однозначного ответа никто не даст. Антон, конечно, многого добьется, ибо у него спокойный, рассудительный, целеустремленный характер. Но если хочешь знать, то остро переживающий, тоскующий по родине, мятущийся Сан мне симпатичнее.

— Но мальчик страдает. Ведь вы как-то можете приглушить воспоминания, даже отсечь их?

— Отсечь! — Виардо в негодовании всплеснул руками и вскочил на ноги. От его мягкости не осталось и следа. — Да ты понимаешь, что предлагаешь? Хирургическое вмешательство в психику! Предлагаешь нам лепить ее по своему произволу, лишать людей индивидуальности, превращать их в роботов. Это же фашизм!

«Ну, разошелся», — с неудовольствием подумал Иван. Но психолог быстро взял себя в руки, сел и спокойным, даже учтивым тоном продолжал:

— Да, технически нам многое доступно. Однако согласись, что лечить человека от тоски по родине так же нелепо, как лечить, например, от безответной любви, от переживаний вообще. За мальчиком мы, конечно, наблюдаем, но грубо вмешиваться в естественное развитие души не будем. Да, Сан склонен к сильным колебаниям настроения. А у кого не бывает таких, иногда беспричинных переходов от печали к радости и наоборот? Разве что у роботов? Но даже роботы присваивают мелкие человеческие слабости, чтобы больше походить на живых людей. Вот ты предлагаешь лечить, резать, кромсать и перестраивать душу. Но кто способен разобраться в тончайших взаимосвязях, в паутинных биениях психики? К примеру, твой друг Октавиан, глава нашего института, иногда нерешителен, терпясь в острых ситуациях. Но, хирургически срезав у Октавиана нерешительность, мы тем самым задела бы другие душевные струны и лишились бы, вероятно, одареннейшего ученого. Или возьмем тебя.

Иван поморщился: начинается!

— В космолоте ты славишься холодным самообладанием, твердой волей. Иной раз становишься несколько неуживчивым, как, например, сейчас, обрастаешь этакой колючей иронией. Однако члены твоего экипажа не только уважают, но и любят тебя, тянутся к тебе. Почему? Да потому, что за жесткой требовательностью, за твоими колючими репликами чувствуют беспредельную доброту.

Иван снова поморщился.

— Поэтому, кстати, мы и выбрали тебя для первого рейда в прошлое, хотя кандидатов было хоть отбавляй. И не ошиблись! В древней саванне воля твоя справилась с чудовищной силой хроношоком. А с первобытным мальчиком ты быстро и естественно наладил контакт. Сан сразу доверился тебе, почувствовав в незнакомце человека бесконечно доброго и нежного.

— Меня тревожит, чем все это кончится.

— Положись на время. Мальчик вживется в нашу эпоху. Как выражается Октавиан, психологически состыкуется.

...Весной предположение это начало как буд-то сбываться. Маятник настроений качнулся у

мальчика, видимо, в лучшую сторону. В саду Сан перед завтраком подолгу глядел широко открытыми глазами на встающее солнце и улыбался. Что он видел там, в дымном блеске утренней зари? Ивана радовало, что Сан спит спокойно, прилежно учится в «Хроносе», снова проявляет интерес к книгам. «Вживается», — решил Иван.

Однако в середине июня случилось неожиданное: Сан исчез.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Вести из КЛФ

«Уважаемая редакция!
Как-то вы сообщили о призе «Фанта», хабаровского клуба любителей фантастики.

В 1976 году его присудили Стругацким.

Интересно, присуждался ли он еще кому-либо!

С. Гонтарев,
Омск».

Действительно, рассказывая в десятом номере 1977 года о работе «Фанта», наш журнал писал о том, что хабаровчане, первыми в стране учредив собственный приз за наиболее интересное произведение советской фантастики, в 1976 году присудили его Аркадию и Борису Стругацким за повесть «За миллиард лет до конца света».

Следующими лауреатами «Фанта» стали Ольга Ларионова (1977, рассказ «Где королевская охота»), Кир Булычев (1978, цикл новых рассказов, вошедших в его книгу «Летнее утро»).

Приз «Фант-79» хабаровчане присудили уральскому писателю, лауреату премии Ленинского комсомола (и, добавим, постоянному автору нашего журнала) Владиславу Крапивину — за успешную работу в области социальной фантастики для детей и за книгу «В ночь большого прилива».

«Фант-80» вновь получили Аркадий и Борис Стругацкие — за повесть «Жук в муравейнике».

Что касается «Фанта-81», то его обладатель нам пока не известен. Как правило, клубы (а собственные призы присуждают теперь и другие КЛФ) подводят итоги года весной, когда прошлогодние новинки получены и прочитаны, — в тот самый момент, когда над нашим июньским номером уже полным ходом работает типография...

Пергаменный листок из фолианта

**Юрий
РЯЗАНОВ**

Память не удержала подробностей суматошного дня подготовки к большой музейной выставке, но этот момент никогда не забуду. Мне на атрибуцию выдали невзрачный листочек с ладонь величиной, плотно исписанный уставом. Взглянул и глазам не поверил: вот так штука! Да это — пергамен...

В зале, заставленном шкафами, почему-то горели не все лампы, и я подошел поближе к тесно забранному старинной кованой решеткой окну (под музей приспособили бывший монастырский собор).

Серел пасмурный вечер, ветер насвистывал по ту сторону рам — стояла ненастная поздняя осень. А во мне все ликовало. Воображение рисовало такое, от чего захватывало дух: вдруг этот обрывок текста откроет что-то, еще неизвестное науке? Ведь тайн и загадок в истории, тем более — далекой, не счесть. По внешним признакам листок никак не моложе XV века. При скудном освещении мне сначала удалось разобрать только первые строки. Чтение затруднялось тем, что лоскут пергамена был сильно загрязнен.

Пергамен — из тонкой телячьей кожи, очень прочный и долговечный — стал употребляться еще за несколько веков до нашей эры. Изобретение его, согласно легенде, принадлежит одному из правителей малоазиатского города Пергама.

Но легенда легендой, а передо мной на столе лежал сам собою скручивающийся в трубку лист из книги, название которой я установил легко. Прочитанные строки оказались фрагментом Евангелия, а точнее — Благовествования от апостола Луки. Притча о богатом и бедном Лазаре была мне хорошо известна. Однако этот текст, возможно, чем-то отличался от канонического. На листке могли оказаться и посторонние, еще более ценные по содержанию вставки: комментарии, летописные сведения, заметки личного характера. В общем, меня ждала большая, очень интересная работа, и это радовало, хотя с первой минуты знакомства с пергаменом меня донимал вопрос: куда делся сам блок книги? Где-то рядом, в му-

зее? В другом хранилище? Утерян? Или его вовсе не существует?

Все это предстояло выяснить. Лишь в одном я не сомневался — мне выпала удача стать открывателем, пусть небольшого, фрагмента древней рукописи, но и этот единственный листочек имеет определенное значение для науки, даже если текст не содержит ничего нового, из буквы в букву повторяя канонический.

Выставка поглощала все рабочее время, заставляла спешить в музей и в выходные дни. Это была приятная неволя, ведь никто меня не подгонял. Просто за короткий срок следовало самостоятельно и квалифицированно подготовить более ста различных экспонатов. Выставка была моей главной целью. Подобной ни разу не проводилось в Свердловске. Называлась она «Искусство древней русской рукописной и старопечатной книги кирилловского шрифта XV—XIX веков». Лишь урывками удавалось заниматься атрибутированием листка.

...Ну над чем, казалось, голову-то ломать? Всего один листочек с двумя короткими притчами. Однако на лицевой и оборотной его сторонах уместилось по 23 строки мелкого, четкого и красивого по начертанию устава, характерного, кстати, тем, что каждая буква состоит из элементов, расположенных, как правило, под прямым углом, а сама она вписывается в воображаемый квадрат, причем не соединяясь со стоящей рядом. Писец рисовал каждую букву отдельно.

По тогдашним правилам слова не разделялись, лишь предложения отграничивались точкой, приподнятой над нижней линией строки на высоту полубуквы. Некоторые буквы и даже слова написаны киншварью, чернила же только чуть-чуть порыхтели: вот это качество! И века ничем.

Каждую букву (а их в строке умещалось 26) требовалось тщательно сверить с датированными образцами, чтобы отыскать аналог. Сколько альбомов и книг пришлось просмотреть, прежде чем с полной уверенностью датировать листок началом XIV века... И как я был

рад, что успел сделать это накануне открытия выставки. Листок лег в витрину и под номером один возглавил экспозицию, составленную из музейных сокровищ и частной коллекции. Об одном пришлось сожалеть: самый древний этот экспонат не вошел в каталог выставки, уже запущенный в типографское производство.

...Могу признаться: мне повезло. Этот обгрызанный мышами лоскуток кожи мог попасть на глаза другому специалисту — листок-то оказался единственным, обнаруженным за всю историю на Урале и в Сибири. По крайней мере, до сего дня неизвестно, чтобы кто-то нашел нечто подобное или более древнее. Правда, в секторе редкой и рукописной книги Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения АН СССР хранятся пергаменные рукописи XIV века и другие раритеты — подарок академика М. Н. Тихомирова, но это дар, а не находки.

От знакомого же земляка-старообрядца мне довелось однажды услышать, что у нас, на Урале, у его единоверцев, свято сохраняются харатейные (то есть пергаменные) книги. Но у кого и где именно эти книги-святыни находятся, он умалчал, а я посчитал неудобным выпытывать у старика то, о чем он не считает возможным рассказать «не своему», да вдобавок атеисту.

Во время той беседы, помнится, он поинтересовался, приходилось ли мне видеть харатейные книги. Я ответил, что посчастливилось не только видеть, но одну даже подержать в руках и перелистать. Удивительна судьба той книги. В XIV веке ее переписал неизвестный инок в Спас-Андрониковом монастыре, о чем свидетельствует сохранившаяся запись. А всего несколько лет назад рукопись вернулась туда, где была создана — в музей имени Андрея Рублева, расположенный на территории бывшего монастыря.

Вскоре после начала выставки на мое извещение об обнаружении и атрибуции листка пришел запрос из Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР: «Пришлите, пожалуйста, фотокопию и составленное Вами описание фрагмента пергаменного Евангелия...»

Уникальность находки подтвердил документ, полученный из того же компетентного учреждения: «Дату отрывка экспертиза определила как бесспорную — начало XIV в., но поскольку это рукопись среднеболгарского извода, то тут по сравнению с древнерусскими рукописями могут быть колебания в сторону конца XIII в. Поэтому предлагается датировка — кон. XIII (?) — начало XIV в.»

Признаться, этой тонкости я в свое время не уловил. Сказался недостаточный опыт. С уточнением датировки согласился и сделал для себя вывод: поспешил, не довел атрибуцию до конца. Погрешность, конечно, невелика, но так хотелось выполнить работу на профессиональном уровне, безукоризненно.

Самой большой наградой стала строка из письма: «Большое спасибо за все Ваши труды и заботы».

Итак, с атрибуцией мне, в общем, удалось справиться. А вот как быть с загадкой появления листка в музее? Мне так и не привелось наткнуться в музейных документах на дату поступления раритета или хотя бы упоминание о нем. И сегодня неизвестно, когда и от кого листок попал в музей. При самом тщательном осмотре пергамена не замечено никаких признаков старых шрифтов или инвентарных номеров. Есть догадка, что этот фрагмент мог находиться между листами какой-нибудь книги более позднего происхождения. После извлечения он сколько-то лет лежал в музейном сейфе, дожидаясь своего исследователя. Поэтому, видимо, изъеденный мышами грязный ключок не занесли в инвентарную книгу — нужно ли? Но спасибо тому сотруднику музея, кто его положил в сейф — до выяснения.

Возможна и другая версия: некогда в музее хранился весь фонд, но остался от него лишь один листочек. Сотрудница музея, проработавшая в нем не один де-

сяток лет, поведала мне, что в сороковые, военные, годы посетители научной библиотеки, в фондах которой тогда находились и книги кирилловского шрифта, довольно свободно пользовались ее богатствами, унося с собой для чтения домой все, что им было необходимо.

Получилось так, что помещение, где хранились книги, оказалось разрушенным. Сотни книг какое-то время были практически без присмотра, часть их могла пропасть. Но основную массу фонда музейной научной библиотеки спасли.

Пергаменное Евангелие могли при поступлении в музей определить неправильно. Мне пришлось атрибутировать сотни музейных рукописных и старопечатных книг кирилловского шрифта, и таких случаев неправильной датировки и даже неверного определения названия, к сожалению, установлено немало.

В поиске блока пергаменного Евангелия или его частей я скрупулезно, без пропуска единого листа, просмотрел, кажется, все книги кирилловского шрифта, хранившиеся в фондах Свердловского музея, — тщетно. Ничего подобного не найдено и в последнее время. Пергаменный листок из Евангелия, созданного на рубеже XIII—XIV веков, рассказал о себе пока очень мало, тайна его не раскрыта.

Оружейная палата

Юрий ДУНАЕВ

Оружейная палата — старейший музей нашей страны, собравший уникальные сокровища русского искусства. Первое из дошедших до нас летописных сведений об Оружейной палате восходит к 1547 году. Тогда 21 июня в огне пожара погиб «казенный двор с царскою казною...» и «Оружничая палата вся погоре с воинским оружием...»

Возникнув на заре образования Московского государства, палата, состоящая при Оружейном приказе, была одновременно производственной мастерской, в которой ковалось

боевое и парадное оружие; хранилищем, где накапливались сокровища княжеского, а впоследствии и царского двора; и художественно-производственным центром государства. В ней работали лучшие русские мастера, приезжавшие в Москву со всех концов страны, — оружейники, мастера золотых и серебряных дел, иконописцы и живописцы, граверы...

Первым в плееде умельцев стоит имя Никиты Давыдова, проработавшего в Оружейной палате более полувека. В 1621 году по заказу

царя Михаила Романова он выделал булатный шлем. Золотая насечка по стали, тончайшая паутина резного узора, вкрапленные драгоценные камни и многоцветная эмаль стали шедевром художественной обработки металлов.

В XVI—XVII столетиях здесь работали выдающиеся мастера самопального дела — Григорий Вяткин и его ученик, а впоследствии знатный оружейник Василий Титов.

В 1806 году Оружейная палата была преобразована из ведомственного хранилища в публичный музей и переведена в специальное здание.

Ежегодно около 800 тысяч людей приходят в Оружейную палату, чтобы увидеть сокровища, созданные русскими умельцами. Вот выгнуто-стрельчатый железный шлем отца Александра Невского — Ярослава Всеволодовича или кольчуга покорителя Сибири Ермака Тимофеевича. Вот две сабли: сточены и зазубрены лезвия — оружие побывало в сражениях. Одна, проще, принадлежала нижегородскому земскому старосте Козьме Минину. Другая сделана из персидского булата — сабля князя Дмитрия Пожарского.

Перечислить все, чем владеет Оружейная палата, трудно. В десятичной описи насчитывается более 37,5 тысячи экспонатов. И среди этого многообразия в одном из залов внимание привлекает клинок. Булатная сталь, а по ней золотые фигурки... Небольшая табличка скупо рассказывает: «Сабля. Россия. Златоуст. 1829 г. Мастер Иван Бушуев».

В истории Оружейной палаты есть славная страница, рассказывающая о том, как уцелели эти огромные сокровища в 1812 году. 22 августа «около сумерек» по распоряжению графа Растворина «пригнато было к палате до полутораста подвод». На них установили запечатанные ящики. Поздно вечером обоз под конвоем 30 старых солдат-инвалидов выступил за заставу и потянулся к Коломне. В те дни русские войска готовились к Бородинскому бою.

В Коломне ящики с музейными сокровищами были перегружены на две баржи и Окою спущены в Нижний Новгород. После бегства французов из Москвы по первому сапному пути в ноябре 1812 года экспонаты перевезли во Владимир и через семь месяцев их вернули в Москву.

1941 год. Великая Отечественная война. Враг рвется к Москве. Все ценности палаты специальным рейсом отправились из Москвы на Урал, в Свердловск. В феврале 1945 года специальный состав с ценностями возвратился в столицу...

Приветствие Фета

**Юрий
АЛАН**

В полном собрании стихотворений А. А. Фета нет восьмистишия, которое я недавно встретил в подшивке журнала «Искусство и художественная промышленность» за 1899 год. Попало туда шутивное фетовское стихотворение из личного архива незначительного в свое время и полузабытого ныне московского художника Николая Ефимовича Рачкова. Вполне вероятно, что никому из исследователей творчества русского лирика прошлого века его не удалось отыскать, тем более в сем немассовом журнале.

Николай Рачков был художником с трудной судьбой. Лишь в зрелом возрасте он стал более или менее регулярно выставлять свои работы на московских выставках, и его рисунки уже охотно покупали, а две картины — «Бабушка и внучка» и «Девушка у ворот» — позже удостоились чести быть в Третьяковской галерее. В Москву он явился, закончив художественную школу Ступина в Арзамасе, в которую попал семнадцатилетним юношей. Родившись в Нижнем Новгороде, в семье учителя рисования, Рачков с детства полюбил искусство. А в школе Ступина он столь преуспел, что быстро стал в ней даже учителем. Вскоре он посылает в Академию художеств картину «Портрет цыганки» и получает за нее серебряную медаль.

И начались его искания более счастливой доли в разных российских городах. Наконец в 1860 году, уже тридцатипятилетним, Рачков приезжает в Москву. Поначалу приходилось выполнять любые заказы. То помещик просит написать по устному рассказу вид его сельского дома, то требуют сделать портрет умершего родственника — и тоже по рассказам, без какой-либо фотографии. Однако со временем появились надежные друзья и покровители. Благодаря Д. П. Боткину художник побывал за границей, познакомился с лучшими картинными галереями Европы. К. Т. Солдатенков ввел его в среду литераторов, и тогда-то он и подружился с Фетом. Поэт, вероятно, во время одной из летних встреч с Рачковым где-нибудь на даче и написал это веселое стихотворение, найденное после смерти художника в одной из его тетрадей дневника.

В стране дубов и буераков,
В стране сморчков и соловьев,
И карасей и крупных раков,
Тебя приветствуем, Рачков!
Чего ж, оставя пустословье,
Тебе от сердца пожелать?
Чтобы талант твой и здоровье
Сто лет не двигались вспять.

От «Ракеты» до ракеты

**АНТОН
КОПАЙСКИЙ**

150 лет назад была построена железная дорога, на которой локомотив «Ракета» открыл эру паровозов.

А еще за полтора века до появления первых паровозов, то есть почти 300 лет назад, в Англии стали курсировать общественные diligencсы. Каким образом к сему транспортному новшеству отнеслись английские обыватели? Быструю езду на diligенсах самые трезво-

мыслящие англичане объявили несчастием и для самих пассажиров и для национальной торговли. Дескать, путешественники теперь не станут покупать ни шпаци, ни пистолеты, ведь езда в diligенсах безопасна. Мол, одежда будет теперь меньше изнашиваться, во всяком случае, не так, как при верховой езде. Якобы и вина-то, и пива пассажиры diligенсов будут употреблять на постоялых дворах мень-

ше. И что вообще человечество, развезая в этих быстрых и удобных дилижансах, изнежится,— предостерегали обыватели,— и люди отвыкнув переносить мороз, жар, снег или дождь.

Разумеется, все-таки консерваторам не удалось «остановить» дилижанс; и он прошел свою дистанцию в истории транспорта. Разумеется также и то, что скептицизм англичан не исчез вместе с дилижансами, выгесненными с главной магистрали технического прогресса. Паровозам от консерваторов тоже досталось...

Первая железная дорога была открыта в Англии. Не все приветствовали паровоз так восторженно, как, например, философ Бокль: «Локомотив более способствовал сближению людей, чем философы, поэты и пророки с самого начала мира». И действительно, поезда изменили общение людей, да и все стороны жизни многих народов. Пророческими оказались слова Джорджа Стефенсона, обращенные к сыну Роберту и к компаньону: «Я думаю, что вы доживете до того дня, когда железные дороги заменят все другие способы перевозки товаров, когда почтовые кареты будут двигаться по рельсам, и новыми дорогами будут пользоваться как короли, так и их подданные. Будет время, когда также дешево будет путешествовать с помощью паровоза, как и пешком». Заканчивая спич, английский изобретатель паровоза пожаловался и на то, как трудно распространяются локомотивы, как медленно продвигается технический прогресс...

Стефенсон не преувеличивал: бдительные хранители здоровья человечества всерьез пугали современников паровозами. Например, вот что говорили баварские медики: «Быстрота движения несомненно должна развивать у путешественников болезнь мозга... Но так как путешественники желают упорствовать и не боятся самой ужасной опасности, то государство, по крайней мере, должно оградить зрителей, которые... при виде несущегося локомотива могут получить ту же самую болезнь мозга. Поэтому необходимо железнодорожное полотно с обеих сторон обгородить высоким деревянным забором». О новшестве часто писали совсем в устрашающем тоне: «...Железные дороги помещают коровам пастись, а курам нести яйца; отравленный паровозом воздух будет убивать пролетающих над ним птиц... Дома по краям дороги погорят, лошади потеряют всякое значение, овес и сено падут в цене... в случае разрыва паровоза вместе с ним будут разорваны и путешественники».

И все-таки паровозы сравнительно быстро завоевали мир.

Осенью 1830 года была открыта конно-железная дорога Прага—Лана. Весной 1835 года Европа узнала о первой на континенте локомотивной железной дороге между Брюсселем и Мехельмом. В этом же году открылась первая немецкая железная дорога. В 1837 году железную дорогу получили французы.

Естественно, что первые вагоны поездов того времени были похожи на карету, и кондуктор, словно кучер, восседал впереди на козлах. Вагоны соединялись лишь цепью и, конечно, при торможении и остановке с грохотом сталкивались. Поклажа размещалась на крыше, где имели право быть и пассажиры, и они восседали там, закрыв глаза от искр и пыли очками. Поезда имели яркий вид. Локомотивы сверкали латунными частями, вагоны первого класса были желтыми, второго класса — белыми, третьего — синими. К поезду можно было прицепить и частный вагон, поездка в нем считалась у богатых людей особым развлечением. У нас, в России, на Николаевской дороге поначалу паровозная прислуга и кондуктора носили каски, были одеты в форму и снабжены тесаками.

Но вернемся к началу эры паровозов. Первая в мире железная дорога между английскими городами Стоктон и Дарлингтон с применением паровой тяги была открыта в 1825 году. На торжестве собралось много народу, некоторые не сомневались, что адский паровоз взорвется, однако все прошло благополучно и невиданное зрелище произвело на зрителей огромное впечатление. Поезд состоял почти из сорока вагонов, в которые нагрузили уголь и муку, а также в них были временно установлены сиденья для первых пассажиров. Управлять локомотивом решил сам строитель этой линии Джордж Стефенсон.

И все-таки окончательно восторжествовала идея устройства железных дорог только через 5 лет — в сентябре 1830 года, после конкурса локомотивов. Состязались паровозы «Новость» Бретвета и Эриксона, «Несравненный» Гакворта и «Ракета» Стефенсона. Победила машина Стефенсона — она тянула груз в пять раз превышающий собственный вес, и ее предназначили для новой линии Ливерпуль — Манчестерская. При сооружении этой дороги длиной более 50 километров впервые в мире были решены сложные задачи железнодорожной техники — были построены мосты, путепровод, двухкилометровый тоннель, длинная выемка в скалистой породе и большая насыпь, пересекающая тонкое болото, называемое Кошачьим. По этой дороге поезда уже ходили со ско-

ростью не 10, а 30 километров в час. Здесь применили не чугуны, а железные рельсы на каменных опорах, что позволило развить «Ракете» скорость даже до 50 километров в час. Ширина колеи, принятая на этой дороге Стефенсоном, стала эталонной для дорог Европы. Дорога Ливерпуль — Манчестерская, построенная 150 лет назад, открыла эпоху строительства железных дорог во всем мире.

Всего лишь через три года после старта стефенсоновской «Ракеты» двинулся первый паровоз и в России, построенный отцом и сыном Черепановыми на Урале, на Нижнетагильских горных заводах. Небольшой «сухопутный паровоз» возил более 200 пудов груза со скоростью 12—15 верст в час. Еще в 1816 году Александр I, будучи в Европе, видел в Мюнхене презабавный аттракцион: маленькая собачка катила по миниатюрным рельсам вагончик весом 100 килограммов. Это механик Иосиф фон Баадер демонстрировал русскому царю модель чугунной дороги. Самодержец смеялся и гладил собачку, не подозревая, что в это время в России уже была настоящая железная дорога длиной около двух километров, на Алтае, на Змеиногорском руднике... Ее построил Фролов, и рельсы на этой дороге были уже с головкой. И вот в октябре 1837 года в России построена первая пассажирская дорога до Царского Села. Первый поезд вел профессор Герстнер. Дорога стоила 3 миллиона рублей. Были устроены на двадцатипятикилометровом пути гостиницы и башни с часами.

В самом конце прошлого столетия длина всей сети железных дорог земного шара уже равнялась 732 тысячам километров. Общая протяженность русских дорог была более 55 тысяч верст. Паровозов насчитывалось тогда в России около 14 тысяч. Пассажирских вагонов — 15 тысяч. Товарных вагонов — более 300 тысяч. За 1901 год в России было перевезено более 100 миллионов пассажиров.

Нынче длина железных дорог только нашей страны — 140 тысяч километров. Повсюду теперь мчатся тепловозы да электровозы, а паровозы, грустно погудев на прощанье, становятся памятниками. Что ж, пришел век ракет, и век стефенсоновской «Ракеты», век паровозов, уходит. Однако все сильнее ветвится по земному шару сеть железных дорог, а мало кто в этих сплетениях пытается отыскать коротенькие веточки первых дорог, и вообще кажется, что железные дороги, как реки, были всегда, их не изобрели 150 лет назад...

Из древа выйдет зверь...

**Борис
Куртин**

Он открыл походную сумку, достал увесистый сверток, бережно развернул... На крепкой ладони резчика по дереву Кулышева стояла красавица выдра. Казалось, она только что выбралась со своей добычей из воды да так и застыла на густо заросшем берегу ручейка, весело журчащего у самых лап.

— Ну как, нравится? — И, не дожидаясь ответа (его нетрудно было прочесть в моих глазах), Валерий Николаевич продолжал: — Вот приехал в Свердловск к ученым, проконсультироваться. Волнуюсь, как примут биологи.

С Кулышевым мы знакомы не один год. Знаю, как настойчиво вынашивает он замыслы новых работ, с каким упорством стремится к созданию такой декоративной скульптуры, которая бы не просто изображала птицу или животное, но и «говорила» языком их повадок, характера. Валерий Николаевич любит подчеркивать: «Скульптура должна быть выполнена так, чтобы зритель получал наслаждение от разглядывания зверя, изображенного в естественном движении».

«Голос» дерева Кулышев услышал в раннем детстве, когда в руки его впервые попали немудреные игрушки. Любуясь ими, он чувствовал желание сделать нечто подобное. Однажды занялся этим и с удивлением понял, какое наслаждение приносит резьба по дереву. С годами увлечение стало для паренька жизненной потребностью. Отец, Николай Гаврилович, слесарь обогатительной фабрики Красноуральского медеплавильного комбината, только диву давался:

— И в кого это Валера удался: день и ночь готов лепить да вырезать фигурки! Видать, не пойдут по моим стопам на фабрику...

Кулышев учился на Украине, осваивал технику у богородских мастеров. Восхищала в них дробь к народному творчеству, преданность старинному промыслу.

Юноша жадно подмечал особенности работы резчиков, шлифо-

вал свое умение. Мастерство не приходит сразу, вершина его покоряется лишь людьми самоотверженными, окрыленными намеченной целью. Чем уверенней становились руки Валерия Николаевича, а глаза наблюдательней, тем больше одолевала потребность творить на родной земле, изображать представителей уральской фауны.

Так оказался Кулышев в лесопромышленном объединении «Тагиллес». Из-под его резца появляются сегодня сувениры, в которых оживают орлы, филины, куницы, белки. Скоро почитатели народного промысла увидят его выдр, в задумках — зайц и рысь.

Кропотливо «вынаживает» умелец свои произведения. Прежде чем появятся скульптуры, будут рисунки, фигуры из пластилина, а уж потом «заговорит» дерево. Тогда-то и устремляется Кулышев к специалистам узнать, так ли заговорило, своим ли голосом.

...Члену-корреспонденту Академии наук СССР, директору Института экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР В. Н. Большакову, к которому приехал в Свердловск тагильский мастер, скульптура выдры понравилась.

Вообще Валерий Николаевич не спешит к тиражированию новой работы, стремится показать ее как можно большему числу родственных душ. Очень много ездит он по стране, стараясь с наибольшей пользой провести очередную отпуску. В последнее свое посещение Москвы он зашел в Дарвиновский музей, побывал у богородских резчиков.

Новые впечатления, новые замыслы. Из одной такой поездки привез окончательное решение — отказаться от уже разработанного им и принятого художественным советом сувенира «Норка с добычей»: появилась мысль заменить ее выдрой — более популярным на Урале зверьком. Выдра и впрямь получилась более эффектной. А его любимая куница! В арсенале резчика различные скульптурные изображения этого животного, отражающие настроение зверька, его повадки. Красноречивы сами названия работ: «Настороженная», «Любопытствующая», «На охоте», «Мышкует», «С детенышем»...

Мастерство тагильчанина признано. Четыре паспорта на производство декоративно-прикладного искусства получил В. Н. Кулышев. Авторские же вознаграждения за использование его работ в промышленности Валерий Николаевич перечислил в Фонд мира.

Монеты из платины...

**Константин
Ляпцев**

Впервые платина была найдена в России в 1819 году в золотоносных россыпях Верхисетского округа. Здесь она добывалась попутно при промывке песков, содержащих золото.

В 1825 году в Нижнетагильском горном округе по берегам горных речек были открыты чистые платиновые россыпи. Еще через три года в поселке Нижнетагильского завода, у Красного Камня, был найден первый русский самородок платины весом 427,5 грамма. Эта находка была оценена тогда в сто тысяч рублей. Позднее на Среднем Урале находили и более крупные самородки платины, самый большой из них весил 9439 граммов.

Других месторождений платины, подобных тагильским, нигде не было. Здесь добывалось более двух тонн благородного металла в год.

Однако практического применения платина тогда не имела — потребности ее для технических целей были ничтожными. Поэтому владельцы Нижнетагильских заводов Николай Демидов, правнук Никиты Демидова, решил, что будет выгодно чеканить из платины... деньги. В 1828 году царское правительство приняло такое решение. В отличие от находящихся в обращении золотых монет в 5, 10 и 15 рублей, новая монета стала чеканиться достоинством в 3, 6 и 12 рублей.

Платиновые монеты выпускались весьма недолго — то ли 12, то ли 17 лет. На чеканку монет было израсходовано свыше двадцати тонн тагильской платины.

СКОЛЬКО СТОИТ ЛОШАДЬ?

**Тамара
ЧИНАРЕВА**

*Рисунок
Р. Атлас*

Слухи росли, как снежный ком. Образ этот исключительно точный, потому что в ту пору стояла в Хабаровске на редкость снежная зима. Деревьям на бульварах не разогнуть-ся было от тяжести. Лыжники едва успевали наметить лыжню на стадионе, как наутро ее опять засыпало снегом.

И слухи росли, как снежный ком. И теперь, встречаясь, вместо того, чтобы говорить о погоде, как принято, люди спешили сообщить друг другу потрясающую новость:

— Вы только представьте себе! Одна студентка купила лошадь! Единственная, говорят, у матери дочка и редчайшая эгоистка. А вопрос как поставила: «Лошадь или я!» Каково? То, что дубленки требуют или джинсы там американские,— этим никого

теперь не удивишь. Но чтобы лошадь... Это уж ни в какие ворота!

И люди бежали по делам, встревоженные новостью и переполненные желанием сообщить ее кому-нибудь первым. И добавлялись новые подробности.

— Надо же быть такой эгоисткой!.. Ну, а что могла сделать мать... Материнское сердце—сами знаете. Собрала свои сбережения, а живут они небогато, и отдала. И теперь студентка эта ездит на лошади в институт. Все на городском транспорте, а она на лошади верхом.

А потом и очевидцы стали появляться. Те, кто своими глазами видел, как скакала девушка на гнедом коне по заснеженному бульвару в сторону Амура. Вот так в ту снежную зиму стала знаменитым человеком

в городе студентка института культуры Наташа Томилова. К моменту встречи знала я о ней многое, а узнать хотелось единственное — правду. Эта история с лошадей — случай редкий и стоит того, чтобы рассказать обо всем по порядку. С того самого момента, когда Наташа Томилова вошла в кабинет юриста. Этот момент и будем считать началом истории с лошадей.

Частное лицо

Юрист оказался пожилым усталым человеком. Не один десяток лет отвечал он на разные житейские вопросы. И теперь мог без труда определить по времени года, по возрасту посетителя и выражению лица — с чем пожаловал человек.

Бросив мимолетный взгляд на Наташу, увидев ее пылающие щеки, юрист был готов к тому, что перед ним студентка последнего курса, у которой недели через две распределение, жених учится курсом младше, а большая любовь мешают ей ехать на работу в село. Сейчас она будет сидеть на краешке стула, комкать в руках платочек и жалобно приговаривать: «Поймите меня! Вы сами учились в институте... Это ведь жизнь...» Сколько таких девочек сидело на этом стуле.

— Слушаю вас.

— Даже не знаю, как сказать. Потому что очень боюсь услышать «нет». Вы даже не представляете, как много от вас сейчас зависит. В общем... мне хотелось бы знать — может ли частное лицо купить лошадей...

—?!

— Лошадь, совершенно верно вы поняли. А частное лицо — это я.

С таким вопросом пожилой юрист столкнулся в своей практике впервые. И чтобы ответить на него, потребовалось время. Прошло не менее десяти минут, пока он листал справочники, горкой лежащие на столе. Но их оказалось недостаточно. И скоро толстые книги, извлеченные с самых дальних полок шкафа, заслонили юриста от Наташи. Только его седой затылок виднелся над книжной горой.

— Вам придется немного подождать, — смущенно сказал юрист через некоторое время. — Мне необходимо посоветоваться с коллегами.

Но и в практике коллег пожилого юриста подробного вопроса не встречалось. И тогда они, все вместе, решили прибегнуть к методу исключения — если закон ничего не говорит о том, что частное лицо не может иметь лошади, значит — может.

— Может! — наконец ответил пожилой юрист. И лицо у Наташи стало такое счастливое, что он добавил: — Я вас поздравляю!

Лошадь на пьедестале

Много лошадей было в Наташиной жизни. Воскресными днями на пригородных автобусах отправлялась она в окрестные деревни. Тополево, Восточное, Черную Речку, Корсаковку. С хлебом, сахаром и морковкой.

— Здравствуйте, Лошадь! Угоститесь, пожалуйста... — нежная теплая лошадиная морда едва касалась ее ладони. Лошадь любила сахар, а еще больше хлебную горбушку с солью. Но разговаривать со случайным человеком им было не о чем. Лошадь уходила, а она разговаривала с конюхами. Все конюхи окрестных деревень были Наташины знакомые. И однажды дядя Вася из Корсаковки сказал: «Прокатись!». Умный серый в яблоках конь покорно стоял рядом. У него было гордое имя Беркут. Казалось, как это просто и красиво — скакать верхом. Беркут с достоинством наблюдал, как наездница беспомощно топчется вокруг.

— Дядя Вася, а вы мне его подвиньте...

И было бесконечное зеленое, в одуванчиках, поле и солнечный закат навстречу, и музыка — та-та-там, та-та-там! Галоп. Так было только раз. А вообще в ту пору Наташе вполне достаточно было просто видеть, как лошадь берет с ладони горбушку хлеба и жует.

На третьем курсе в каникулы Наташа поехала на московский ипподром. В будний день на пустых трибунах ее заметил тренер Андрей Михайлович Липатников, который с того лета остался добрым другом. А заметить ее было нетрудно. Просто зрители такими глазами не смотрят на лошадей. Пригласили в поддок, на такую крошечную трибуну, где сидят жокеи, где взвешивают лошадей перед выступлением. Разговорились. Покорило Липатникова то, что приехала девчонка за десять тысяч километров только для того, чтобы посидеть на трибуне ипподрома, увидеть своими глазами лошадей — чемпионов, знакомых по сообщениям печати. Целый месяц смотрела Наташа, как лошадей кормят и лечат, как подковывают и заплетают гриву в косички. И сама поехала — в бричке, в качалке, верхом. В последний день она купила настоящее кожаное седло для лошади, а Андрей Михайлович подарил кое-что из сбруи. Осталась самая малость — купить лошадь.

Лошадь — это трудно, поняла Наташа, возвращаясь в Хабаровск с московского ипподрома. На ипподроме есть для лошади все — и кухня, где варят кашу из льняного семени, овса и отрубей. И кузница. И швейная мастерская с шорными машинками. И бассейн для обмыва-

ния ног после скачки... А дома... Есть дровяной сарай, из которого, если очень постараться, можно сделать конюшню. Есть мама, которая тебя понимает.

Лошадь должна быть спортивной, а для этого надо быть настоящим жокеем. Труд жокея по тяжести даже невозможно с чем-то сравнить. Жокей должен обладать большой силой. На иной скачке он несет «поллошадь» на руках... А вес его самого должен быть около пятидесяти килограммов. Все это Наташа знала, потому что все книжки про лошадей — от записок жокеев до ветеринарных справочников были ею прочитаны. С книгой знаменитого наездника Насибова «Железные посылы» она не согласилась. Он писал про своего коня Анилина, который три года подряд брал на скачках Большой приз Европы. Его за это прозвали «трижды венчанный». «Люблю лошадь только на пьедестале», — утверждал автор. Он привел пример, когда его чемпионский конь на одном маленьком степном полустанке даже не повернул головы, услышав ржание табуна — в степи паслись просто лошади. Он знал себе цену.

Вот с этой мыслью знаменитого наездника Насибова Наташа категорически не согласна:

— Просто человек наделяет лошадь своими достоинствами и недостатками. В данном случае лошадь наделили тщеславием. Лошадь не может быть тщеславной. И нельзя любить ее только на пьедестале. И на пьедестале она будет недолго. От силы семь лет. Лошадь старятся быстрее, чем люди. Вот и у Насибова теперь есть своя конюшня на ипподроме, а такой лошади, как Анилин, нет. Это не любовь. И когда просто смотришь на лошадь, как она жует горбушку — тоже не любовь. Я хочу, чтобы воспитать лошадь с маленького жеребеночка, и чтобы она до самой своей старости была со мной!

Конь по имени

Каштан

Казалось, чего проще — купить лошадь. Когда юрист сказал, что ты имеешь на это право. Когда получено согласие мамы. Когда собрана нужная сумма денег и при этом неважно, что твой портфель беспредельно стар, мечта о новых туфлях отодвинута в далекое будущее, и одета ты скромнее своих однокурсниц. Осталось самое легкое и приятное — купить лошадь. Правда, через пять дней начиналась студенческая сессия, но можно было вернуться прямо к экзамену. Все эти годы Наташа была отличницей и теперь тоже чувствовала себя уверенно. По-

следний наказ маме: «О том, что я поехала покупать лошадь, — ни слова. Придумай что-нибудь...» Мама — друг. Она сделает все, как надо.

Первым человеком, кого она встретила в селе Воздвиженка Уссурийского края, был тренер заводской конюшни Сережа Пименов. В отличие от пожилого юриста, он не удивился цели наташиного визита. Несмотря на свой молодой возраст, с лошадьми работал давно, умел и подлечить и подковать, однажды вступил в драку с конокрадами, его жестоко ранили в голову, но лошадей не взяли — побоялись. Так что сразу мог определить — любит ли человек лошадей, и на наташин счет у него сомнений не возникло. Но лошадь — это не торт, перевязали ленточкой и поблагодарили за покупку. Потребовалось время, чтобы оформить документы. Наступил день, когда Сережа привел из табуна жеребчика с белой звездочкой на лбу. Наташа протянула ему сахар, но он отказался и совсем по-собачьи лизнул Наташу в нос.

— Мой! — сказала Наташа.

И по этому поводу вручили ей племенное свидетельство, где значилось, что она является владельцем лошади по кличке Каштан, породы русский рысак, масти темно-гнедой с особой приметой — «на лбу звезда».

Где бы ты ни ходил,
Ни летал и ни ездил,
Храп коня в тишине
Будоражит меня.
Самой лучшей из звезд,
Из жемчужных созвездий
Я считаю звезду,
Что на лбу у коня...

Эти стихи Наташа прочитала Каштану, когда поезд отошел от станции. Это были стихи про него. Вагон был товарный, было в нем сено и овес, вода и железная печка. На протяжении всей дороги ей приходилось топить, спасибо ребятам из Воздвиженки — погрузили в дорогу целую поленицу. Они были двумя пассажирами в этом вагоне, и им было о чем поговорить.

— Ты знаешь, — с ужасом вспомнила Наташа, — у меня сегодня экзамен. Декан мою бедную голову снимет с плеч!

Каштан фыркнул. Вероятно, экзамен показался ему пустяком по сравнению с этим первым в жизни путешествием.

В Хабаровск поезд прибыл новогодним вечером. 31 декабря. Люди, подхватив свои чемоданы, с невероятной скоростью неслись по перрону, чтобы поскорее вскочить в автобус, троллейбус или такси. Осталось всего три часа до нового года. Поэтому на вокзале ни у кого не было времени рассматривать перемазанную сажей девушку, которая осторожно вела перепуганную на смерть лошадь.

Каштан никогда не видел города. Ни машин, ни садовых скамеек, ни неоновых букв на магазинах. Город казался ему чудовищем. На бульваре он вдруг встал, как вкопанный, и начал печально ржать. Вероятно, он звал своих друзей по табуну или просился обратно в Воздвиженку.

Мужчина с елкой на плече остановился на минуту с любопытством посмотрел на Каштана.

— Чего только не увидишь под Новый год. Лошадь...

Дома Наташа была за пятнадцать минут до нового года.

— Господи! — только и сказала мама, увидев лошадь и перемазанную сажей дочь.

Санек и другие

Первыми, и в этом ничего удивительного нет, познакомились с Каштаном дети. По одному они приходили редко, чаще, гурьбой. Стучались в калитку, а когда ее открывали, какой-нибудь карлуз, шмыгая носом, от имени всей компании произносил:

— Тетенька, а лошадь посмотреть можно?

На лошадь смотреть было можно. Можно было ее гладить, трогать за хвост и угощать сахаром с ладони. Потом дети, когда познакомились получше и подружились и уже знали, что в семнадцать часов лошадь выводят на прогулку, стояли на горе, терпеливо ждали, и если Каштан задерживался, посылали гонца:

— Тетенька, а лошадь сегодня выйдет?

Скорее не было ни одного мальчишки и ни одной девочки на улицах, соседних с Красноармейской, чтоб хоть раз не проехали верхом.

Приходили и взрослые. Долго извинялись и прямо в калитке непременно начинали рассказывать случай, как когда-то в детстве пришлось прокатиться в санях или верхом, и как это было здорово. Смотрели на Каштана и умилялись. Смотрели издали, рук не протягивали. Задавали вопросы — много ли ест, какую приносит пользу, ведь ни мяса от нее, ни молока, а все-таки какая-то польза должна же быть. И уж редко какой взрослый не спросит на прощанье: «Вы уж простите, ради бога, а сколько лошадь стоит?» Наверное, это оттого, что лошадь стала редкостью.

Вот так однажды пришел и Санек. Тихий, застенчивый. Только месяца через три Наташа с мамой узнали, что зовут Санька Александр Иванович Киреев, у него жена и двое детей, и работает он шофером грузового автомобиля. Санек был тем редким человеком, который не рассказывал, как любит он лошадей. Он молча починал подругу. В дру-

гой раз пришел с детьми и принес мешок сена. А как-то привез машину опилок. Летним днем расчищал от мусора пустырь возле нефтеперерабатывающего завода, обнес площадку трубами, посыпал песком. Появился у Каштана манеж.

Санек хороший шофер и работу свою любит, но, поставив в гараж свой «табун» лошадиных сил, идет в конюшню к живой лошади. Лошадь сегодня — это не стиль «ретро», не в одном ряду она с самоварами, резными комодами и часами с кукушкой. Лошадь сегодня — это проблема экономическая. На недавней конференции ООН в столице Кении Найроби представители 150 стран мира искали ответа на вопрос: «Угрожает ли планете энергетический кризис?» Говорили об энергии солнца, ветра, о нефтеносных сланцах и тягловой силе скота. В отчете с конференции собственный корреспондент «Литературной газеты» пишет о том, что непоправимо быстро расстались мы — дети машинного века — с верным другом и помощником человека — лошадью.

Расписные сани

Мысль, неожиданно пришедшая в голову солнечным зимним утром, показалась Наташе доброй и светлой. Каштан был одет празднично, грива заплетена в косички. Расписные сани ехали по бульвару в парк над Амуром.

— Каштанка, хорошо себя vedi! — давала последние наставления Наташа. — Мы едем в гости к детям...

Казалось, он кивнул головой. И это не удивительно. Они уже научились понимать друг друга.

Дети при виде лошади, запряженной в сани, замерли. Будто в парк пожаловала не лошадь, а фанерный дед-мороз с новогодней площади. Маленькая девочка бросилась было навстречу, но ее удержала за руку мама, сказав строго:

— Это даже не собачка. Это лошадь. К ней близко подходить нельзя. Пальчик откусит.

— Дети, эту лошадку зовут Каштан! — громко сказала Наташа. — Он приглашает вас сегодня покататься на санях...

Когда был завершен первый круг и сани возвратились на место, здесь уже чинно стояла очередь. Кое-кто не пожелал вылезать из саней, решив непременно прокатиться во второй раз. А те, кто не прокачались ни разу, пытались изо всех сил втиснуться. Мамы старались как-нибудь пристроить своего ребенка. Мальчик лет пяти, которому не хватило места, капризно плакал, а его дед кричал: «Безобразия! Почему билетов не продают? Надо по билетам пускать в сани!»

После пятого круга Наташа, улыбнувшись очереди, сказала:

— Лошадка устала. Придется подождать...

Какая-то мама, надвигаясь на нее, возмущалась:

— Как это устала? Еще все по разу прокатиться не успели, а она устала?!

В последние годы в народных судах разных городов страны накопились целые тома уголовных дел, суть которых определяется двумя словами: «Угон лошадей». Дело хабаровской школьницы Аллы Саяпиной составляет одну страницу в этих томах.

Сначала был фильм «Неуловимые мстители». Захватывающий кадр — подростки по лесной дороге мчатся на лошадях. Лошадь в городе оказалось найти непросто. Алла с друзьями несколько дней бродили по улицам, прислушиваясь — не раздастся ли в городском шуме среди шуршания шин и автомобильных гудков цокот копыт. Лошадь отыскалась в больничном дворе, куда она привозила бидоны с молоком. Лошадь было сказано много хороших слов и скормлено две буханки хлеба. Только потом, ночью, с трудом взломав амбарный замок на двери подвала, ее украли, увели на пустырь за кладбище и там по очереди скакали, лихо ударяя пятками в бока. Подростки и представления не имели, что лошадь, на которой возят молоко, не годится для быстрой верховой езды. Дела уголовные по угону лошадей прибавляются, а почему — никто пока не может ответить на этот вопрос.

Наташа Томилова мечтает о том времени, когда в Хабаровске будет ипподром. Нет пока такой возможности. Ходила она в сельское профтехучилище, пыталась заечь директора идеей — создать при училище конно-спортивную секцию. Конкурс в училище будет! Обещала помогать во всем совершенно бескорыстно. Не зажегся директор.

Директору парка она предлагала каждое воскресенье, всю зиму, детей катать совершенно бесплатно, были бы только сани. Те расписные на время давали из Воздвиженки. «Сани — это проблема», — сказал директор.

СКОЛЬКО СТОИТ ЛОШАДЬ?

В детстве Наташа Томилова училась в музыкальной школе. Был у нее такой момент, очень типичный для всех маленьких музыкантов — ей ужасно надоело играть гаммы. Мама, заметив это, строго сказала: «Будешь плохо играть, продадим пианино». После этого Наташа стала

играть еще хуже и каждый раз, возвращаясь из школы, с надеждой заглядывала в замочную скважину — продали пианино или нет? Сейчас она вспоминает об этом с улыбкой. Сейчас она музыкант. У нее тонкие нервные пальцы. А какая связь между лошадью и музыкой? Самая прямая. Та-та-там! Три такта. Это галоп. Пам-пам, пам-пам! Два такта. Это рысь. Великий композитор Мусоргский служил в гусарском полку. А оперный певец Лемешев прямо из кавалерийского полка был направлен в консерваторию.

Музыканту руки надо беречь. Наташа ловко орудует иглой. Все для Каштана — уздечку, недоуздок, вольтрап — она сделала сама. Нет таких магазинов «Товары для лошади». А надо таких товаров лошади немало. «Жаль, что нет шорной машинки...» — каждый раз думает Наташа Томилова, когда приходится все делать вручную — шить, клепать, плести.

Не только из праздников состоит ее жизнь. Я бы сказала, что праздники составляют меньшую ее половину. Это только с точки зрения человека случайного красиво — девушка на лошади мчится по бульвару в сторону реки. И звучат копыта — пам-пам, пам-пам! Музыка.

Прошлым летом у Каштана неожиданно заболела нога. Появилась опухоль в области коленного сустава. Перелистав ветеринарный справочник, Наташа поставила диагноз «тендовагинит» и повела лошадь в ветеринарную лечебницу.

— Если бы у вас была корова или собака, все было бы гораздо проще, — сказал ветеринарный врач. — Сейчас нам не встречаются лошади в нашей лечебной практике. Тут уж плачьте не плачьте...

Каштан едва ступал на ногу. Это путешествие до ветеринарной лечебницы и обратно стоило ему невероятных усилий. Слезы лились из Наташиних глаз ручьями, и за долгую дорогу много раз подходили незнакомые люди, заглядывали в лицо, спрашивали, что случилось. Много вокруг добрых людей — поняла она тогда. Очередному старичку рассказала о своем горе, и он посоветовал душевно и просто:

— Ты бы лучше съездила к Грише. Он поможет. Он старый кавалерист. А врачи-то ныне, дочка, как и лошадь-то звать забыли...

Приехал старый кавалерист дядя Гриша, обнял Каштана за шею и долго с ним о чем-то говорил. Высказал всю свою тоску по лошадям военным и почтовым (после войны он работал на почтовых лошадях). Посидел на бревне на солнышке, выкурил козью ножку. Потом сказал, чем ногу вылечить. А заодно проконсультировал и на случай, если вдруг Каштана одолеет лошадиный недуг «мокрецы». Починил сед-

ло, попрощался. Выздоровел Каштан. Спасибо доброму человеку, старому кавалеристу дяде Грише.

Нынешним летом все, казалось бы, сложилось хорошо. Сена накопили вдоволь. И Каштан в форме — легко скачет собранным галопом, рысью, делает вольты на галопе. Даже кентир освоил — медленный галоп, а для него, русского рысака, это необычайно трудно. В общем, вполне готов принять участие в первых в жизни соревнованиях, на которые приглашение получил. И — на воднение.

Амур поднимался быстро. То и дело в газетах появлялись сообщения о наводнениях в приамурских селах и о мужестве дальневосточников, проявленном при спасении людей, урожая, скота. Однажды утром тоненький ручеек, протекавший в овраге возле дома, стал шумной рекой, вода во дворе и в конюшне поднялась по шиколотку, а потом забурлила возле калитки, и жалобно под ее натиском закрипел забор. Беда стучалась в ворота. А, значит, отворяй.

Глаза лошади были полны ужаса. Каштан стоял по грудь в воде и с надеждой смотрел на хрупкую Наташу. Поток ворвался в калитку, волоча на себе куски соседнего забора, ветки, по пути подхватил маленькую собачонку Тобика, спасавшуюся на крыльце, и понес прочь. Каштан ржал громко, будто медная труба играла сигнал тревоги. Наташа растерялась и не знала, кого сначала спасать — маленькую собачонку или большую лошадь. Возле куста вишни, в саду, она успела подхватить Тобика и увидела, как оба стога сена распались на травинки и понеслись неведомо куда с грязным потоком воды. Она взяла под уздцы Каштана и чуть ли не по грудь в воде побежала на гору. Каштан дрожал, торопился и наступал ей на пятки...

А потом Наташа с мамой косили на клумбах потемневшую от первых морозов траву. Как-то Санек привез тюк сена. И в управлении сельского хозяйства, глубоко вздохнув, ответственный работник выписал четыре мешка комбикорма.

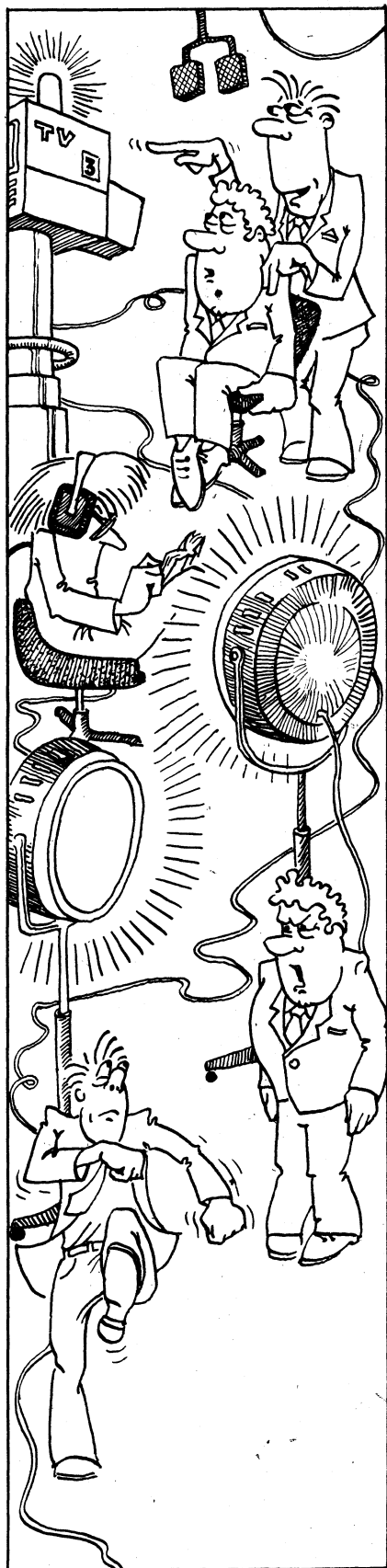
В первых числах октября гладкие бока Каштана вдруг покрылись длинной мохнатой шерстью. Наташа схватилась за голову: «Наверное, я не так его кормлю...» Но скоро выпал снег, такой ранний. Просто Каштан стал совсем взрослой лошадью и первым почувствовал, что в наш город пришла зима. Третья зима его жизни в городе.

ТРИБУНА НОВАТОРА

Рассказ

Сергей
КОРКОДИНОВ

Я, знаете, не из пугливых, но однажды попал в такой переплет, что еле выкрутился.

Так вот, вызывает меня начальник цеха и говорит:

— Звонили, Ваня, из студии телевидения. Придется тебе выступать. Ты у нас не на последнем счету, парень видный, с армейской закалочкой. Завтра в двенадцать ноль-ноль — на репетицию.

Прибыл я на студию. Потолкался по коридорам, разыскал на пятом этаже за поворотом предпоследнюю комнату налево. Приоткрыл дверь, смотрю — подходит ко мне один молодой интеллигентный товарищ.

— Вы такой-то? — спрашивает.

— Да, — отвечаю, — он самый.

— Проходите, — говорит, — не стесняйтесь. Я ваш режиссер. Вы у нас еще не выступали?

— Нет, — говорю, — как-то не пришлось.

Он хитровато подмигнул, дружески потрепал меня по плечу.

— Ерунда. Научим. Скажете пару слов и с колокольни долой.

— Ну и правильно, — скромно поддакиваю. — К чему тары-бары разводить...

Одним словом, познакомились.

Привел он меня в какое-то полутемное помещение.

— Вот здесь, — весело сообщает, — мы вас и за-пи-шем. Командовать парадом буду я. — Потом кому-то громко крикнул: — Давайте свет! Начинаем репетицию!

Включили прожектора. Я даже зажмурился с непривычки. Посадил меня режиссер за столик.

— Сейчас, — говорит, — разыщем вашу текстурку.

Он порылся в карманах и положил передо мной бумажку. Потом стал разьяснять:

— А это ваша камера, Иван Михайлович. Видите, какая пушка? Опе-

ратор будет держать вас на прицеле, а когда загорится красный глазок — значит, вы уже видимы, как на ладони. Со всеми вашими, извините, атрибутами. Смотрите. Р-раз! — он хлопнул в ладоши и показал на красный глазок.

И верно — глазок на камере сию же секунду загорелся. Мне вдруг стало жарко и как-то тоскливо. Как Робинзону Крузо.

А оператор уже нацеливал на меня свою пушку, потом стал ее катать туда-сюда. Какая-то девица с артистической внешностью подошла к режиссеру и показала ему картонку, на которой я успел прочитать: «Трибуна новатора». Я сразу смекнул, что это, стало быть, название передачи.

Девица ловко поставила картонку перед другой камерой. Там тоже орудовал оператор.

— Приготовились! — режиссер хлопнул в ладоши и ушел.

Только я хотел достать платок, как вдруг слышу громкую команду из репродуктора:

— Внимание!

От неожиданности я замер, но сию, как ни в чем не бывало. Поводил глазами, вижу — все заняты своим делом. Мой оператор сидит на стуле и читает толстую книгу. Девица с артистической внешностью стоит в наушниках, двумя пальчиками придерживает картонку. А второй оператор через свой агрегат внимательно название передачи рассматривает.

На всякий случай тихонько спрашиваю девицу с картонкой:

— Читать?

Не успела она ответить, как опять раздался голос режиссера:

— Начали!

Я старательно и громко начал читать, но режиссер меня тут же по-простецки предупредил:

— Орать не надо, Иван Михай-

лович. Вы не на трибуне. И микрофон рядом.

Посмотрел я по сторонам и ничего не заметил. А режиссер крикнул:

— Груша над головой болтается, видите? Давайте-ка еще разок! Бормочу я первые слова, а про себя думаю: «Тут, оказывается, смотри в оба!»

— Сто-оп! — скомандовал режиссер.— На запятой надо паузу выдержать. А то главная мысль пропадает. Пометьте запятую птичкой и поехали дальше.

Я пометил запятую птичкой и поехал дальше. Чтобы не сбиться и делать паузы, стал водить пальцем по бумажке. Но режиссер это сразу заметил:

— Палец убрать.

Я отдернул палец, а режиссер добавил:

— Ваши руки мы вообще отрежем. Ни к чему они. Первая камера, наехали!

Оператор сделал в книге закладку и стал на меня ехать.

— Хорошо! — послышалась команда.— Между прочим, вы слишком статичны, Иван Михайлович,— растолковал режиссер.— Динамики не чувствуется. Надо двигаться в кадре.

Начал я читать и стал раскачиваться из стороны в сторону. Режиссеру это опять не понравилось.

— Минуточку,— сказал он.— Не надо мотаться, как маятник. Вы из кадра вываливаетесь.

Прочитал я еще три строчки, сам легонько покачиваясь. И на запятой остановился. Жду, что скажет режиссер.

Так точно, он включил динамик и заговорил:

— Не вижу ваших глаз, дорогой мой. Общения мало. А красный глазок? Это же зритель! Он на вас смотрит, а вы нет. Неуважительно. Давайте будем отрываться от текста. Прочитали пару слов и оторвались, опять прочитали и опять оторвались. Понятно?

Вот теперь, думаю, пойдет. Проговорил я следующие два слова, оторвался и стал глядеть на красный огонек. Пожалуй, прикидываю, хватит.

— Слишком большую паузу даете! — загремел режиссер.

Чтобы наверстать время, я начал шпарить как из пулемета.

— Сто-оп! — испугался режиссер.— Третья скорость не пойдет! Я притормозил.

— А движение где? — наседали режиссер.— Где динамика?

Черт возьми, я, оказывается, опять сижу, как пень, то есть, значит, статично! Ну нет, думаю, не на того наехали. Прочитал я несколько слов, сделал паузу, бросил взгляд на красный глазок и чуть-чуть сдвинулся влево. Потом опять прочитал, выдержал паузу, снова взглянул на

огонек и сдвинулся вправо. Смотрю — дело вроде бы пошло. Да не тут-то было!

— Амбал! — вдруг раздалось сверху.— Не вытанцовывается. Кончаем эту карусель. Давайте-ка без бумажки, Иван Михайлович. Своими словами. О себе ведь рассказываете. Только не молчите. Пока подбираете слова — издавайте какие-нибудь звуки. Не хватит звуков — жесты делайте. Пусть ваша мысль рождается прямо на наших глазах. И улыбку дайте!

Интересный, думаю, совет дает товарищ. Набрал я побольше воздуха, раскрыл рот и замычал не своим голосом. Хотел было что-то сказать — опять заело. Не рождается мысль, и конец! Попробовал улыбнуться и чуть не заплакал.

— Улыбка не посмотрится! — заключил режиссер.— Уберите улыбку.

Теперь, думаю, осталось только жесты делать. С размаху ударил я кулаком по столу и впился глазами в красный глазок. Девушка с артистической внешностью чуть не выронила из рук картонку, а мой оператор захлопнул книгу и стал с интересом глядеть на меня.

— Слишком много экспрессии! Не пойдет! — осадил меня режиссер.— Придется, видимо, показать вам, как все это делается.

Он неожиданно появился около меня.

— Дайте-ка шпаргалку.

Подал я ему шпаргалку и встал рядом со столиком. Сам дрожу, как осиновый лист. Режиссер сел на мое место, развернул листок и говорит:

— Смотрите. Проще пареной репы.

И тут на меня, знаете, накатило. Заявляю решительно:

— А я буду командовать парадом!

— Что значит командовать?! — удивился режиссер.

— Сейчас,— говорю,— увидите. Чувствую, до белого каления дошел. Встал по стойке «смирно» да как гаркну:

— Внимание! Начали!

Гаркнул, а у самого колени вздрогнули. Режиссер вроде бы тоже опешил, но виду не подает. Смотрит на меня, извините, как баран на новые ворота. А я ему тем же голосом:

— Улыбки не вижу!

Режиссер криво ухмыльнулся и заглянул в бумажку.

— Отставить! — скомандовал я.—

На месте шаго-ом... марш! Раз, два! Лево!

Гляжу и сам себе не верю — марширует мой режиссер! Как новобранец! Честное слово! Значит, не зря, думаю, два года я сержантские погоны носил.

— А текстуру кто будет читать? — строго спрашиваю.

Режиссер спохватился и забубнил, а я новую команду выдаю:

— Напра-во! Раз, два! Паузу не выдерживаете! Лево!

Топчется режиссер около столика, бормочет себе под нос с пятое на десятое, изредка на меня озирается.

— Выше ножку! — отчеканиваю.— Лево! Про красный глазок забыли! Раз, два! Общения мало! А динамика где? Лево! Где динамика, я спрашиваю? То-то! И не сутулится у меня! А то главная мысль не рождается.

С грехом пополам режиссер дочитал мою «текстуру», и тут я дал последнюю команду:

— Волюно! Выключайте свет! Кончаем репетицию.

Точно, прожектора быстренько потушили. И вокруг — ни единого звука. Вроде бы все тут, а вроде бы и нет никого.

— Извините, если что не так,— объявляю в тишине.— Завтра напарника пришло. Куда мне до него! Он в армии старшиной был.

Щелкнул каблуками для порядка и стал пробираться к выходу. Из интереса оглянулся, смотрю — что там за привидение маячит? Оказывается, это девушка с артистической внешностью. Она первой подала признаки жизни и медленно-медленно поплыла на цыпочках следом за мной с картонкой «Трибуна новатора»...

Рисунок
А. Копырина

«Скорее берите»

Известно, что почти одновременно со «Сказками об Италии» в 1912 году М. Горький начал писать «Русские сказки». Это были остро сатирические произведения.

В. И. Ленин, интересуясь творчеством писателя, обратил внимание на «Русские сказки». В ноябре 1912 года он пишет из Кракова в редакцию «Правды»: «Прилагаю письмо Горького в «Современный мир» о выдаче Вам «Сказки». Скорее берите».

Ряд сказок из этой серии М. Горький написал позже. Так, сказка «Кузьмичи и Лукичи», сатирическое острие которой было направлено против империалистической войны, написана в 1917 году и сразу же была взята на вооружение, как пропагандистский материал, организациями РСДРП; Екатеринбургский комитет РСДРП отпечатал эту сказку в типографии А. З. Каца в виде листовки. Судя по обозначенной цене (2 копейки), сказка просто продавалась. Уральские большевики следовали совету В. И. Ленина: «Скорее берите».

П. КОВЕРДА

Чтобы трубы не дымили...

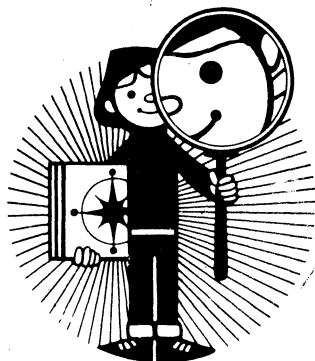
В смотровые окна аппарата видно, как водяные капли с бешеной скоростью летят на перегородки и, ударяясь о них, превращаются в молочно-белую пену. Туда же, в аппарат, идет от печи густой черный дым, а из трубы после аппарата струится... чистый прохладный воздух.

Так работает ротоклон «Урал», изобретенный кандидатом технических наук, заведующим лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского института «ВНИИ-энергоцветмет» В. П. Рычковым.

Скорость газа в ротоклонах «Урал» велика — до 100 метров в секунду. Подвижные перегородки в аппарате позволяют легко создать режим промывки любых газов.

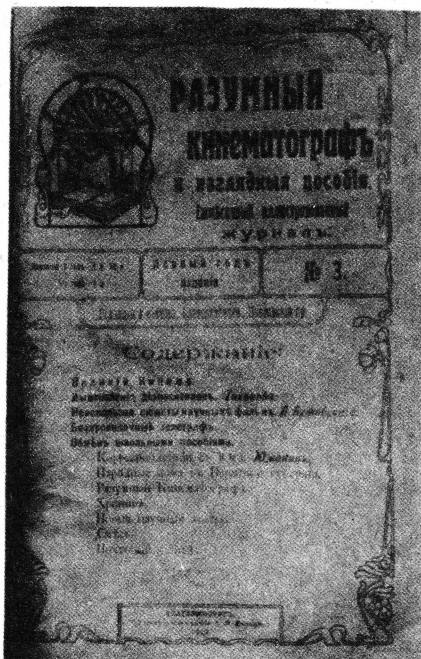
Производственники сразу оценили изобретение: аппараты Рычкова уже внедрены, действуют на многих предприятиях нашей страны — от Хабаровска (завод отопительного оборудования) до Калининграда (завод стройматериалов). В Ленинграде два ротоклона «Урал» очищают газы от пыли дуговых электропечей. В Краснодарском крае на одном из заводов ротоклоны «Урал» очищают воздух от ядовитых масел при производстве асфальтового битума. В Новосибирске они очищают дым котельных, в Свердловске — дым вагранки, воздух от травильных ванн, в Крыму на Перекопском бромном заводе — газы от химических производств.

Е. БРОЙДЕ

МИР

на ладоны

Разумный кинематограф

В 1913 году была сделана эта парадоксальная резолюция на одном из документов:

«Я считаю, что кинематография — пустое, никому не нужное и даже вредное развлечение. Только ненормальный человек может ставить этот балаганный промысел в уровень с искусством». И подпись: «Николай II, самодержец всея Руси».

Фильмы были тогда, мягко говоря, сугубо увеселительными, вроде таких, как «Политый поливальщик» или «Купание женщин». В киносеансы, правда, включали и документальные, познавательные сюжеты, но — совсем немного. И передовая часть русской интеллигенции самой важной стороной кинодела считала именно его просветительное воздействие на широкие массы.

В 1913 году в Екатеринбурге стал выходить журнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия». На страницах издания появились статьи «Кинематограф и дети», «Домашний и школьный кинематограф», «Анти-пьяные ленты». Регулярно печатался «Обзор разумных научных лент». Редактором был Н. Тихонов. Он часто выступал с лекциями «при громадном стечении публики».

До войны вышло пять номеров единственного на всю страну журнала.

Е. БИРЮКОВ

Мир еще не весь

открыт...

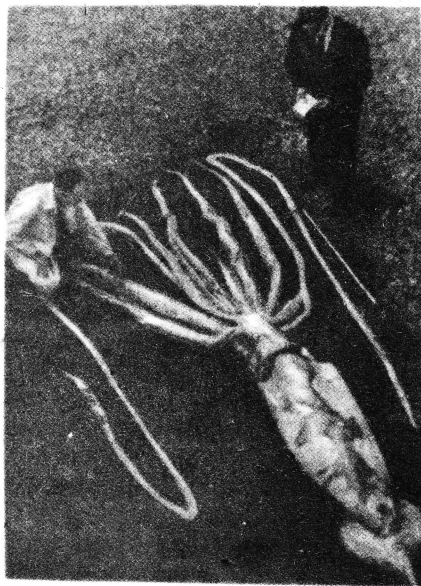
● На острове Окинава японские орнитологи обнаружили не известную науке птицу длиной около 30 сантиметров. Птица — из отряда журавлеобразных. У нее длинный красноватый клюв, чешуйчатые ноги. Выяснилось, что эта «незнакомка» живет на острове уже 20 тысяч лет. В процессе эволюции она утратила способность летать и от своих врагов спасается просто бегством.

● Довольно крупные алмазы — кристаллы диаметром три миллиметра — найдены в северной Швеции. Это самая настоящая сенсация в истории геологии. Специалисты утверждают, что ничего подобного в Европе до сих пор не случалось.

● Датские картографы открыли небольшой островок площадью всего в 836 квадратных метров к северу от Гренландии. Они считают, что это самая близкая суша к Северному полюсу.

● Соленый воздух моря — это действительность, а не выдумка моряков. Во время штормов ветер срывает гребни волн, поднимает высоко вверх мельчайшие капельки соленой воды. Количество солей над Каспийским морем, например, колеблется от 50 до 160 тысяч тонн.

● Необычное метеорологическое явление наблюдалось в Испании. Примерно в полцентнера весом глыба льда упала с неба близ города Алора в провинции Малага. Как сообщила местная газета «Соль де Эспанья», падение сопровождалось сильным воем, подобным звуку авиабомбы. Шарообразная глыба при ударе о землю раскололась на куски, рассыпавшиеся в радиусе до 20 метров.

Головоногий

великан

Штормовое море выбросило на берег Норвегии одного из великанов мира головоногих моллюсков. Длина этого кальмара почти 10 метров. А самые-самые из кальмаров достигают 18-метровой длины!

Среди беспозвоночных обитателей моря головоногие — своего рода приматы. Потому они — хищные, необычные — наиболее совершенны. На своих щупальцах, расположенных на голове, они часто ходят по дну, как на ходулях. У кальмаров — десять щупалец, и тело снабжено плавниками. Мускулистая глотка имеет кривой, как у попугая, клюв. Но кальмары (как и осьминоги, каракатицы) не могут проглотить добычу крупнее, чем, скажем, обычный муравей. Зато природа наделила их языком-теркой, которым они приготавливают пюре из крабов и рыб. У кальмаров, как и у других головоногих, не одно, а три сердца и голубая кровь. Самый интересный орган головоногих моллюсков — их «реактивный двигатель». Всасывая воду через широкую мантийную щель, кальмар затем с силой выталкивает ее через особое «сопло» в той же мантийной щели. Реактивные толчки и всасывание воды следуют одно за другим с неуправляемой частотой, и кальмар ракетой проносится в океанской синеве.

С. МЕЛЬНИКОВ,
В. ДАНИЛИН

На постаменте...

лебедь

Мои друзья, зная, что я интересуюсь памятниками животным, установленными в разных странах, известили меня о том, что в одной телепередаче промелькнул кадр с памятником лебедю в Японии.

На мой запрос из редакции я получил ответ: «За сведениями об этом памятнике обратитесь в школу № 51 Хабаровска».

То, что о памятнике в Японии мне предложили узнать в советской школе, заинтриговало меня. Конечно, в школу я написал и получил от ребят кружка интернациональной дружбы адрес другой школы — в Японии, в префектуре Ниигата.

Началась переписка с директором школы г. Акацука Фумио Кагава, который подтвердил, что у стен школы установлен памятник советскому лебедю! Советскому лебедю? В Японии? Когда же открыт памятник? По какому поводу?

Родина лебедей — арктическая зона Европы, Азии и Америки. Здесь, на берегах огромных рек, несущих свои воды в Ледовитый

океан, в начале июня огромные стаи лебедей начинают выводить свое потомство.

Упустить сроки нельзя! Ведь вылупившиеся птенцы за пять коротких летних месяцев должны превратиться в огромных мощных птиц.

Условия для этого весьма подходящие: солнце — светло круглые сутки, еды — сколько угодно в прибрежных зарослях рек, в тундре, в болотах. И растут лебедята, как говорится, — не по дням, а по часам! Близится октябрь... Весь молодняк «встал на крыло», накоплено достаточно подкожного жира. В труднейшем перелете он очень понадобится. А перелет предстоит долгий и трудный. Горе тому, кто останется здесь на зиму. Он погибнет от голода.

Ночные заморозки образуют тонкую ледяную корочку по берегам водоемов. Лебеди собираются в громадные стаи, и вот наступает день, когда стая за стаяй снимаются с родных мест и улетают.

Большая часть сибирских лебедей улетает на Японские острова, изобилующие прекрасными, спокойными озерами. Правда, путь трудный — около 3000 км. Лебеди гибнут в пути, заболевают — у кого

крыло вывихнуто, у кого лапа поранена...

В Японии ждут наших красавцев-лебедей. Их здесь называют ангелами японской зимы.

Можно удивляться гостеприимству японцев: на острове Хоккайдо жители организовали маленькую лечебницу для пострадавших в полете птиц, правда, всего на 5—6 «коек»...

На путях перелета организована служба учета количества прилетающих в Японию лебедей.

...В Хабаровске принимали гостей — профсоюзную делегацию из Японии. Кроме сувениров, которые гости привезли хозяевам, было письмо от японских школьников. Его вручили ребятам 51-й школы, в которой работал кружок КИД. Японские ребята писали о том, что на озеро возле школы опустилась стая лебедей и учитель рассказал им, что родина птиц — Советский Союз.

Поздней весной в Хабаровск пришло другое письмо, в котором ребята из Акацука сообщили, что стая от них улетела, но на следующий день к ним в школу принесли двух лебедей, которые не смогли улететь на родину со всей стайей: то ли

их подранили браконьеры, то ли птицы заболели. Словом, лебеди остались в Японии.

Одного из них ребята назвали Сибирским Мальчиком (он вскоре погиб), другого ребята назвали Озеттой. Ему вырыли в пришкольном участке небольшой пруд.

Жил Озетта здесь три года. И опять пришло письмо в Хабаровск, но теперь с грустной вестью: в самом начале 1964 года Озетты не стало.

Не захотели японские ребята расстаться со своим любимцем, благодаря которому началась их дружба с советскими школьниками. Было решено соорудить лебедю памятник. Нужны были деньги. И вот, с помощью родителей, иену за иеной стали копить ребята деньги.

В конце того же 1964 года к школе подъехал автомобиль. Это прибыли на открытие памятника работники советского посольства.

Когда со скульптуры сняли покрывало — все увидели на постаменте лебедя. Крылья его раскрыты, шея вытянута — вот-вот взлетит птица, присоединившись к своей стае, улетающей на родину...

В. БУЛЬВАНКЕР

Обезьяны против монахов

Около пятисот обезьян, две стаи, в течение нескольких дней занимали буддийский монастырь, затерянный в джунглях тайландской провинции Петхаруби. Избрав в качестве наблюдательного пункта крышу храма, одни из них держали под своим контролем подступы к монастырю и забрасывали подходивших к нему камнями. Другие опустошали помещения, растаскивали запасы продовольствия монахов.

Эксперты ведомства по охране животного мира пришли к заключению, что исходили обезьяны при этом из опыта общения с жителями деревень, которые используют для обороны камни. Монахи же, приученные к смирению, оказались для хвостатых террористов вполне подходящими жертвами.

В конце концов, представителям властей удалось с помощью ананасов, сдобренных алкоголем, усыпить незваных гостей и на грузовых автомашинах переправить их в национальный парк.

МУЛЬТИК «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»
Художник С. Ашмарин (г. Свердловск)

ГОССТРАХ – ВАШ ДРУГ И ПОМОЩНИК,
НЕ ЗАБУДЬТЕ О СТРАХОВАНИИ!

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Река Чусовая. Камень Часовой

Живописные берега с величественными скалами-бойцами, старинные кержацкие постройки, обдающие прохладой и мраком таинственные пещеры, звонкие перекиды, обрамленные хвойными лесами яркие пестроцветные луга—все это привлекает на реку Чусовую художников и географов, ботаников, историков, краеведов, всех любителей природы, поклонников ее красоты.

Еще до выхода на всесоюзный туристский маршрут по Чусовой гости Урала знакомятся с окрестностями Коуровской турбазы. Рукой подать — громады Георгиевских скал. Они завершаются причудливой пирамидой камня Часового. Яркий поэтический уголок! Многие видели его на киноэкранах. Именно этот пейзаж свердловские кинематографисты выбрали для натуральных съемок фильма по роману В. Я. Шишкова «Угрюм-река».

Правый берег голубого коромысла Чусовой обнимает сплошная стена, левый нежится сочными травами, благоухает зарослями черемухи. Камень Часовой имеет еще одно старинное название — Гуляй. Он был первым бойцом на пути барок. Бурлаки-сплавщики считали: миновал этот опасный боец — гуляй себе дальше на просторе Чусовой-матушки.

Геологический памятник природы с комплексом скальной флоры взят под охрану государства. Неподалеку есть еще один памятник природы — ботанический. Это 400-летняя лиственница сибирская в окружении своих младших сестер.

Текст и фото В. Ветлугина